

ПРЕКРАСНАЯ

СВИНАРКА

МАРТТИ
ЛАРНИ

И * Л

*Издательство
иностранной
литературы*

MARTTI LARNI

HELSINKI 1959

МАРТИ
ЛАРНИ

РЕКРАСНАЯ СВИНАРКА

ИЛИ

*Неподдельные
и нелюбезные
воспоминания
экономической советницы
Минны Карлссон-Кананен,
ею самой написанные*

ПЕРЕВОД С ФИНСКОГО
В. Богачева

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва - 1961

*Оформление и иллюстрации
художника А. ВАСИНА*

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Имя Марtti Ларни, финского писателя и публициста, хорошо знакомо советскому читателю. Большой популярностью в нашей стране пользуется его роман-памфлет на „американский образ жизни“— „Четвертый позвонок, или Мошенник поневоле“.

В своем новом произведении „Прекрасная свинарка“ писатель обращается к финской действительности и в характерной для него остро сатирической манере раскрывает некоторые стороны финской жизни. Он разоблачает жажду наживы капиталистических дельцов, их сомнительные махинации за спиной народа, притворное ханжество и лицемерие так называемых „благотворителей“, рабское преклонение перед всем западным в особенности перед всем американским.

ОБ ЭТОМ МОЖНО БЫЛО БЫ НАПИСАТЬ РОМАН,

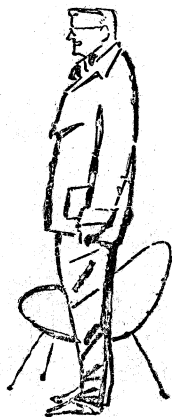
НО ОН ПОКАЗАЛСЯ БЫ СЛИШКОМ

НЕПРАВДОПОДОБНЫМ

ПРЕДИСЛОВИЕ, КОТОРОЕ СЛЕДУЕТ ПРОЧЕСТЬ

Однажды в декабре 1958 года, вечером — едва кончили передавать последние известия — у меня зазвонил телефон, и незнакомый женский голос назвал мое имя.

— Говорит экономическая советница Минна Карлссон-Кананен. Я хочу побеседовать с вами о деле, весьма для меня важном.

Не могли бы вы сейчас приехать ко мне? Через десять минут моя машина будет у вашего подъезда.

Двадцатью минутами позже я был на Кулосаари в роскошном особняке видной предпринимательницы, известной также своей благотворительной деятельностью. Я тут же узнал хозяйку дома, ибо в течение многих лет видел ее бесчисленные портреты на страницах газет и журналов.

Это была высокая, статная женщина, виски которой слегка тронула седина. Красивое лицо ее выражало усталость и было почти сурово. Она говорила по-фински без ошибок, но с легким иностранным акцентом.

— Прощу прощения за то, что я осмелилась побеспокоить вас. Вы один из тех одиннадцати финских писателей, которые ни разу не обращались в мой Фонд за ссудами и пособиями для продолжения своей литературной деятельности, и единственный, кого мне удалось поймать по телефону. Пожалуйста, садитесь! Виски, коньяк, шерри?

— Спасибо, не надо ничего.

— Отлично, я и сама не употребляю алкоголя. Но ведь я не писательница, а деловая женщина, что дает мне право на некоторые вольности. Не в моем обычае долго толочь воду в ступе, а потому перехожу прямо к делу. Я завтра уезжаю из Финляндии и больше, по-видимому, не вернусь в эту страну; разве что наведаюсь как-нибудь проездом. Последние два года я жила тихо, уединенно и за это время, используя личные дневники, написала воспоминания о некоторых событиях моей жизни. Мне хочется опубликовать эти воспоминания отдельной книгой, для чего нужна ваша помощь. Поскольку финский язык для меня не родной, в рукописи, естественно, имеются ошибки. Я прошу вас устранить грамматические погрешности, а затем направить мой труд издателю. Потом вы подадите счет в кассу Фонда, носящего мое имя, и ваше усердие будет оплачено. Я распоряджусь, чтобы приготовили деньги для вас. Вот и все, что я хотела сказать.

Она передала мне рукопись и встала, собираясь проводить меня в переднюю. Я осмелился полюбопытствовать относительно ее дорожных планов. Она ответила в своей спокойной манере:

— Сначала я думала переселиться на Канарские острова, но, съездив туда для ознакомления, тотчас отказалась от этой идеи. Поселиться там — все равно что переехать

на Коркеасаари! Моя секретарша целый год искала подходящее место и в конце концов нашла. Итак, я уезжаю на острова Галапагос, где мне удалось купить пять тысяч гектаров земли. Там уже готова пристань для моих яхт и аэродром. Идеальное место для человека, которому надоело общество себе подобных. Ни радио, ни телевидения, ни электричества, ни полиции, ни любопытных соседей. Этот особняк со всей движимостью я сегодня передала в введение моего Фонда. Ну вот и все. Я надеюсь, вы исполните мою просьбу и позаботитесь о том, чтобы эти скромные воспоминания стали книгой.

Аудиенция продолжалась пятнадцать минут.

И вот теперь я наконец исполнил просьбу экономической советницы Минны Карлссон-Кананен: ее мемуары выходят в свет. Я не стал ничего менять в них, хотя трудно было удержаться; лишь некоторым известным лицам я дал вымышленные имена — в силу пиетета. Однако могу заверить, что персонажи, фигурирующие в воспоминаниях, не являются плодом воображения.

Хельсинки, май 1959 г.

М. Л.

Близи́х друзей у меня не было никогда. Что касается моих близких знакомых, которым я в течение ряда лет оказывала значительную материальную помощь, то многие из них, как бы желая выказать свою благодарность, настойчиво убеждали меня написать мемуары. Я всегда решительно отвергала такого рода заигрывание, в искренности которого позволительно сомневаться. Лесть подобна духам: можно упиваться их ароматом, но пить их нельзя. По этой причине мною овладевает чувство отвращения, когда знакомые восторгаются моей необычайно хорошо сохранившейся внешностью, коллекциями драгоценностей и крупными суммами, которые я отпускаю на благотворительные цели, и восклицают чуть ли не со слезами на глазах:

— Ах, милая Минна! Ты непременно должна написать мемуары, у тебя такой опыт, ты так много видела и столько пережила... всему миру ты известна как эlegantная и образованная женщина — настоящая леди!

После таких излияний я обычно изображала глубокую растроганность — в жизни постоянно приходится играть всевозможные роли — и благодарила моих знакомых за внимание, хотя мне следовало быть честной перед самой собою и сказать им: «Тю-тю-тю! Вы столько накурили фимиама, что моя душа скоро покроется сажей. Но ваше рвение совершенно

напрасно, ибо в погребке у меня почти неограниченное количество виски и доброго коньяку и мой шофер тут же отвезет вас домой, как только вы начнете спотыкаться и сбиваться с мысли...»

Я очень хорошо понимаю людей, которые в скучном обществе тоскуют по одиночеству и удаляются на минуточку в туалет. Скука общественной жизни, или, лучше сказать, светской жизни, стала тяготить меня уже три года назад. И я своевременно устранилась. Я чувствовала себя настоящей леди, но всегда боялась, как бы в один прекрасный день меня не стали называть Grand Old Lady — почтенной старой леди, что было бы ужасно.

Итак, я уже упомянула, мои знакомые убеждали меня писать мемуары. Они настаивали на этом, очевидно полагая, что я все равно ничего писать не стану, так как не посмею рассказывать о своем прошлом, не посоветовавшись с адвокатом, или что я вообще не способна рассказывать интересно о делах, которые на самом деле весьма неинтересны. Так они думали, но это указывает лишь на то, что их мозги безнадежно заскорузли и заплесневели. Они плохо знают меня и не понимают, что моя добрая слава покоится не на тех поступках, от которых я воздержалась.

Если я теперь вопреки своим прежним убеждениям сажусь за пишущую машинку и собираюсь писать всякое слово в строку (строка получится длинная, в ней найдут свое место и неприятные слова), это происходит по следующим причинам: орава моих эмоций с некоторых пор стала поднимать безумный крик, точно банда наемных подстрекателей, и мне хочется заявить во всеуслышание, что я отнюдь не ушла в свою скорлупу ради того, чтобы наедине беседовать со своей нечистой совестью, а просто я убегаю от зависти женщин и от глупости мужчин; я хочу показать, что и женщина может быть социально талантливой, например отличной характерной актрисой, играющей все роли так, что ей верят и награждают аплодисментами.

В последние годы я прочла целую грудку различных мемуаров и с грустью пришла к выводу, что для подобной стряпни не требуется особенно ценных продуктов. Авторы названных сочинений раскрывают кладовые своей памяти прежде всего потому, что это модно; к тому же иные из них считают непоправимым бедствием свой уход со сцены и то, что грядущие поколения ничего не будут знать о

столь незаменимых личностях, которые жили в нашем передовом культурном государстве. Они упускают из виду, что кладбища Финляндии заполнены могилами людей, тоже когда-то веривших, что мир без них не устоит.

Те полтора тома воспоминаний, на чтение которых я убила пятьсот дней, благоразумная хранительница моей библиотеки деликатно переправила на чердак или сплывила букинистам. Эти книги до того походили друг на друга, что вполне могли оказаться произведениями одного автора. Во-первых, они целомудренны, как поэзия Эркко, а их творцы... ах, и могло же найтись в нашей маленькой стране столько бескорыстных, благородных, неутомимых, одаренных, образованных, мудрых, человеколюбивых, скромных, незаметных, самоотверженных, патриотичных и конструктивных характеров! Если на их репутации раньше и было случайное некрасивое пятнышко или раздражающая ценителей красоты бородавка, то широкие мазки воспоминаний под конец надежно прикрыли их слоем краски, радующей глаз. И хотя известно, скажем, что автор в свое время сидел в тюрьме за государственную измену или за подстрекательство к мятежу, за неуплату налогов или за гомосексуализм, тем не менее в воспоминаниях эти маленькие грешки оборачиваются гражданскими добродетелями, на которые призывается читательское благословение.

Многие мемуары напоминают адвокатскую речь или ванную комнату: и то и другое специально создано для очищения. Мемуаристы представляют себя белыми, как сахар, ангелочками, чьи неземные мысли и радужные помыслы недостижимы для всяких внешних раздражений. Их моральные цели возвышенны; они всегда поступают правильно не в надежде на вечное блаженство, а просто от сознания того, что это правильно.

Признаюсь честно, я не поднимаюсь до таких высот. Я эгоистична; мой эгоизм повсюду находит для себя пищу. Я не перестаю ухаживать за своими ногами ради того, чтобы носить тесные туфли. Я не замечаю в себе ни малейших признаков старости и всегда больше думаю о своей внешности, чем о здоровье. У меня также имеются свои непоколебимые принципы: например, я охотнее дарю, чем даю в долг, поскольку и то и другое обходится одинаково дорого. Я не считаю себя порочной, хотя моя нравственность и не укладывается в катехизис Лютера. У меня нет

литературных склонностей, как у некоторых авторов воспоминаний. В продолжение более чем двадцати лет моей любимейшей книжкой была чековая, — в ней я находила священную поэзию деловой женщины для себя и для своих хороших знакомых. Моя литературная деятельность ограничилась подписыванием деловых писем, торговых соглашений и чеков, а также двумя любовными письмами, которые остались неотосланными. Я не понимаю современной поэзии и картин Пикассо, поскольку их значение надо разгадывать.

Стоит мне появиться где-нибудь в обществе, газеты помещают мой портрет с подписью, начинающейся, почти неизменно, словами: «Известная своими благотворительными пожертвованиями деятельница культурного фронта...»

Портретом я обычно бываю довольна, но от текста меня тошнит, а поскольку у меня скверная привычка браниться, я со вздохом восклицаю: «О, ч-черт, какое свинство!..»

«Известная...» Вот уж действительно! «Всем известная», которую, однако, никто не знает! Меня знают лишь потому, что я сорю деньгами у всех на виду. Случай наградил меня богатством, окружение — предрассудками. Поскольку весьма вероятно, что после моей смерти какой-нибудь худосочный рыцарь пера или простодушный новобранец гуманитарных наук примется стряпать описание моей жизни, я хочу теперь добровольно и без малейшей корысти предложить сухих дров будущему повару моей биографии. Ибо что же он иначе сможет узнать обо мне? Только то, что написано в книге «Кто есть кто?» да в двух-трех матрикулах. Но на этом супа не сварить. Что вы скажете, читатель? Откройте, пожалуйста, «Кто есть кто?» на букве «К» и вы найдете там следующее:

Карлссон-Кананен, Минна Эрмина Эрнестина, экономическая советница, Хельсинки. Род. в Виргинии (Миннесота, США) 19.IX.04. Родители: полковник, ресторатор Борис Баранаускас и Натали Густайтис. Супр.: 1) фабрикант Армас Карлссон, 34—36; 2) горный советник Калле Кананен 39, разв.—40. Изучала языки. Экон. советница 46. Увл.: путешеств. и коллекц. драгон. украшений.

У меня сотни знакомых, сторающих от любопытства. Они желают знать о моем прошлом якобы для того, что-

бы лучше понять мою теперешнюю жизнь. То и дело вокруг меня возникают слухи, за которыми следуют противные жандармские отряды подозрений. Злейшие распространители слухов — это мужчины, их мысли так и вертятся вокруг спекуляций, хищений и уголовных преступлений. Зато женщины чувствуют себя гораздо увереннее в сфере супружеских измен, любовных приключений, вымогательств и аборт. Единственный человек из числа моих знакомых, выработавший своего рода иммунитет против ветряной оспы любопытства, — это моя старая кухарка Ловийса, большая специалистка своего дела и очаровательно наивная женщина. Все, что ей в жизни хочется узнать, она находит в поваренной книге.

Однако мне ведь почти нечего скрывать. Все знают, что по возрасту я пока еще ближе к пятидесяти, чем к шестидесяти годам. Не впадая в самолюбование, осмелюсь утверждать, что я хорошо «сохранилась». Благодаря высокому росту — сто семьдесят три сантиметра — я выгляжу очень стройной, хотя вес мой достигает семидесяти килограммов. Грудь у меня круглая и упруга, руки гибкие, шея гладкая, красивых очертаний. На лице нет еще ни одной морщинки, никаких признаков дряблости. Я глубоко благодарна Елизавете Арденн, Елене Рубинштейн и Макс Фактору, чьими неустанными заботами поддерживается привлекательность женщины даже в ту пору, когда страсти ее начинают понемногу успокаиваться.

Я вовсе не скрываю своего происхождения. Мои родители были литовцы. Отец служил в старой русской армии, дослужился до полковника, был замешан в каком-то деле со взятками и уволен в отставку. Тогда, еще в самом расцвете сил, он эмигрировал в Америку. Благодаря знанию языков он получил место официанта в кабачке американского литовца мистера Густайтиса, влюбился в дочь хозяина, которая и стала его законной супругой за два месяца до моего рождения. Следовательно, я появилась на свет как стопроцентная американка.

Отец моей матери был человеком болезненным: долгие годы его мучила заработанная в угольных шахтах астма и, кроме того, профессиональная болезнь кабатчиков — тихо подкрадывающийся алкоголизм. Как мне рассказывали, он питал особое пристрастие к мексиканскому рому, который частенько вызывает тяжелые помешательства. Дедушка воображал себя не то Авраамом Линкольном, не

то Иваном Грозным. По счастью, маленький придворный шут господина бога закончил свое земное странствие уже к рождеству 1904 года, и с тех пор кабачок перешел в собственность моей матери и в распоряжение моего отца. Два года спустя отец получил американское гражданство вместе с первыми неудобствами критического возраста: он не мог больше оставаться верным своей жене. Бракоразводный процесс родителей закончился просто идеально: я и кабак остались мамочке, а папаша получил горничную и чемоданы.

Борис Баранаускас, мой отец, внешность которого я и теперь помню очень живо, упаковал чемоданы и уехал с новой женой в Калифорнию. Больше я о нем ничего не слышала. Возможно, он провалился сквозь землю во время грандиозного землетрясения в Сан-Франциско или сгорел дотла во время последовавшего затем пожара. Как это ни странно, я никогда не скучала по отцу, хотя мать нередко рассказывала мне о нем упоительные истории, доставая из заветных недр своего сундука старую фотографию, на которой полковник Баранаускас походил на бубнового короля. По ее рассказам, этот светловолосый красавец ростом был с Петра Великого, и при этом живой — точно ртуть.

Едва мне исполнилось пять лет, я получила нового отца. На этот раз мама выбрала — как бы для пробы — финна да еще сугубо серьезного и молчаливого, коренного уроженца Хяме. Он был старше мамы лет на тридцать и, видимо, знал счастье в любви, потому что остался старым холостяком. Звали его Виктор Кэйн (некогда Виктор Кейнанен из Туулоса). Он лет двадцать проработал на рудниках в Миннесоте. Это был превосходный муж: добрый, послушный, огромный, как слон, и почти такой же неразговорчивый. Надежда разбогатеть завлекла его в Америку, однако его надежды сбывались только во сне. Так как он по-английски за многие годы сумел усвоить лишь некоторые, особо употребительные слова, нам с мамой пришлось учиться говорить по-фински. Я же поневоле совсем превратилась в американскую финку, потому что Виктор определил меня в финскую воскресную школу.

Их брак, видимо, оказался удачным, поскольку мама уже имела некоторый опыт супружеской жизни, а отчим — кое-какие сбережения. Благодаря различию языков потребовался не один год, прежде чем они смогли по-настоящему ссориться. Разногласия между ними возникали

в основном из-за названия кабачка: шестнадцать лет он назывался «Кристалл-бар», но теперь Виктор хотел переименовать его в «Вик-бар». И переименовал. В последний день сентября 1922 года витрина кабачка украсилась новой вывеской и в честь этого торжества каждому посетителю выдавали один стаканчик виски бесплатно. Шахтеры-финны из Виргинии толпою повалили в храм веселья и, пропустив рекламный стаканчик, напились допьяна за свои деньги. А чтобы добрый хмель не пропадал зря, они вечером устроили массовую драку, во время которой избивали всех клиентов, не говоривших по-фински. Два дня спустя шериф города повесил на дверях «Вик-бара» следующее объявление: «Индейцам и финнам спиртных напитков не подают».

Мне было до боли стыдно, хотя я не была ни индианкой, ни финкой. Я стала избегать общества финнов и наотрез отказалась петь их нагоняющие сон монотонные народные песни на торжественных вечерах в «Финском холле». Мне только что исполнилось семнадцать лет; я училась в колледже языкам и коммерческой переписке и по натуре была типичной стопроцентной американкой, которые обычно умалчивают о своей родословной и о национальности родителей.

«Вик-бар» был уютным местечком, где по традиции вечерами и в воскресные дни собирались финны. Но как только им запретили подавать спиртное, бар стал пустовать. Порою казалось, будто судьба уехала в отпуск, а нас бросила. Мама видела будущее в тревожном свете, но отчим продолжал питать надежды, которые, правда, ничего не стоили. В его сновидениях все доставалось ему, а возможные излишки он делил между матерью и мною. В один прекрасный вечер на его красном, как примула, лице появилось выражение одержимости. Он сунул за щеку порцию жевательного табаку и откашлялся с таким значительным видом, точно решил на великий подвиг. Обычно он говорил редко, да метко. На сей раз он, однако, отступил от этого правила и начал распространяться длинно и тягуче.

— До того уж плохо идет этот бизнес, ну просто из рук вон. Люди бы и рады выпить, но раз нельзя... Все этот шериф, чтоб ему, — такой *сэновабич*. Невозможно больше вести дело, *носсэр*. А доллары тают как весенний снег. Иди в шахты — спину надорвешь, иди на ферму —

насидишься безработным... Выходит, самое время ука-
тывать...

Он говорил на простом языке американских финнов, но мы долго не могли уловить смысл его слов. Это была стариковская мудрость, которая ищет подкрепления в табакерке, бедная и тощая, как снятое молоко. На трехминутное дело он потратил более трех часов. В переводе на современный финский язык он предлагал следующее: «Содержать кабак больше не имеет смысла, поскольку финнам ход в него закрыт, а другие национальности не способны пропивать столько, чтобы обеспечить нам приличный доход. Стало быть, кабак надо продать тому, кто предложит за него наибольшую цену. А затем...»

— Что же мы будем делать дальше? — спросила я у Виктора, которого так и не научилась называть отцом.

— *Велл*, дальше — укладывать *сьюткэйсы* и ехать в Финляндию.

— В Финляндию! Неужели маме и мне надо ехать в Финляндию?

— *Иес, сэр*. Именно туда, и не раздумывая.

Предложение Виктора мне казалось совершенным безумием. О Финляндии я не знала ничего, так как география в нашей школе была свободным предметом, а редко кто учит уроки, которые не обязательны. Но все-таки я кое-что слышала от американских финнов об этой далекой стране, где, по их словам, царили нескончаемая гражданская война, классовая ненависть, ужасная бедность и морозы; где люди питались исключительно салакой и сосновой корой, ходили в опорках и рожали детей в курных банях; где все дрались финками и безменами, читали Апостол и Калевалу и откуда каждый мечтал эмигрировать в Америку. Так описывали мне свою родину многие финские переселенцы, которые в начале века приехали в Миннесоту и работали на шахтах. И в такую-то страну я должна была эмигрировать, я, стопроцентная американка! Я чувствовала себя бесполезной, словно булавка, лишенная своей головки. Все же я стала отчаянно сопротивляться, решительно отказывалась ехать и, помнится, даже прибегла к убедительной силе слез. Но мама, напротив, была покладиста, как складной ножик. Променяв свободу на мужа, она готова была следовать за ним куда угодно, вплоть до Финляндии. Дело было не в любви и даже не в привязанности ее к Виктору, а в каком-то чувстве без-

защитности, в боязни остаться без мужа, который уже научился обращаться с женой, как с кассовым аппаратом и машинкой для штопки носков. Пока Виктор, преодолевая некоторую клейкость мысли, схематически набрасывал перед нами картины будущей счастливой жизни, мама слушала молча. Она знала по опыту: если мужу не дать всего, что он хочет, — потеряешь мужа. А если отдашь ему все, что имеешь, — тоже потеряешь его. Самое лучшее, следовательно, оставаться пассивной. Так она и поступала. Она только слушала и наблюдала за моим настроением. А затем стала осторожно уговаривать, пытаюсь обратить меня в наивную веру Виктора. Она могла, казалось, объяснить все, что угодно, кроме того, при чем здесь она.

— Милая Минна, подумай же серьезно о деле. Ты ведь видишь, бар ежедневно приносит нам только убытки. Необходимо продать его как можно скорее. Твой отец — хороший человек...

— Мой отец?

— Да, я имею в виду Виктора.

— Хорошо, так и говори о Викторе, а не о моем отце.

— Минна! Я ожидала от тебя большей деликатности.

— Какой вздор! Девочка права, — перебил ее Виктор. —

Она не должна титуловать меня иначе, как Виктор или Вик. К черту формальности!

Беседа текла несколько вяло, но, во всяком случае, для меня окончательно выяснились намерения моих родителей. Итак, они решили ехать в Финляндию. У Виктора были небольшие сбережения, с помощью которых он намеревался открыть в Хельсинки столовую на американский манер: этакую маленькую кормушку, где подают котлеты-«гамбургеры», жареную картошку и «горячих собак» — так американцы называют сосиски с булочкой. Больше ничего. Виктор хотел донести до своей отсталой родины свежее дуновение большого мира. Он слышал от некоторых американских финнов, побывавших в Финляндии, что все заграничное — в Хельсинки козырь. Наконец-то настало его, Виктора, время! Американские котлеты в столице Финляндии! Это уже что-то новое. Это будет его джокер.

Однако, кроме котлет-«гамбургеров», Виктор предложил нам с мамой еще кое-что. Говорят, от Хельсинки до Литвы рукой подать, а поскольку родственники моей матери и моего отца живут в Каунасе, мы сможем, когда угодно,

навещать их. Позднее, правда, выяснилось, что Виктор никогда не бывал в Хельсинки и не имел ни малейшего понятия о расстояниях между географическими пунктами. Просто он вообразил, что путь от Хельсинки до Каунаса примерно такой же длины, как от его родного местечка Туулоса до губернского центра Хямеенлинна.

Кормление «гамбургерами» жителей Хельсинки было для Виктора джокером, с помощью которого он надеялся выиграть будущее. Литва явилась тузом, которым он окончательно добил мою мать. Но, помимо этих, у него нашлись еще хорошие карты, чтобы разыграть в покер и мое будущее. Мать стала подыгрывать ему. Однажды вечером, когда мы с нею были одни, она так сыграла картами Виктора.

— Дорогая Минночка. Тебе уже исполнилось семнадцать лет, и с тобой можно говорить, как со взрослой девушкой. Поедем в Финляндию, тебя там ожидает прекрасное будущее. Финские мужчины обожают иностранок, так же как финские женщины сходят с ума по иностранцам. В Финляндии у тебя будут все возможности хорошо выйти замуж. Я имею в виду — ты сможешь заполучить богатого мужа.

— Но я же не могу бросить учебу.

— Доучись в Финляндии.

— А разве там есть высшие школы?

— Виктор полагает, что есть.

— Но я даже финского языка не знаю по-настоящему.

— Говорят, его и сами финны не знают. Они разговаривают по-шведски и еще на каких-то диалектах.

Возникла долгая пауза. Очень трудно было понять, зачем я должна ехать на поиски мужа в бедную, несчастную страну, из которой все бегут в богатую Америку. Виктор столько рассказывал об отсталой и убогой жизни в Финляндии (даже котлеты для них диковина!), что я уже ясно видела перед собой деревянные ложки, кадку с толокном и пару лаптей. Как часто он говорил, что «на старой родине» мытье посуды не составляет никакой проблемы для хозяек, ибо семьи живут испокон веков и поныне, питаются «из руки — да в рот».

Мама посмотрела мне в глаза и упустила хороший случай промолчать.

— Ну вот что, Минна. Ответь же мне прямо, поедешь ты с Виктором и со мною? Как Виктор сказал, ты ведь

сможешь вернуться обратно, если тебе в Финляндии не понравится.

— Я уже заранее знаю, что мне там не понравится. Там и самим-то финнам жить не вмогуту: разбегаются кто куда и начинают ругать свою родину, как только перейдут через ее границу.

Мать молчала, и разговор на сей раз этим окончился. Но недели через две она снова получила возможность вернуться к наболевшей теме. В одной женской газете был помещен гороскоп на следующий месяц. (Я верила в гороскопы, и моя вера еще более укрепилась несколько лет спустя, когда мне в руки попался учебник астрологии, написанный известным финским генералом.) Мама с большой готовностью прочла мне вслух газетный гороскоп. Хотя я, как рассудительная девушка, знала, что приятная внешность и прежде всего красивые ножки лучше всех гороскопов говорят о моем блестящем будущем, я все же отнеслась с большим уважением к Дельфийскому оракулу Миннесоты, рекомендовавшему мне ехать за границу.

Третьего июня 1922 года мы с мамой и отчимом прибыли в Хельсинки. Сняли маленькую квартирку на Хаканиemi и начали новую жизнь. Виктор почерпнул главные инструкции из своего кошелька, открыл маленькую столовую возле рынка и организовал обслуживание клиентов в стиле «великого Запада». Через месяц, однако, ему пришлось изменить стиль: никто не интересовался его котлетами и жареной картошкой. Финны, оказывается, привыкли к хорошей пище. Мечта Виктора разбогатеть на котлетах была точно прекрасная песнь, которая всегда имеет начало и конец. Он сделался пессимистом и мог держаться на ногах, лишь когда мама поддерживала его. Временами им овладевала такая глубокая печаль, что только господь бог имел возможность помочь ему. По счастью, церковь Каллио находилась почти рядом, а на пристающих к берегу яликах можно было купить эстонский (контрабандный) спирт.

Я не уверена, можно ли в мемуарах перескочить сразу через целое десятилетие. В романе можно. Во всяком случае, я хочу сейчас перенестись в 1932 год, когда Виктор расквитался с жизнью, окончив свое земное существование, а мама уехала в Америку искать нового мужа.

Чтобы уберечься от подозрений читателя (кое-кто ведь может подумать, что я отравила

отчима, которого так и не научилась любить, а мать бросила на произвол судьбы, как поступают многие), хочу лишь вкратце упомянуть о событиях этих десяти лет. Если бы я была писателем или пишущим за построчную плату газетчиком, я, естественно, могла бы очень долго болтать о том, как моя мать и Виктор открыли собственную столовую, которая называлась «Нью-Америка», и как мама работала на кухне с утра до ночи, пока Виктор занимал посетителей разговорами или разгуливал по базару; как

в браке на смену иллюзиям приходили испытания, и муж превращался в домашнее животное своей жены; как Виктор заводил дружбу с алкоголем, пока не стал в конце концов типичным запойным пьяницей, способным поглощать любую отраву, лишь бы она была в жидком виде, и как я была счастлива, когда в один прекрасный день Виктора нашли мертвым на берегу Хаканиеми. Он напился политуры и услышал зов вечности — на семьдесят пятом году жизни, за один день до отмены сухого закона.

Да, обо всем этом можно было бы написать роман — потрясающий, трогательный до слез роман, конец которого оставляет сожаление, как конец чековой книжки.

Вся жизнь моей мамы с Виктором была похожа на типичный финский брак, в котором мужчина получает, а женщина отдает; когда же наконец мужчина перестает брать, женщина в растерянности ждет нового получателя. Мама была здоровая, цветущая женщина славянского типа. В сорок лет ее формы начали красиво округляться. Какой превосходной моделью могла бы она послужить для скульптора Юрьё Сааринена, прославившего здоровую красоту! Когда Виктор с течением времени стал совершенно ручным и послушным, мама пользовалась им лишь в качестве переводчика, умеющего поторговаться с рыночными торговками при оптовых закупках продуктов. Больше ни на какое мужское дело он уже не годился. Супружеские ласки, маленькие проявления нежности и милые золотые блестки ласковых слов (хотя бы даже из американского поддельного золота) появлялись у отчима все реже и реже. И не удивительно, что мама стала горячо интересоваться публикуемыми в американских газетах объявлениями, в которых разочарованные супруги и пылкие вдовцы, желающие вновь попытаться счастья, предлагали начать переписку. Года за полтора до того, как Виктор уснул вечным сном, мама открыла мне тайну своего сердца. Она завела переписку с неким фермером из Висконсина, вдовцом средних лет, — у того, кажется, была большая тоска и много денег. Они обменивались фотографиями и мыслями, пели в два голоса об удивительной «жизни, которую можно начать сначала», и уже стали договариваться о встрече. Я понимала маму и поощряла ее к супружеской неверности — только в письмах, разумеется. Кажется, будто само великое провидение выступило тогда адвокатом по этому делу. Оно призвало Виктора на суд вечности и освободи-

дило мою мать от мужа, который почти десять лет жил только для того, чтобы переваривать пищу.

Кто-нибудь из читателей моих воспоминаний, возможно, сочтет меня за патологически черствую женщину, чье сердце не трогает даже смерть близкого человека. Я не стану оправдываться. Поскольку у честности нет соперников, я осмелюсь заявить прямо, что жизнь Виктора была подобна пошлому анекдоту, конец которого не может удивить никого. Моя мать не закрывала лица траурной вуалью, и я не проливала слез, ибо, изучив финский язык, мы наконец-то стали понимать Виктора. Его неразговорчивость объяснялась не тем, что он был женат, а являлась простым следствием того, что его мозг лишь очень редко порождал мысли, достойные высказывания. Но, поскольку покойник не способен защищаться, я больше не хочу говорить о нем правду.

Моей матери как раз исполнилось сорок пять лет — то есть она была в том возрасте, который, кажется, Бальзак считал порой настоящей зрелости женщины. Она стала собираться в путь к своему фермеру. Три года будущие супруги вели диалог при помощи писем. Они не надоели друг другу, ибо каждый наперебой рассказывал только о себе. Я имела возможность убедиться в этом по многим письмам, прочитанным мною с разрешения мамы.

Несмотря на свой неуклюжий язык и попросту невежество (блаженны люди невежественные, ибо они верят, что знают все!), висконсинский фермер показал себя в письмах порядочным человеком, так как он всякий раз и мне посылал нежные «отеческие» приветы. Он горячо надеялся, что я тоже приеду к нему как падчерица. Мне пришлось, однако, несколько разочаровать его, поскольку я не имела ни малейшего желания возвращаться в Америку, а тем более — в сельскую местность, откуда все толпами бежали в города. Бегство из деревни в то время как раз входило в моду, и ничем невозможно было помешать ему, разве что построить города в сельской местности. Я была в восторге от Хельсинки и от одного молодого человека, на которого возлагала большие надежды. Впоследствии обнаружилось, однако, что наши отношения были лишь поверхностным флиртом, чем-то вроде «дорожной любви», так и не приведшей ни к чему. Но в то время, когда мать готовилась к отъезду, эти отношения помешали мне уложить чемоданы. А кроме того, и гороскоп рекомендовал

мне оставаться в Финляндии. Эта страна, вопреки отзывам американских финнов, стала казаться мне вполне терпимой и даже довольно привлекательной.

Я проводила маму до порта Турку. Расставание было очень грустным. Мы обе плакали, одна пуше другой. Я чувствовала себя круглой сиротой, и гороскоп, словно дорожный посох, был моей единственной опорой в предстоящих скитаниях. Но об этом я расскажу дальше.

Америка все же удивительная страна. Более сорока миллионов американцев объединялись широкой сетью клубов «одиноких сердец». Характерной чертой всех этих клубов, носящих разные названия, было то, что их приверженцы искали любви. Моя мать вступила в один из таких клубов и поверила в свой третий роман. Натали Густайтис-Кананен в мае 1933 года превратилась в миссис Стьюарт, у которой возраст был отмечен на лице, но не в сердце. Она прислала мне свадебную фотографию, довольно слащавую, и сообщила, что весьма, весьма счастлива. Я искренне благословила гениальных американских социологов за их научное руководство всеми видами общения «одиноких сердец». Они напоминали мне торговцев шляпами, по мнению которых две головы всегда лучше, чем одна.

Мама имела обыкновение говорить: «Не забывай о бедности, память денег не стоит!» Это мудрое житейское правило взывало к разуму: если выходишь замуж, выходи за деньги! По мнению матери, я была так хороша собой, что мне не имело смысла выходить замуж только по любви. Красота — это капитал, который должен быть помещен как можно лучше. Пока я жила у мамы, эти советы и рекомендации казались мне просто оскорбительными. Однако, оставшись одна, я постепенно, но решительно изменила свои взгляды. Я очень скоро заметила, что бедность не порок, но большое неудобство, а кто же согласится на неудобную жизнь, если можно жить с удобствами? Правда, мама оставила мне в наследство квартиру из двух комнат с удобствами и даже небольшой счет в банке, открытый после продажи «Нью-Америки» одному рыночному торговцу; следовательно, «сиплая нищета», о которой наши талантливые писатели так впечатляюще говорили, мне нисколько не угрожала. И в довершение всего у меня была работа.

Прошло несколько лет, прежде чем я научилась свободно читать и писать по-фински. Поэтому свидетельство

об окончании Коммерческого училища я получила только в двадцать шесть лет. Благодаря знанию языков и привлекательной наружности я сразу получила место иностранного корреспондента в известной импортной фирме «ПОТС и К⁰». Все просвещенные читатели, конечно, знают, что «ПОТС и К⁰» — это сокращенное название фирмы «Поставщики отличного топлива, Свин и Компания», хотя, вероятно, мало кто слышал, что за джентльмены были эти самые Свины. Но о них — потом. А сейчас пора уже рассказать о моем гороскопе.

Я была двенадцатилетней школьницей, когда мама заказала для меня гороскоп у всемирно известного американского астролога профессора Уильяма Бьючарда, руководившего в то время кафедрой астрологии в частном университете миссис Беатрис Маккеллар в Чикаго. Этот гороскоп, являясь одной из ценнейших бумаг, хранится в маленьком ящичке моего сейфа — рядом с банковскими документами и акциями, — поэтому я могу процитировать его здесь слово в слово. Я родилась под знаком Девы, и, хотя мне не хотелось бы касаться здесь особенно деликатных предметов, все же я осмелюсь утверждать, что оставалась девственной в продолжение всех лет обучения в школе и даже несколько лет после того. Говорю это не ради хвастовства, а просто в подтверждение моего исключительного оптимизма: ведь я была так уверена относительно предназначенного мне успеха в любовных делах, что могла немножко и подождать. Как нелогичны бывают мужчины! Пессимисты уверены, что все женщины — легкого поведения, оптимисты же, напротив, хотели бы, чтобы это было так. Однако надо же наконец предоставить слово моему гороскопу. Вот он!

Под знаком Девы исключительно сильно сказывается влияние Меркурия. Лица, родившиеся под этим знаком, обладают ментально-деятельным телом и практически-деятельным характером. Это мужчины и женщины высокого роста, с продолговатым, овальным лицом, округлым подбородком, темными волосами и склонностью к полноте. Указанный человек имеет задатки систематичности, гостеприимен, умен, музыкален, не болтлив, хороший оратор. Самая характерная черта — целомудренность. Пороки: эгоизм, критичность, страсть к щегольству и злопамятность.

Брак редко бывает гармоничен. Намечают новый брак, пока еще старый не расторгнут. Наиболее подходящим супругом является тот, кто также рожден под знаком Девы.

Дева в комнате № 5, вас ждет успех в торговых делах, и особенно при благоприятных аспектах луны; здоровая тяга к развлечениям и к противоположному полу.

Брак будет удачен, если супруг обретается под влиянием Марса, ступает носками внутрь, а спит на правом боку. Если ♂ или ♀ находятся в названной комнате, причем их взаимный аспект плох, это может привести к безрассудным любовным отношениям, порою даже к незаконной связи. В гороскопе женщины данное положение, однако, не является отягчающим.

Поскольку вы женщина и живете, находясь под влиянием луны и солнца, у вас будет успех в жизни. Вас ждут далекие путешествия, необычайные сны и душевные испытания, популярность, порой опасности, удача в деловых предприятиях и в азартной игре. *Вам следует искать себе супруга в каком-нибудь иностранном государстве. Он может быть старше вас, либо вдовец, либо разведенный, либо лысый, либо пышноволосый. Он Дева, но не целомудрен, он ходит, ступая носками внутрь, храпит во сне, страдает разлитием желчи, говорит наиболее охотно о себе самом.*

Все небесные знаки рекомендуют вам уехать из Америки, пока вы не достигли двадцатилетнего возраста. Время вступления в брак не определено. День вашего счастья — суббота, а миг вашего счастья пока остается тайной.

Чикаго, декабря 16 дня 1916 года.

УИЛЬЯМ БЬЮЧАРД

профессор астрологии университета Беатрис Маккеллар, почетный член научных обществ США, почетный доктор частных университетов Аbruццо, Ляо-си, Гасмата, Кутарадза и др.

(печать)

Итак, я рискнула раскрыть одну свою тайну. После гороскопа Бьючарда я заказывала еще примерно дюжину

гороскопов (последний — недели две назад), но их я не хочу публиковать, ибо воспитанный человек должен хоть кое-что держать в тайне. Я верю в гороскопы — считайте это моим недостатком или слабостью. Все мои гороскопы в главных чертах оправдывались. Моя судьба — Дева. Если я отступала от этого знака, меня ждало разочарование. Мужчины, рожденные под знаком Девы, конечно, являются чем угодно, только не девами — иногда это просто отвратительнейшие свиньи, как можно заметить из истории, — но ведь и женщины тоже бывают ангелами лишь символически.

Начиная самостоятельную жизнь сознательной, работающей женщины, я старалась избегать всех мужчин, рожденных под знаком Девы, поскольку мой гороскоп предупреждал, что они ходят носками внутрь, как бы охраняя свою невинность. Но вскоре я заметила, что в действительности многие Стрельцы, Рыбы, Львы зачастую подражают Деве. Правда, только в отношении походки. С годами, однако, мое знание людей развилось и стало глубже и я научилась разбираться в мужчинах довольно основательно даже без гороскопа. Я заметила, что по самой сути своей мужчины жалки, но они отлично скрывают это при помощи самолюбия или хорошего аппетита. На основании довольно солидного житейского опыта я пришла к интересному выводу: если женщина устала от ухаживаний мужчины и хочет избавиться от них, ей лучше всего выйти замуж за своего преследователя — таким способом она скорее всего избавится от надоевшей ей галантности. Почти все мужья обращаются с женами дурно или же вообще никак не обращаются. Это я тоже знаю из житейского опыта.

Осенью 1933 года мне представился прекрасный случай узнать мужчин поближе. Чтобы и теперь не возникло никаких недоразумений и моя моральная выдержка и стойкость не подверглись превратным толкованиям (ведь некоторые современные женщины похожи на «быстрооткрываемые пакеты»), я всего в нескольких словах расскажу о характере моих исследований. Я была одинока. Целыми днями я трудилась в «ПОТС и К^о», где царил вечная спешка, а долгие вечера проводила в своей маленькой квартире, и соседское радио научило меня уважать тишину. В то время я была одинока, прежде всего потому, что мои отношения с одним молодым человеком были

прерваны как раз накануне Иванова дня. Я не назову его имени, но во избежание недоразумений и кривотолков скажу лишь, что это был не Ассери Торопайнен и не Григорий Ковалев, которые ухаживали за мною тогда же, а некий певец, исполнитель модных песенок-боевиков, не имевший возможности стать знаменитым — у него были плохие зубы, жиденькие волосы и слишком хороший голос.

Прекрасные замыслы рождаются в тишине и одиночестве. Однажды, в такой вот одинокий час, мне пришла идея начать по вечерам зарабатывать деньги. Честным путем. Я стала давать уроки английского и испанского языков. Несмотря на кризис, желающих учиться — женщин и мужчин — было хоть отбавляй. Они надеялись продвинуться в жизни с помощью иностранного языка и ставили перед собой задачу усвоить тысячу английских слов, не изучая грамматики. Среди жаждущих учения были господа, приходившие на урок только по одному разу. Это были те вечно ищущие натуры, что убивают массу времени на чтение газетных объявлений и по ошибке принимают учительницу иностранных языков за массажистку. С ними, правда, было немного хлопот, ибо они удалялись обычно сразу же после того, как я рекомендовала им попытаться счастья в другом месте. Сложнее было с теми господами, которые надеялись выучить иностранный язык при помощи ухаживания. Уже после второго урока они предлагали перенести занятия в какой-нибудь ресторан, где им было бы удобно сделать признание в любви. Разумеется, в любви не к науке, а к учительнице. Их глупость меня забавляла. Они с презрением говорили о браке, потому что были женаты, они уважали добродетели женщины, но влюблялись в ее пороки и, что самое комичное, были умеренны в употреблении алкоголя и вовсе не пили дома.

Я была бы очень несправедлива к мужчинам, если бы разделила их только на основные классы — на дураков, свиней, потаскунов и хамов. Я нашла в их массе множество приятных исключений, милых, очаровательных человеческих индивидуумов, которые могли бы наверняка стать образцовыми мужьями, если бы матери с детства не испортили их скверным воспитанием. На множестве примеров я убедилась, что, когда мужчина любит, брак для него ничего не значит; если же брак для него самое важное, тогда любовь ничего не значит.

В роскошно издаваемых женских журналах и в книгах, рассчитанных на дорожное чтение, можно нередко встретить истории о любви, вспыхнувшей между учительницей и учеником. Эта идея не представляется мне абсолютно невероятной, просто она чересчур потрепана. Но да будет и мне разрешено присоединиться к толпе треплющих бедную тему — идея не слишком уж пострадает от этого — и рассказать о том, как один мой ученик, молодой магистр математики, влюбился в меня. Я познакомилась с ним в «ПОТС и К⁰», где он временно работал летом 1933 года, замещая сотрудников, ушедших в отпуск, и таким образом зарабатывал деньги, необходимые ему для продолжения учебы. Это был высокий белобрысый юноша, года на три моложе меня. Однажды вечером, когда мы вместе вышли из конторы, он пригласил меня в маленькое кафе, заказал одну порцию мороженого и убежал. Через минуту он вернулся и радостно сообщил, что сумел выудить из телефона-автомата несколько монеток, а потому может угостить меня второй порцией.

— Спасибо, Харрас, мне хватит этого, — сказала я по-приятельски.

Он, наверно, был очень рад тому, что я удовлетворилась столь малым. Достав карандаш, он принялся чертить на скатерти какие-то уравнения и вдруг сказал:

— Минна, ты красивая девушка.

Я усмехнулась. Он произвел еще какое-то вычисление и снова огорошил меня вопросом:

— Сколько ты зарабатываешь?

— Это секрет.

— Вот как? Тогда мне больше нечего подсчитывать.

— Ты, собственно, о чем?

— Я рассчитывал... если бы мы поженились...

— Поженились? Мы?

— Да. Но теперь с этим придется повременить. Я только осенью получу постоянную работу и вот думал, что до тех пор мы могли бы пожить на твою зарплату.

Он смотрел на меня сквозь выпуклые стекла очков явно разочарованно. Я заметила, что он совершенно серьезен. Это был честный, добропорядочный юноша, но, поскольку добропорядочность не что иное, как наивность, я не почувствовала особого интереса к его искреннему предложению. Однако я была уверена, что нашла бы в нем мужа, не способного на малейшую неверность,

— Слушай, Харрас,— сказала я серьезно.— Мы знакомы всего лишь месяц. И только по службе. Женитьба не такое простое дело. Для этого надо иметь не только должность и зарплату.

— А что же еще? — спросил он недоумевая.

— Нужна любовь.

Бедный парень покраснел как рак, но все-таки сохранил равновесие и сказал с самым авторитетным видом:

— Я могу доказать математически, что лишь двенадцать процентов мужчин и только сорок три процента женщин вступают в брак действительно по любви. Не следует доверять мужчинам, заявляющим о своей любви. Обычно придя на поклонение, они целуют женщине руку, но, добившись своей цели и заключив брак, они ждут, а иногда прямо требуют, чтобы женщина им целовала руки. Вот какова любовь!

Мы вышли из кафе, охваченные довольно неопределенными чувствами. Харрас проводил меня до дому и надеялся, что я приглашу его зайти. Поскольку приглашения не последовало, он деловито произнес:

— Я забыл упомянуть, что принадлежу как раз к тем двенадцати процентам мужчин. Я почти абсолютно уверен, что люблю тебя.

— Очень сожалею, так как я еще не принадлежу к тем сорока трем процентам женщин. Будем просто друзьями.

Он казался подавленным и с трудом проговорил:

— Ты не похожа на настоящую американку.

Он пожал мне руку и зашагал по направлению к Зоопарку. Тут я заметила, что он ступает носками внутрь. На следующий день я навела справки о дне его рождения. Он был *Весы*. Я не могла пойти наперекор моему гороскопу. Итак, судьба моя и впредь оставалась *девой*.

Молодой математик по-прежнему был очень внимателен ко мне. Когда он в середине августа закончил свою работу в «ПОТС и К⁰» и перешел на службу в какое-то страховое общество, я временами даже тосковала о нем. Много раз я вспоминала его неловкое объяснение, его немного рассеянный и блуждающий взгляд и его феноменальную пассивность. Чувство сожаления робко проникало ко мне в сердце, когда я думала о его уравнениях. Он был как теленок, которого может любить только корова. В середине сентября приятным сюрпризом для меня явился его телефонный звонок: сугубо деловым тоном

Харрас сказал, что хочет брать уроки английского языка. Я была почти убеждена, что это лишь предлог, но уже через два урока поняла, насколько я ошибалась. Он действительно хотел овладеть иностранным языком, а не мною. С математической аккуратностью заучивал он правила грамматики и особенности произношения, выписывал для памяти идиомы и синонимы и ни разу не заговаривал о других делах. Он был тактичен и вежлив, но как-то совершенно безлично. Во мне заговорило женское самолюбие. Неужто он и в самом деле видел во мне только учительницу? Я нарочно попыталась навести разговор на клуб «одиноких сердец», но его, по-видимому, гораздо больше интересовал перевод математических терминов. Я откровенно признаюсь, что употребила всю силу своей женской привлекательности для пробуждения в нем природных охотничьих инстинктов, но не потому, что, как говорится, «страдала по мужчинам», а просто из тщеславия, из желания быть замеченной, из желания принизить мужчину, сделать его покорным воле женщины-повелительницы.

Старые, укоренившиеся предрассудки, а не биология поддерживают в людях это милое верование — табу, согласно которому, только мужчина может и имеет право быть активным. Такое представление слишком плоско. Что стало бы с нашим миром, если бы человечество во всем полагалось на активность мужчин? Браки держались бы от силы один месяц. Ибо каждый мужчина готов предложить женщине страсть — на две недели, взамен же требует от нее два года страсти, двадцать лет любви и всю жизнь восхищения. Активность мужчины сразу кончается, едва он полюбит другую женщину, активность женщины, напротив, только тогда и начинается! Даже если взять от мужчины все, что можно от него получить, все равно никогда не вернешь того, что отдано ему. Если будешь во всем покорна, ты образец женственности (в глазах мужчин), но, если проявишь активность, тебя заклеймят как «охотницу до мужчин» и мужчины, и женщины.

Не обращая внимания на пыльные шлейфы традиций и на старый хлам предрассудков, я никогда не скрывала активного склада своего характера. Не отрицаю, я покорила моего маленького математика в той заманчивой надежде, что он в порядке ответной услуги покорит меня. Последнего, однако, не произошло, так что мое знание людей оказалось на сей раз не заслуживающим даже удовлетво-

рительной оценки. Харрас как был, так и остался всего лишь математиком, духовную пищу которому доставлял исключительно Пифагор, а удовлетворение прекраснейшего человеческого влечения обеспечивал цинизм господина Диогена.

Наши отношения начались и кончились в области математических закономерностей. Он видел во всем и повсюду одни лишь геометрические фигуры. Женская красота и привлекательность означала для него лишь дуги определенного радиуса и соответствующие хорды. Там, где любой нормальный — прошу прощения за слишком резкое слово! — нормальный и нормально чувствующий мужчина восторженно созерцал хмельную прелесть плоти, он видел лишь дуговые и угловые градусы. Казалось, он подходит к женщине с кронциркулем и лекалом в руке и оценивает ее прелести по теореме: в одной окружности или в окружностях одного радиуса равным хордам соответствуют и равные дуги, а меньшей хорде соответствует меньшая дуга, и наоборот; или же: окружность и прямая могут иметь не более двух общих точек.

Мужчины имеют обыкновение превозносить женщину в теории и презирать ее на практике. Во время нашей короткой связи этого не произошло, поскольку я обладала более острым практическим умом, нежели маленький математик, готовый вести статистику поцелуев, но не способный удовлетворительно завязать себе галстук. Он зачастую был по-пустому глубокомыслен и склонен теоретизировать в любви, составляя нелепые диаграммы и выдумывая правила для чувств. Разумеется, в теории он всегда был прав, но в жизни существуют тысячи мелочей, которые человеческий рассудок не может, да и не должен понимать. Меня глубоко оскорбляло, когда он, уставясь на мою грудь, продолжал думать лишь об описанных дугах и вписанных хордах, бормоча вполголоса: «Прямая, перпендикулярная к радиусу данной окружности и проходящая через конечную точку его, является касательной к названной окружности в упомянутой точке...»

Около двух тысяч лет назад какой-то индийский купец придумал новый цифровой знак — ноль. Это до сих пор самая ходовая цифра! Я бы соединила ее знаком равенства с именами очень многих мужчин.

На своем веку я встречала мужчин, которые боялись мухи в тарелке, но не моргая глотали целого быка. Человек, о котором я хочу рассказать, спокойно глотал и то и другое. Это был здоровяк, уроженец Хяме, по образованию агроном, желавший учиться английскому языку. Краснощечный, он чем-то сам напоминал быка, тянущего плуг, а его густые рыжеватые брови были похожи на болотные кочки. Он уже расстался с лучшими годами молодости, но не с мечтами. А мечтал он не о земельной собственности, для ограждения которой обычно используют закладную, не о маленькой красной избушке на берегу озера, украшенной, по философу Метерлинку, самым гуманистическим орнаментом — бедностью, не об автомобиле «паккард», с помощью которого некоторые деятели эпохи кризиса доказывали нерентабельность сельского хозяйства, — его мечтой был хороший, породистый бык.

После пятого урока он начал подозревать, что знание английского языка не принесет ему славы. Он хотел знать язык, но не желал утруждать себя учебой. Тем не менее он дважды в неделю являлся на занятия с учебником в кармане; часа два читал мне основательную лекцию по скотоводству, вносил условленную почасовую плату и отправлялся восвояси. Это был старый холостяк, посвятивший жизнь самому себе и скотоводству. Выучив английские эквиваленты слов: кормоединица, жирномолочный и случка, — он решил, что может ехать в качестве сельскохозяйственного эксперта в Англию или в Техас. Он служил главным закупщиком в одной мясозаготовительной фирме, а в свободное время увлекался опытами по улучшению пород скота. Языка он не выучил, но зато круг моих познаний в области скотоводства колоссально расширился. Подумать только, какие тирады мне приходилось выслушивать часами!

«Предложение поросят на откорм и свиноматок сильно возросло, коров и быков-производителей в достаточной степени, зато телок и мясных овец все еще не хватает. Молочных телят кое-где предлагают, но цена слишком высока. Предложение овец также ограничено, лошадей же, напротив, продают в любом количестве...»

Я проявляла некоторый интерес к «науке о живом мясе», поскольку мне с детства нравились лошади. Однажды ве-

чером, после очень поучительного доклада моего ученика о различных породах лошадей я задумчиво сказала:

— Чем больше автомобилей, тем меньше конокрадов...

Густые брови агронома надвинулись на глаза, затем встали торчком и соединились с нависавшими на лоб волосами. Он медленно проговорил:

— Что нейти Баранаускас хочет этим сказать?

— Ничего оскорбительного,— ответила я не смущаясь.— Я привела только статистический факт: в Америке лошадей крадут с каждым годом все реже.

— Так. Значит, вы не хотели задеть меня?

— О, нисколько! Но если вы когда-либо участвовали в угоне лошадей, то я могу вас утешить: американский президент Джордж Вашингтон, будучи юношей, тоже оказался замешанным в такого рода проделке.

— Ну, ладно, коли так,— тихо пробормотал он и вдруг выпалил: — Кстати, у вас чертовски красивое лицо, нейти Баранаускас, отличные зубы и... хорошая упитанность.

Он окинул меня оценивающим взглядом скототорговца, и мне вдруг показалось, что он сейчас схватит меня за подбородок, силой раскроет рот и начнет проверять зубы. Его брови зашевелились, как кусты можжевельника при сильном ветре. Затем он кивнул, словно одобряя какие-то свои собственные мысли, и сказал:

— Исключительно хорошая упитанность.

Тут и я стала подозревать, что уроков иностранного языка с него уже довольно. Но я ошибалась, как обычно. Он спросил очень деловито:

— Как это по-английски молодой бычок?

— Bull calf,— ответила я.

— Совершенно верно... Вот я рассказывал вам про бычка, но не успел сообщить, что...

И он поведал мне следующую историю.

— Послушайте, нейти Баранаускас, раз вы почти так же умны, как красивы, то я уж посижу тут еще немного и доложу вам о кое-каких моих идеях. Разведение крупного рогатого скота в нашей стране находится в совершенно запущенном состоянии. Ставились тут опыты по освоению джерсеек, эйрширок, бурых англичанок, голландок и рыжих датчанок. Но все с плохими результатами. Мы должны вывести новую национально-финскую породу. Я сам проделал ряд опытов на одной экспериментальной

ферме и достиг обнадеживающих результатов с помощью перекрестного осеменения. Но все случные фирмы и компании быков-производителей восстали против меня! Скотоводы полны предрассудков. Они не хотят поверить, что западнофинская корова и лапландский домашний олень могут дать прекрасное потомство. Вообще, по моим наблюдениям, финская порода скота имеет склонность развиваться в чрезмерно рослую. Коровы теряют гармоничные пропорции тела. Круп у них теперь зачастую слабого строения, а ноги слишком длинны. Соски вымени наминают парниковые огурцы, а уши — листья ревеня. А удоимость? В годы войны удоимость резко снижается, молоко становится синеватым и процент жирности падает ниже трех. В мирное время наши коровы, правда, снова раздаиваются, и производительность их сравнительно легко может быть повышена до четырех тысяч килограммов молока в год. Такова, стало быть, типичная финская корова, в жилы которой влилась теперь израильская, шотландская и голландско-датская кровь.

Мое изобретение восстановит равновесие в нашем животноводстве. Новая порода коров будет среднего роста, крепкого строения и равномерной удоимости. На ее производительность не будут влиять ни колебания конъюнктуры, ни смены правительств. Она будет доиться, как доится, — будет что подоить и государству. А теперь, нейти Баранаускас, я открою вам секрет. У меня есть собственный бычок. Он спрятан в укромном месте — на одной ферме в Средней Финляндии. Его мать — записанная в племенные книги западная финка, а отец — лапландец, «лапландский олень», так сказать. Красивый и благонаправленный бычок. Если все мои планы осуществляются, я через несколько лет стану миллионером. Подумайте, нейти Баранаускас, — миллионером!

Вы смущены, не правда ли? Так было со многими. Вот потому-то я и открыл вам свою тайну. Я хочу основать собственную национально-финскую фирму быков-производителей! Поскольку новая порода выведена мною, я намерен ее запатентовать и уже придумал название — «калевальская». Но это еще не все. Если министерство сельского хозяйства или какой-нибудь культурно-благотворительный фонд поддержит меня экономически, я начну зарабатывать деньги уже через два года. По моим подсчетам, мне потребуется десять калевальских быков, чтобы от-

крыть случные пункты во всех концах страны. Как вам должно быть известно, нейти Баранаускас, уже двухгодичные быки могут быть с успехом использованы. Случки надо распределить равномерно по времени, и тогда один бык за год сможет покрыть сто коров, а раз у меня будет десять быков, это значит тысяча покрытий в год! Если за быком хорошо ухаживать, создать ему благоприятные условия, чтобы он больше никаких забот не знал, он будет делать свое дело десять, а то и двенадцать лет. А мне останется только посматривать со стороны да собирать с коровьих хозяев денежки в свой карман! Кроме этой идеи, у меня есть и другие. Получив от вас еще несколько уроков английского языка, я поеду в Америку и ознакомлюсь с методами искусственного осеменения. Я уверен, что в данном случае одно новое ухищрение лучше, чем целый мешок старых.

Мой верный ученик закончил свой увлекательный рассказ, поднял брови на лоб и обдал меня взглядом калевальского племенного быка. Вдруг он встал, приблизился ко мне и сказал с тяжелым вздохом:

— Нейти Баранаускас, вы красивы, чертовски красивы. И хорошего сложения. Вы кому угодно можете понравиться.

С этими словами он снял пиджак и придал своим мыслям игривый оборот:

— Нейти Баранаускас... А что, если...

Я открыла ящик стола и, вынув оттуда пистолет, спокойно сказала:

— Господин агроном, наденьте ваш пиджак, уплатите за урок и удалитесь как можно скорее. Должна сказать также, что в дальнейшем вам нет смысла приходить ко мне на уроки английского языка.

Бедняга побледнел, последовал моему совету и поспешил к дверям. Я невольно бросила взгляд на его ноги и заметила, что он ступает носками внутрь. Не выпуская пистолета, я спросила:

— Постойте, прежде чем вы уйдете искать себе подходящих коров, ответьте: в каком месяце и какого числа вы родились?

— Пятнадцатого сентября, — ответил он в замешательстве.

— Значит, под знаком Девы! — воскликнула я невольно. — Хорошо. Прощайте. Благодарю вас...

Дверь открылась и закрылась. Мой прилежный ученик, снявший с себя пиджак, чтобы объяснить в любви к учительнице, ушел ни с чем. Я поспешила проветрить комнату — мне казалось, что он оставил после себя запах хлеба. Многие годы потом мне вспоминался этот редкостный экземпляр мужской породы. Как это пел Руннеберг:

Густую тень его бровей
Я буду помнить вечно.

Мужчины теряют свое сердце быстро и так же быстро обретают его вновь. Они строят воздушные замки и обвиняют женщин в том, что эти замки не становятся реальностью. Несмотря ни на что, мужчины воображают себя невесть какими героями и до глубокой старости не желают сложить своего оружия.

* *
*

Я продолжала давать уроки английского языка, ибо это доставляло мне приличное дополнение к месячной зарплате. Правда, я теряла время — а иногда и терпение, — слушая бессмысленный лепет невежд, но все же конечный результат оказывался в мою пользу. Большую часть моих учеников составляли мужчины, мечтавшие об успехе. Они были необычайно откровенны. Сколько молодых людей верило, что можно из помощника кладовщика превратиться в директора, выучив тысячу английских слов! Некоторые женатые люди, заболевая тоской по дому и семейному покою, приходили ко мне, чтобы провести вечер и тем самым подействовать на мятежный дух своих жен. Многие из них не раз думали о том, как было бы хорошо, если бы у Адама все ребра оставались целы!

К числу этих несчастных принадлежал один знаменитый актер. Женщинам не стоило соперничать из-за его любви: все равно больше всех он любил самого себя. Он никогда не пытался ухаживать за мною. Успех преисполнил величием его голову и живот, однако платить за уроки он был не в состоянии. Промучившись с ним целый месяц, я наконец прекратила благотворительность. От него у меня долго болела голова, потому что он злоупотреблял необычайно крепкими духами. Незадолго до «зимней войны»

Этот герой рампы покончил жизнь самоубийством... Это был самый замечательный и последний из его подвигов.

Особенно трудным случаем оказался один моложавый юрист, которому я месяца два давала уроки испанского языка. Он приходил каждый понедельник в семнадцать часов, снимал ботинки и ложился на диван, уверяя, что может сосредоточиться не иначе, как в горизонтальном положении. Юрист обладал несомненными способностями к иностранным языкам, но зато у него были свои недостатки, как, впрочем, у каждого человека. Он страдал сильной потливостью ног. Вернее, мне пришлось страдать из-за потливости его ног, ибо сам он был совершенно лишен обоняния. Этот господин мог в течение года носить во внутреннем кармане пиджака бутерброд с рокфором или лимбургским сыром и ни на миг не почувствовать запаха. Он всегда приходил в хорошее настроение, испортив настроение мне. Если я открывала окно, он жаловался на сквозняк; если я просила его надеть ботинки, жаловался на больные мозоли. Я должна была приспособливаться к капризам моего ученика. Наконец он получил место чиновника при финском посольстве в одном маленьком южноамериканском государстве. После знакомства с этим редкостным человеком я совершенно не переношу сыра.

Постепенно, однако, мне стала надоедать работа учительницы; она привлекала в мой дом либо уставших от одиночества женатых мужчин, либо бедную жаждущую знаний молодежь, которая не имела средств на оплату уроков. За зиму у меня побывало сотни две учеников. Многие приходили всего один раз и пропадали навсегда, заметив сразу, что легче чистить зубы через нос, чем выучить иностранный язык.

Подведя весной итоги, я обнаружила, что доход от побочного заработка равнялся моей зарплате за полгода. Я поспешила поместить эти деньги в банк, но не на сберегательную книжку, а, последовав совету одного дельного коллеги, купила на них акции. Во мне вдруг проснулось вполне человеческое стремление к коллекционированию: я стала собирать деньги. Любопытно, я никогда и нигде не слышала, чтобы монетному двору приходилось рекламировать свою продукцию.

Благодаря педагогической деятельности я познакомилась с определенным кругом хельсинкских господ. Их отличала одна характерная черта: они больше всего давали той женщине, от которой меньше всего получали. Во время прогулок по весенним улицам Хельсинки я испытывала маленькую гордость, когда мои бывшие ученики останавливались, чтобы приветствовать меня. Тогда мне не приходила на память пословица о том, что гордость предшествует падению. Однако в скором времени я совсем перестала гордиться моим знакомством с мужчинами. Но об этом после.

ирма «ПОТС и К⁰» вышла из затруднений кризисных тридцатых годов просто великолепно. При помощи маленьких взяток фирма получила большие подряды на поставки топлива и других материалов нескольким общественно полезным учреждениям. В то самое время, когда коммерческие обороты конкурентов сокращались, «ПОТС и К⁰» увеличивала сбыт и подводила блестящие итоги своей деятельности. Компания умело использовала общественные интересы ради собственной выгоды. Директора компании, сидя за рулем столь успешно движущегося предприятия, естественно, не успевали следить за светофорами честности, а потому пришлось взять на службу двух опытных юристов, которые отлично знали «правила игры» как в деловой жизни, так и в политике: у бедных берут голоса, а у богатых — деньги. Мне не за что особенно благодарить директоров компании, которые очень осторожно и скупно раздавали благодарности, но зато были расточительно щедры на взыскания. Многие жители Хельсинки до сих пор еще помнят генерального директора Сеппо Свина и его кузена Симо Сяхля (бывшего Свина), долгие годы занимавшего пост вице-директора компании. Но, поскольку оба Свина уже давно не подвизаются на закопченной арене угольной торговли, я, вероят-

но, все-таки должна попытаться хотя бы в нескольких словах рассказать о них.

Сеппо Свин (ныне Суккула) живет в настоящее время на Канарских островах, куда переселился после того, как отсидел несколько лет в тюрьме, и, вероятно, больше не вернется в Финляндию штопать свою потрепанную честь. Симо Сяхля тем более уже не удастся исправить свою подмоченную репутацию, поскольку он умер от свинцового отравления в какой-то частной клинике осенью 1947 года. Точнее говоря, он сгрыз слишком много карандашей. Чтобы читателям были понятны некоторые мои последующие шаги, я лишь коротко — так как описывать я не умею — попытаюсь охарактеризовать этих двоюродных братьев. Если определять биологически, они относятся к семейству двуруких млекопитающих и, следовательно, выполняют свои естественные функции на высшей ступеньке животного царства.

Сеппо Свин еще очень молодым взобрался на кресло генерального директора «ПОТС и К^о». Он был коротеньким, пикником, и познал горечь утраты волос уже в двадцатипятилетнем возрасте. Поэтому он бережно начесывал реденькие сохранившиеся пряди с затылка на крышку черепа, которая блестела, как ледяная дорожка перед началом конькобежных соревнований. Низкий широкий лоб и толстый курносый нос, два упрямых жестких пучка волос, которые, казалось, вырывались наружу из ноздрей, — все это придавало ему сходство с собакой-боксером. Я сначала думала, что он не сбривает эти усы просто потому, что ничего не видит у себя под носом. Но со временем для меня стало ясно назначение этой подношной растительности: она должна была маскировать и несколько скрадывать неестественную длину его верхней губы. Одевался директор щеголевато, носил цветные ботинки и яркие галстуки, тщательно полировал ногти и поливал духами свой носовой платок.

Самая характерная черта коротеньких мужчин — властолюбие. Поэтому я никогда не удивлялась тому, что Сеппо Свин постоянно говорил о «своей», «собственной» фирме, хотя собственно ему принадлежала лишь одна шестая часть акций компании. На заседаниях правления он всегда диктовал решения в протокол. Сеппо Свин не терпел возражений и особых мнений, однако это не мешало ему с удовольствием говорить о демократии. Слово

«демократия», удачно сказанное в нужный момент, сделало его членом муниципалитета, а также членом Общества друзей служебных собак, членом Общества Финляндия — Никарагуа, членом Общества покровительства эскимосам и председателем Финско-берберского объединения. Кроме того, он занимал еще много ответственных и выборных постов. Он вечно спешил, как спешат люди, главным занятием которых является представительство, а главной задачей — представлять самих себя. Когда он около полудня приходил наконец в свой директорский кабинет, то чувствовал себя до того усталым, что не мог даже поднять ноги на стол. Все служащие боялись его, не исключая и вице-директора компании Симо Сяхля, которого господь наградил счастливым даром красноречия. Его речи успешно соперничали с пантомимой: он мог говорить много и ничего не сказать.

Симо Сяхля был лет на двадцать старше своего двоюродного брата. Он тоже всегда спешил, но его спешка напоминала исторический роман: это было опирающееся на реальность произведение фантазии. Худощавый, высокого роста, с благородной сединой и преждевременно состарившейся душой иезуита, он великолепно умел пресмыкаться перед вышестоящими, но с подчиненными был жесток и груб. Я чувствовала к нему какую-то жалость, ибо слабые и больные люди всегда располагали мое сердце к милосердию. Его слабость состояла в бесхарактерности. Он имел смелость быть самим собой лишь на фотографии для паспорта, в бане и в ватерклозете. У него была неизлечимая болезнь: он все время грыз карандаши, сгрызая начисто, без остатка по полдюжины в день, отчего страдал вечными головными болями. Сторонний наблюдатель, пожалуй, мог подумать, что головная боль — это единственное, что удерживается в голове вице-директора. Он пытался изгнать боль при помощи аспирина, который секретарша приносила ему из аптеки в пакетах по полкило. Лицо этой медленно чахнувшей жертвы карандашей напоминало безжизненную восковую маску, маску цвета грязной замши, за которой скрывался одинокий человек. Его единственным другом было собственное отражение в зеркале, ибо никто не доверял ему, даже его жена, почему-то уверенная, что муж способен ей изменить.

Таковы были боссы компании, под начальством которых я работала около четырех лет. Правда, они довольно

долго оставляли меня в покое и как сотрудницу, и как женщину. Вечно страдавший головными болями вице-директор уже давным-давно распрощался с эротикой и мелким воровством любовных наслаждений. То, чему он научился в молодости, он в старости забыл. Генеральный директор, напротив, первое время пытался немножко влочиться за мной, но, заметив безнадежность своих покушений, перестал меня замечать. Он был самолюбив. Я поверила, что он уважает мою невинность, тем более что его личная секретарша — очень хорошенькая и очаровательно наивная женщина — шпионила не за страх, а за совесть, следила за каждым шагом своего патрона, куда бы он ни направлялся. Однако моей уверенности было суждено поколебаться. Когда секретарша Свина летом уехала в отпуск (компания оплатила ей заграничную поездку), ее шеф буквально на следующий день стал «изнывать от тоски». Общеизвестно, что тоска толкает мужчину на поиски развлечений, а «развлекаться» для них — значит делать такое, чего вообще делать не следует. По этой причине любовь собственной жены развлекает их, как правило, очень редко, поскольку она дозволенная. Эта любовь не веселила и моего почтенного начальника, который стал теперь обращать особенное внимание на мои наряды, а мы, женщины, знаем, как решительно женская одежда влияет на нравственность мужчин.

Сеппо Свин был один из тех представителей мужской грубости и хамства, которые начинают супружеские отношения насилем, а затем жалуются на холодность жены. И вот он надумал пополнить свежим табачком опустошенный кисет своей эротикой, найдя новый объект среди персонала служащих компании! Он плохо знал женщин, но был о них совершенно твердого мнения. Я испытала это на себе вскоре после Иванова дня, когда он пригласил меня на так называемый деловой завтрак. Было забавно наблюдать, как важность самовластного директора растворялась в алкоголе и возникал сюжет для сатиры. Он пытался быть воодушевленным, но его вдохновение плохо держалось на ногах. И я услышала — в который раз! — обычную иеремиаду захмелевшего женатого мужчины: жена его не понимает, дети распущены, а теща совершенно невыносима. Он завидовал Адаму, у которого не было тещи, и одному своему другу, у которого, говорят, идеальная жена (до замужества она была натурщицей у ку-

дожника). Слушая директора, я подумала о том, что для него брак либо порт-убежище на случай бури, либо просто бытовое удобство. Я начала немножко лучше понимать его. Его жажда обладать властью вне дома была ненасытна, потому что дома у него не было никакой власти. Он был женат на крупной, энергичной женщине, которая была на целый фут выше мужа и весила на тридцать кило больше его.

Я с опаской взглянула на часы. Время завтрака уже окончилось, а в конторе меня ждала груда писем, требующих перевода на английский язык. Было просто досадно сидеть в обществе начальника за трапезой в рабочее время и слушать сказки, которые гораздо старше самого рассказчика. Я знала, что в конторе вокруг моего пустующего стола поднимается волна возбужденного шепота. Одиннадцать одиноких или *ожидających* женщин горячо обсуждали отношения, возникшие между генеральным директором и сотрудницей отдела иностранной корреспонденции. Низкая зависть вербовала к себе на службу низменные страсти, из предположений создавались факты. Я знала моих сослуживиц, которые ни в коем случае не стали бы противостоятъ искушению, боясь, что оно может не повториться. Они были готовы обоими глазами заглянуть в замочную скважину, лишь бы увидеть нечто такое, что им уже издавна известно. Зависть сплотила их всех против меня. Я была в их глазах счастливейшей женщиной на свете, поскольку я добилась благосклонности директора. Они были в некотором роде правы, так как шеф обрадовал меня следующим сообщением:

— Нейти Баранаускас, вы леди, вы настоящая американская леди. Поэтому я решил повысить вам месячный оклад.

Я выразила обычную благодарность и снова взглянула на часы. Тогда мой кавалер раскрыл преёскурант вин, в котором были все настроения и все жанры — от элегии до оды, — и сказал, милостиво улыбаясь:

— Вам сегодня больше не надо идти в контору. И у меня тоже случайно оказалось свободное время. Вечером, правда, заседание Тигриного общества, но я смогу руководить им по телефону.

Он принялся изучать преёскурант вин, считая опечатками все слова, которых не понимал. Алкоголь имеет обыкновение пользоваться огромным количеством псевдо-

нимов. В ресторанах социальное положение людей определяют на основании марок заказываемых вин. Мой шеф, однако, не зная марок, выбирал, руководствуясь ценами, так как он привык всегда мыслить экономически. Я же чувствовала себя в большом затруднении, поскольку все алкогольные напитки были мне одинаково противны. Я питала отвращение к опьяняющим веществам и к пьяным людям.

Мой сотрапезник был уже в том состоянии духа, когда человек может устоять против чего угодно, но только не против соблазна. Он пересел поближе ко мне и начал говорить слова, за которые следовало бы штрафовать смехом. Он знал по опыту, что ухаживание за женщиной надо начинать с лести, поэтому он стал превозносить мою красоту и отличное знание языков. «Все это только предисловие к объяснению в любви»,— подумала я. И не ошиблась: не прошло и минуты, как он сказал, что нуждается в нежности. Он прикинулся поэтичным — боже упаси нас от поэтичных мужчин! — и перешел на «ты».

— Минна, я могу сделать тебя очень счастливой,— прошептал он липким и тягучим голосом.— Ты ни в чем не будешь нуждаться.

Я отстранила его противную мягкую руку, обладавшую, видимо, природной склонностью к ощупыванию женских коленей, и пригрозила, что встану из-за стола. Он уставился на меня безжизненными рыбьими глазами, скрипнул своими искусственными зубами, пригнул жирную шею, на которой ясно обозначились горизонтальные и вертикальные складки зажиточности, сжал кулаки и громко воскликнул:

— Нейти Баранаускас! Я не терплю, когда мне противятся!

— Рабочий день уже окончен,— ответила я сухо,— а в свое свободное время я имею право делать, что хочу.

Я оскорбила его чувство собственного достоинства — бог знает, откуда оно у него завелось! — и теперь он хотел мужественным жестом поправить дело. Он начал пить коньяк — рюмка за рюмкой,— все более пьянея. Наверно, в тот вечер у него не было заседания церковного совета, а то вряд ли он стал бы так запасаться ощущением силы и смелости.

Вскоре официанты и посетители ресторана смогли услышать, что мой достойный кавалер дважды здоровался за руку с президентом, что раз он даже был приглашен во дворец президента на празднование Дня независимости, что ему было обещано почетное звание экономического директора, что он основал Общество Финляндия — Коста-Рика, Хельсинкское джентльменское объединение, Союз друзей вина и противников геморроя; что его двоюродный брат свободно владеет тремя иностранными языками и что его крестная мать была дальней родственницей поэта Эйно Лейно.

Я почувствовала на лице горячую краску стыда. Тут же я услышала, что за соседним столиком довольно громко говорили о моем уважаемом директоре и обо мне. Я обернулась в ту сторону и встретила наглый бычий взгляд. Мой бывший ученик, агроном, посвятивший жизнь скотоводству, выразительно двигая густыми бровями, беседовал с двумя господами того жесклада. Я могла себе представить, что рисовала им их бычья фантазия, — они то и дело разражались громким, дружным хохотом. Мой бывший бравый ученик смеялся особенно хорошо, ибо он каждый раз смеялся последним: его смех громышал еще долго после того, как другие умолкали.

Я решительно встала и попрощалась с моим маленьким свином. Он даже не расслышал моих слов, что было вполне обычным явлением после деловых завтраков. Протискавшись между столиками, я пересекла вестибюль и поспешила в дамскую комнату, чтобы чистой водой смыть омерзение, охватившее меня. Выйдя снова в вестибюль, я прямо наткнулась на генерального директора Сеппо Свина, которого метрдотель и швейцар тут же предложили мне в попутчики. Мой «грозный и горячо любимый» начальник едва держался на ногах. Он плелся за мной и бормотал:

— Минна... Теперь пошли в гостиницу... Ты со мной...

Выйдя на тротуар, он схватил меня под руку. Я оттолкнула его, и он шлепнулся на четвереньки. Я ускорила шаги и, отойдя на некоторое расстояние, пустилась бежать, словно за мной гнались. Между прочим, мне удалось заметить, что в большой сутолоке и давке пьяному легче сидеть, чем разгуливать.

Домой я пришла подавленная. Я была уверена, что на следующий день бухгалтер спишет значительную сумму

по статье «расходы на представительство». Дело для него привычное, но теперь он будет проводить этот расход с особенной завистью. Поскольку у меня не было мужа, на котором я могла бы сорвать зло и выместить всю свою досаду, я стала перелистывать дневник и сделала в нем новую запись: «Откровенно говоря, все мужчины — животные, но некоторые становятся свиньями исключительно в женском обществе».

Я готовилась принять от генерального директора ледяной душ порицаний: ведь я бросила его на улице! Но он даже не появился утром в конторе. Ему пришлось платить за удовольствие такой высокий налог, что было не до смеху. Проведя ночь в полицейском участке — ради него, говорят, были постелены чистые простыни, — он пришел домой, страдая обычными болями в печени, которые автоматически следовали за трудными обязанностями Представительства. Низкооплачиваемые служащие компании составили на этот счет очень злую гипотезу, подрывающую авторитет генерального директора, но она была основана на простой неосведомленности. Они не понимали, что деловые совещания невозможно проводить без нощного ключа Алкогольного треста, так же как и любовные дела не устраивают на собраниях трезвости, где, как вино, струится вода.

В конце дня вице-директор Сяхля пригласил меня к себе в кабинет. Когда я вошла, он, сидя за столом, грыз карандаш. Вице-директор тут же нервно заговорил, забыв золотое правило: не говори длинно, ибо жизнь коротка! Но, поскольку ему легче было произносить слова, чем думать, он, естественно, их произносил.

— Нейти Баранаускас, — сказал он нарочито подчеркнутым тоном, в котором смешались угодничество, порицание, робость, коварство и хрипота, — нейти Баранаускас! Вы разумная, образованная, добросовестная, рассудительная и тонкая женщина. С вами можно говорить доверительно. Я говорю вообще всегда только доверительно. Я хочу быть каждому другом, добрым другом, товарищем, человеком, которого любят и которому доверяют. Я уже старый человек, но у меня по-прежнему есть идеалы и принципы, прежде всего идейные принципы. Никакой труд не может быть исполнен без идейного воодушевления. Вероятно, и вы это понимаете, не правда ли?

Я отрицательно покачала головой:

— Я веду иностранную корреспонденцию. Перевожу на иностранные языки деловые и личные письма генерального директора без всякой идеи, если только не считать идеей знание языков.

— И это тоже идея в своем роде, нейти Баранаускас, но я сейчас имею в виду нечто другое: готовность пожертвовать собой ради общей идеи. Жизнь преисполнена красоты и богатства. Мы должны быть оптимистами и добрыми людьми, которые стараются подбодрить друг друга, забывая о себе. Наша компания продает антрацит, кокс, нефть, асфальт и горный воск. Но пытались ли вы, нейти Баранаускас, задуматься над вопросом: ради чего мы продаем все это? Возможно, вам подобная мысль и не приходила в голову, а поэтому я скажу вам: мы стремимся помогать человечеству. Жители Хельсинки умерли бы от холода, не будь в их распоряжении кокса для отопления домов, крыши протекали бы, не будь асфальта, а газеты перестали бы выходить, если бы мы не доставляли сырье для заводов, производящих типографскую краску. Итак, вы теперь видите, что наша благородная деятельность помогает человечеству добиваться лучших условий жизни, делает людей здоровыми и счастливыми. И вот именно это-то я и называю идеей, великой идеей, непреходящей идеей будущего. Нейти Баранаускас, мы — люди идеи, мы — патриоты, насквозь пропитанные благородной идеей гуманности, и мы строим государство всеобщего благосостояния, движимые исключительно альтруистической любовью к людям.

Вице-директор Сяхля принялся за новый чернильный карандаш и проглотил порошок аспирина. Он пытался говорить из глубин, как чрево вещатель, но вдруг позабыл свою глубокомысленную роль и выплыл на поверхность с легкомысленным вопросом:

— У вас исключительно красивое платье, нейти Баранаускас. Вы привезли его из Нью-Йорка?

— Нет, я сшила его сама.

— Да неужели! В таком случае я все больше и больше восхищаюсь вами. Но, возвращаясь к предмету нашего разговора, я хотел бы услышать ваше мнение.

— Мое мнение! О чем?

Губы вице-директора задрожали. Он бросился наводить порядок на своем захламленном письменном столе, где за многие годы накопились десятки кило различных

бумажек, огрызков карандашей, пуговиц, образцов товаров, обесцененных орденов, пробок от пивных бутылок, сапожных стелек, носовых платков, торговых справочников, вексельных бланков, почтовых марок, засохших цветов, визитных карточек и реклам, над всем этим господствовали три огромные папки: «Идейные лозунги для оживления покупательной активности», — а дальше еще гряда всевозможного бумажного и металлического добра, которое могло бы заполнить карманы по крайней мере трехсот мальчишек. Я заметила, что вице-директор волнуется. Он что-то искал, то и дело принимаясь расчесывать свои жирные волосы и опять возобновляя поиски. Бедняга был похож на тряпичника, который роется на свалке, упорно веря, что там можно найти что-нибудь полезное. Он говорил сам с собою и сам отвечал на свои же вопросы. Он был талантливым бездельником. В лихорадочной суете и безделье проводил он все дни своей жизни. Но это как раз и был его способ добывать себе пропитание. Недаром его имя означает суетливый. Как говорили древние римляне, *poten est oten* — имя знаменательно!

— Куда же могла запропасться эта бумажка? — простонал он, воздев к небу искаженное мукой лицо.

— Какое-нибудь письмо? — спросила я осторожно.

— Нет, такая маленькая брошюра-листовка: «Десять заповедей идейного человека». Я хотел бы дать ее вам. В ней заключена глубочайшая мудрость жизни, в которой мы все нуждаемся. Ибо сущность всего есть идея. Я бы хотел услышать ваше мнение. Но, поскольку брошюры нигде нет, я сам продолжу то, о чем уже говорил. Итак, без идеи мы не можем жить. Те, кто добывает каменный уголь в недрах земных, делают это в силу великой идеи, а во все не ради заработка. Точно так же и те, кто продает этот уголь потребителям, делают это, вдохновляемые идеей, а не погоней за прибылью. Как служители великой идеи, мы все равны и все в равной степени достойны уважения.

Он устремил на меня вопрошающий взгляд. Я не могла ничего ответить, ибо действительно не знала, что фирма «Поставщики отличного топлива, Свин и К^о» была «идейной организацией», действующей без помощи сбора пожертвований с населения.

— Вы ничего не отвечаете, нейти Баранаускас, — заметил Симо Сяхля.

— Нет... К сожалению, я до сих пор не могу понять, о чем речь.

— Речь идет о сотрудничестве, о совместной деятельности, о работе, так сказать. Мы должны быть верными идее как в большом, так и в малом. Идейно пробудившийся человек никогда не опоздает на работу. Вот я каждое утро являюсь в контору к семи часам, а уйду домой на час позже других. Я стараюсь быть хорошим примером для всех служащих нашей компании. Теперь вы, вероятно, понимаете, к чему я все это говорю?

— Я очень сожалею, но...

У моего начальника опять задрожали губы. Он был похож на предисловие книги, небрежно пропущенное читателем, но, оказывается, написанное для чтения.

— Нейти Баранаускас,— проговорил он сиплым и несколько брюзгливым голосом.— Мне приходится говорить с вами совершенно прямо. Я являюсь начальником всего личного состава служащих компании и обязан воспитывать ответственность в подчиненных. Я спрашиваю вас: почему вчера во второй половине дня вы вовсе не явились на работу?

Я бросила веселый взгляд на начальника, благородное идейное воодушевление которого столь внезапно перешло в суровое обвинение. В душе я поздравила его с тем, что он наконец-то заговорил нормальным, будничным языком, и ответила без обиняков:

— Я была на деловом завтраке с генеральным директором, и завтрак несколько затянулся.

— С генеральным директором?

— Да, с генеральным директором Сеппо Свином. Мы с ним позавтракали, а потом и пообедали.

— Вы поступили совершенно правильно...

Чтобы как-то скрыть изумление, он начал вместо карандаша грызть свои ногти. Постепенно он снова стал любезным, слова его нарядились в парадную форму — и пошло прославление всевышней и всемогущей идейности. Оказывается, я поступила совершенно правильно. Вице-директор потратил два часа служебного времени на дело, которое можно было решить за две минуты с помощью телефонного звонка. При этом он израсходовал пять порошков аспирина, три карандаша и бесчисленное количество слов. Я вышла из его кабинета с легким сердцем. Он мог быть спокоен за свой характер, ибо невоз-

можно отнять у человека то, что не дано ему господом богом.

Незадолго до окончания рабочего дня он снова позвал меня к себе, и тут я увидела, что его душевная погода совершенно переменилась. Лицо его приняло сухое, безжизненное выражение. Именно такое выражение лица должны, по-моему, иметь осужденные на смерть, когда они сидят на электрическом стуле или всходят на эшафот. Если бы дать ему посмотретья в зеркало — он бы умер от одного своего вида. Он говорил отрывисто, словно читал модернистские стихи.

— Нейти Баранаускас. Я ошибся. Я думал, ваши убеждения глубже и заслуживают доверия, полагал, что вы будете верны идее и в малом. Я ошибся. Генеральный директор звонил мне только что и рассказал о вашей совершенно потрясающей ненадежности. Компания больше не сможет доверять вам задачи представительства. Генеральный директор прибудет сюда через час, он желает поговорить с вами. Ясно?

Кто бы поверил, что Симо Сяхля способен говорить так кратко, определенно и без «идейного воодушевления». Я сразу догадалась, что он передавал мысли Сеппо Свина. Я оскорбила внешний авторитет генерального директора (о внутреннем его авторитете лучше не говорить), и это оскорбление больно задело также его двоюродного брата. Наконец-то я услышала правду, чистую правду, которая, как говорится, и в огне не горит (точно так же как ложь). Однако чистая и простая правда очень редко бывает абсолютно чиста, а еще реже — проста. Когда я через час робко вошла в кабинет генерального директора, я услышала уже совершенно противоположные истины: я, оказывается, самая милая и самая умная в мире женщина, чье знание языков просто феноменально; я одеваюсь элегантно, к работе отношусь с величайшей добросовестностью, я остроумный собеседник, и, что самое важное, у меня есть изюминка.

Итак, мой начальник был снова под хмельком. Лицо его имело цвет, характерный для алкоголиков: оно отличало черничной синевой. Прищуренные глазки, казалось, плавали в коньячной подливке, а липкий язык то и дело облизывал толстые губы. Рабочий день был окончен, контора закрыта, и никто уже не мог нарушить наш великолепный tête-à-tête.

Жаркий летний день еще продолжал стонать пот, словно решил не оставлять недоимок на завтра. Генеральный директор снял пиджак и включил вентилятор. Он посмотрел на меня ласковым взглядом, ну по меньшей мере так, как человек, желающий любить ближнего своего.

— Минна, — проговорил он, слегка запинаясь, — я вчера забылся, но все-таки не окончательно. Я помню еще вполне ясно, что обещал тебе повышение оклада. Это мы устроим при первом же удобном случае. А сейчас у меня имеется к тебе и другое дело. Через неделю я еду в Лондон и хотел предложить, чтобы ты поехала со мной. Мне нужен переводчик... Ты ведь понимаешь, мое знание языков... Не стоит говорить об этом. Компания оплатит тебе проезд в первом классе, и, кроме того, ты будешь получать еще суточные. Но прежде...

Он встал и начал пожирать меня глазами. В это время распахнулась дверь и в кабинет вошел возбужденный Симо Сяхля. Он не решался признаться, что сказать ему самому нечего, и принялся излагать заимствованные у кого-то мысли.

— Я уже говорил нейти Баранаускас, что компания никогда больше не доверит ей представительства, — выпалил он, задыхаясь и глядя на меня с осуждением, а на своего двоюродного брата — с восхищением. — Мой долг — требовать, чтобы каждый сотрудник, каждый служащий нашей компании исполнял свои обязанности безупречно, так, чтобы на него можно было вполне положиться, чтобы каждый, так сказать, излучал несомненную надежность, идейное воодушевление, жертвенность и социальное мышление и чтобы...

— Да перестань ты! — раздраженно воскликнул генеральный директор. — Какого дьявола ты тут толчешься? Ведь контора закрыта, чего не идешь домой?

Симо Сяхля, жизнь которого состояла из одних лишь намерений, растерялся. Во избежание неприятной обязанности думать он обычно мгновенно усваивал мнения своего двоюродного брата, но тут уж никак не мог ожидать, что генеральный директор изменит свое мнение вдруг за какую-нибудь минуту.

— Я только думал... — попытался было оправдаться вице-директор, бросая на своего двоюродного брата умоляющие взгляды.

— Думал, думал! На одном думанье далеко не уедешь. Надо действовать. Понятно?

— Конечно, конечно... Я, кажется, ошибся. Когда ты говорил о вчерашнем поведении нейти Баранаускас...

У Сеппо Свина резко опустились уголки рта. Он не терпел, чтобы ему напоминали его собственные слова. Он воскликнул:

— Речь идет совсем не об этом, а о повышении оклада нейти Баранаускас. Я потому и позвонил тебе, чтобы ты попросил нейти Баранаускас остаться после конца рабочего дня.

Искренне признаюсь, мне было жаль Симо Сяхля, человека, который читал только газетные заголовки да лозунги.

Теперь он стоял перед своим властным родичем, побитый и беспомощный. Седина его волос отлично гармонировала с серостью его мыслей. Он был похож на человека, проигравшего все состояние на пари и в денежных лотереях. Он судорожно грыз только что отточенный карандаш и чувствовал себя глазом слепого и ногой хромого, как некогда Иов. Однако он не был бы великим эквилибристом на арене жизни, если бы и тут не сумел вывернуться с изумительной ловкостью. На его бледном, как восковая маска, лице возникла необычайно подлинная, искренняя улыбка, которая была адресована мне.

— Я совершенно того же мнения, что и генеральный директор,— проговорил он льстиво.— Нейти Баранаускас для нашей компании — бесценное сокровище. Где бы мы нашли корреспондентку, столь суверенно владеющую и английским и испанским, как нейти Баранаускас? Нигде. А кроме всего, она и финским языком владеет весьма блестяще...

Генеральный директор сделал нетерпеливый жест, мне казалось, что он сквозь длинную фигуру двоюродного брата видит висящую на стене карту Европы с Британскими островами.

— Хорошо, Симо, что ты согласен со мной,— сказал он сухо.— О повышении оклада я сам сообщу завтра в отдел заработной платы. Есть у тебя еще какое-нибудь дело?

Другого дела у Симо Сяхля не было. Он сказал мне какую-то пошлую любезность и вышел из кабинета. Я уверена, что он пошел срочно принимать аспирина. Видя всю-

ду ложь и коварство, мне кажется, он на следующее утро брился без зеркала.

Все, что еще можно было бы рассказать о вице-директоре Симо Сяхля и о его деятельности, было уже написано в хельсинкских газетах от четвертого октября 1947 года в связи с сообщением о смерти бедняги...

* * *

*

Когда генеральный директор убедился в том, что его любезный кузен покинул контору и в коридорах не слышно шагов уборщиц или вахтеров, он начал снова говорить о нашей заграничной поездке. Хотя я и читала несколько американских книг, в которых известные биологи писали о ненадежности мужчин, об их коварных охотничьих повадках, я все же поверила, что попаду в Англию благодаря знанию языков. С милой откровенностью я задавала своему начальнику вопросы о программе поездки, о времени отъезда, о гостиницах и о цене билетов. Он пересел на диван, разложил на столе карту и пригласил меня сесть рядом. Я послушно исполнила это указание, потому что в жизни бывают моменты, когда стоит уважать формальный авторитет, думая о будущем. Мой почтенный работодатель вытер со лба пот, обсосал усы и запыхтел:

— Минна... Ты согласна на мое предложение?

— Да, конечно,— медленно проговорила я в ответ.— Я готова, когда угодно.

Будучи прежде всего деловым человеком, он решил сразу же приступить к существу дела. В тот момент я еще не знала, что он представляет собой загадку, которую способна решить каждая женщина. И только когда мой начальник встал и отстегнул свои подтяжки, я поняла его намерения. Это был весьма определенный договор о взаимных расчетах, под которым он требовал моей подписи. Я начала спешно обдумывать план бегства. Он опустил шторы на окнах и стал совершенно спокойно, не спеша раздеваться. Как истинный педант и чистоплюй, он бережно сложил брюки по безупречной, только что заглаженной складочке и повесил на спинку стула. Так, вероятно, поступает какой-нибудь амнистированный дворянин, у которого все джентльменство в хорошо отутюженных брюках. Я схватила сумочку и встала. Он подкатился ко мне,

как смешной маневренный паровозик «кукушка», и схватил меня за руки.

— Минна... Минна... Я люблю тебя...

Он попытался было поцеловать меня, но из-за своего маленького роста не смог дотянуться. Я с трудом удерживалась от смеха. Положение было действительно комичным: коротенький пузанчик, ниже меня на целую голову, признавался мне в любви, страстно ожидая так называемой взаимности, и для большей выразительности своего искреннего чувства снял брюки! Только желе задрожало бы перед ним.

Я оттолкнула его и сказала, что его бестактность отчасти можно понять, поскольку он много пил в последнюю неделю и был уже не способен оценивать свои поступки. Но сердцеед-коротышка не внял моим разумным доводам. Пример французского «маленького капрала» сделал его финским самолюбивым капралом-дельцом, который пытался своеобразным артиллерийским залпом забросить меня на Британские острова.

— Минна! — шипел он почти свирепо. — Это вовсе не шутки. Я несколько не пьян... Я люблю тебя, люблю! Неужели ты не понимаешь?

Скудоумные цензоры любовной жизни не смогли бы произнести слово «любовь» со столь выразительной интонацией, с такой страстью и злостью, как он. Наконец мой начальник вспомнил пословицу: «Кто смел, тот и съел». Меня чуть не стошнило. Я быстрыми шагами направилась к двери, но он бросился за мной и вцепился в меня, как в своего злейшего врага.

— Минна! Ты не уйдешь! Подумай о своем будущем!

— Пустите меня! — воскликнула я.

— Нет, Минна, ты не можешь так уйти. Неужели ты не веришь, что я тебя люблю? Если ты будешь сопротивляться, я возьму тебя силой...

Он хотел укусить меня за руку. Тогда я вышла из себя. Точно рассчитав удар, я направила его в нос противника, и Сеппо Свин опустился на колени, словно школьник на исповеди. Сама того не желая, я, видимо, повредила этот толстый нос, и насыщенная алкоголем кровь потекла из ноздрей, сделав черные усы красными. Теперь мой шеф уже не заговаривал ни о любви, ни о повышении оклада, ни о заграничной поездке. Зато он не скупился на восклицания, которые невозможно было бы

опубликовать ни в одном печатном произведении. Какой-нибудь порочный филолог мог бы почерпнуть из этого словесного фонтана всю терминологию разврата и сквернословия. Но, как сказал один мудрец: «Бойся мужчину, который говорит, что ненавидит тебя, ибо ярость его любви может вспыхнуть в любой момент!»

Так вышло и на этот раз. Он стер кровь с усов и губ, с трудом поднялся на ноги и снова начал доказывать подлинность своей любви.

— Минна, милая, дорогая Минна... Будь моей!.. Заплачу сколько угодно. Не смей сопротивляться, ведь ты женщина, обыкновенная женщина...

Он приблизился ко мне, угрожающе опустив голову, словно собирался боднуть меня в живот, и вдруг, неожиданно подпрыгнув, ухватил меня за волосы. Я взвизгнула от боли. Казалось, будто с меня сдирают скальп. Пригнув мою голову к коленям, он тащил меня куда-то за волосы, как собаку на поводке, и говорил о любви. Притащив меня к широкому кожаному дивану, который, как можно догадываться, использовался для подобного рода «представительства» довольно часто, он отпустил мои волосы и начал привычные поиски дикой розы, к которой, обычно столь односторонне, бывает направлена мужская любовь. Они восхищаются поверхностными женщинами, но всегда ищут в них некоторой глубины. Однако на сей раз все попытки Сеппо Свина были уже заранее обречены на провал. Оттолкнув его в угол дивана, я двумя кулаками нанесла резкий удар прямо в помутневшее зеркало его души. Не зря я прошла в американской школе курс бокса. Я нокаутировала моего противника и тем самым решила деликатный вопрос авторитета без рысистых состязаний красноречия. Наскоро поправив прическу, которая была приведена в некоторый беспорядок, я поспешила к выходу, но тут у меня мелькнула злая мысль. Я схватила висевшие на спинке стула брюки моего высокоуважаемого шефа и удалилась из комнаты быстрыми, неслышными шагами, как ночной вор.

Потом я много размышляла над этим поступком, означавшим для меня потерю службы. Если бы я согласилась на требования шефа, которые кому-либо могут показаться незначительными, я бы наверняка добилась денег, власти и успеха. Возможно, я даже стала бы акционером компании, ибо известно, что многие важные торговые

сделки и переход из рук в руки целых состояний решаются не за столом совещаний, а в постели. Среди моих знакомых есть десятки богатых деловых женщин, которые приобрели первичный капитал исключительно благодаря своей женской привлекательности. Но ни один политэконом не обращает внимания на это важное обстоятельство, существенным образом влияющее на образование капиталов и на распределение доходов. Каждая красивая женщина может обеспечить себе состояние исключительно благодаря своей красоте, ибо очень многие мужчины всегда вкладывали и будут по-прежнему вкладывать деньги в предприятия, не приносящие никаких процентов. Мужчина — это вечный многоженец, который старается получить от жизни больше, чем она может дать. И мы, женщины, знаем это обстоятельство слишком хорошо!

Хотя Сеппо Свиноу пришлось после этого несколько недель носить темные очки, он не подал на меня в суд за «избиение». Он также не делал больше попыток хоть сколько-нибудь приподнять мой подол и мой оклад. «Избиение» — он употребил именно это слово — все же не явилось решающей причиной моего увольнения. Причина заключалась в обыкновенной угрозе развода, поводом для которой послужила моя невинная проделка: я послала наложенным платежом брюки моего шефа его жене. В посылку я вложила маленькое письмецо с соответствующей благодарностью директору за его чрезвычайно увлекательную попытку, которая, к сожалению, осталась слишком односторонней. Похоже, что мое послание вызвало в прекрасной семье Свинов совещание, на котором символы и приметы социального положения толковались по-разному. Я догадалась об этом прежде всего по пластырю, который украсил лоб Сеппо Свино. Именно эта рана была нанесена не моей рукой.

Я охотно признаюсь, что с моей стороны было до некоторой степени низостью подбросить горошину в ботинок ближнего своего и не без злорадства смотреть на его страдания. Все-таки в Сеппо Свино было что-то от джентльмена: он никогда не забывал дня рождения своей жены, хотя не помнил ее возраста. В глубине его души жила жгучая тоска: он тосковал в ресторане по домашней обстановке, а дома — по ресторанному обслуживанию. Он верил, что установил хорошие отношения с богом, так как ежегодно жертвовал поношенное платье для рождествен-

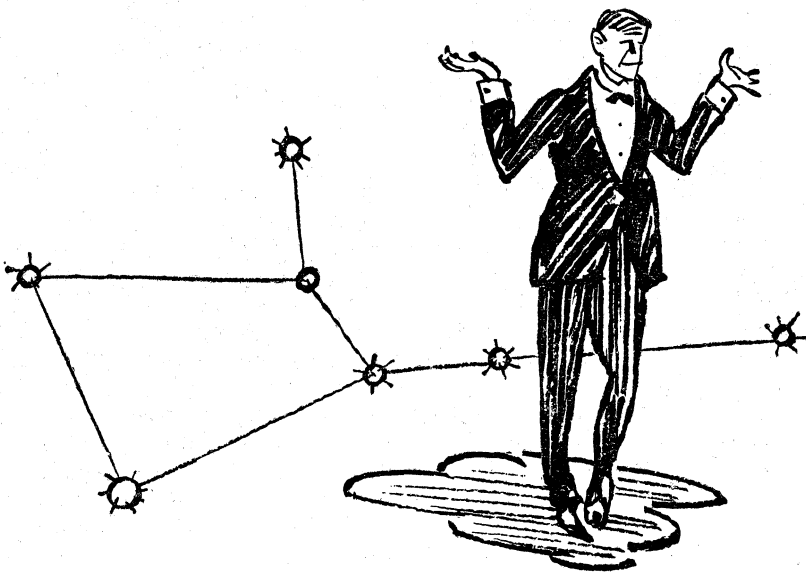
ской распродажи в приходе и являлся членом-учредителем целого ряда благотворительных обществ. Вполне естественно, что президент республики через несколько лет присвоил ему почетное звание и титул общественного советника.

Сеппо Свин был *Рак*. Он не ходил носками внутрь. И хотя я покидаю его теперь почти окончательно, я скажу еще несколько слов о наиболее характерных представителях этого типа. Обычно они участвуют в общественной жизни на важнейших ролях. Они избрали своей специальностью руководство. Наиболее способные действительно выбираются на руководящие посты и тогда получают удобную возможность участвовать во всем. Если они нормального роста, от них обществу нет особой опасности, но если они коротышки, словно нечаянно обрубленные, тогда они очень опасны и обременительны для нас, женщин. Поэтому я предупреждаю: берегитесь, женщины, низкорослых мужчин! Они страдают неизлечимым комплексом низости, вызывающим осложнения. Симптомы болезни: неудержимое властолюбие и честолюбие, не говоря уже о страсти к деньгам и плотском сладострастии. С тайным коварством эти мужчины-недомерки охотятся за рослыми, высокими женщинами, как бы желая взять у жизни реванш. Они носят ботинки на высоких каблуках и шляпы с пером, чтобы прибавить к своему росту хоть два-три сантиметра. Боязнь казаться маленькими толкает этих мужчин на безумные поступки. Недостаточный рост развивает у них важную осанку и способность пробираться повыше с помощью интриг и локтей. Если бы Наполеон был на десять сантиметров выше ростом, он ни за что не отправился бы на поиски приключений в бескрайние просторы России. А если бы Сеппо Свин был ростом хотя бы с Наполеона, он не стал бы преследовать женщину, которая выше, сильнее и умней его!

Дальнейшие сведения о Сеппо Свине и обо всех его делах читатель может найти в следующих главах моих воспоминаний, а также в протоколах городского суда за 1944 и 1946 годы.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
ПЕРВОЕ ЗАМУЖЕСТВО И ПЕРВЫЙ
МИЛЛИОН

Армас Карлссон был *Дева* и ходил носками внутрь. Высокий блондин с голубыми глазами, он был на шестнадцать лет старше меня, вдовец; волосы его уже начинали становиться тускло-серыми от незаметно пробивающейся их седины, но его надежды все еще не увенчивались успехом. У него в Эйра была собственная прекрасная квартира, а в

Оулункюля — маленький завод, выпускавший типографскую краску и клейстер. Последний продукт не был тем знаменитым и усиленно рекламируемым «Карлссоновым клеем», которым можно приклеить все, что хотите, к чему угодно, даже подметки к облакам, и который к тому же является импортным товаром, а был просто честным фин-

ским клейстером для обоев, только на то и пригодным, чтобы держать бумагу, наклеенную на стену. Типографская краска и клейстер характерны тем, что они всегда в моде, как и бюстгальтеры, благодаря чему их производство и сбыт относят к статичным явлениям экономической жизни. Однако великий мировой кризис все же показал, что экономическая жизнь динамична и представляет собой волнообразное движение. Мир стал обходиться гораздо меньшим, чем раньше, количеством типографской краски и клейстера. Это можно было заметить по газетным полосам, которые стали бледнее, потеряли блеск и яркость и обо всем сообщали в приглушенных тонах. То, что страницы больших скандальных газет были уже не так черны, как в добрые, сытые годы преуспеяния, происходило вовсе не оттого, что скандалы стали бледнее, а просто в результате стремления издателей экономить черную краску. Закон спроса и предложения влиял также на расход клейстера: когда никто не уверен в завтрашнем дне и никому не расчет оклеивать обоями стены своих жилищ, то и клейстер не находит сбыта.

Учтя все вышесказанное, можно понять экономические затруднения Армаса Карлссона. Кризис сбыта. Каждый не без удовольствия посматривал на трудности соседа, но никто не пытался их облегчить.

Армас Карлссон был в течение многих лет одним из лучших деловых партнеров «ПОТС и К⁰». Я знала, что его долг Свину растет из месяца в месяц и что он усердно занимается писанием векселей. Я испытывала по отношению к нему честное сочувствие и, возможно, даже некоторую жалость. Он был чуть ли не ежедневным гостем нашей конторы. Он не страдал манией руководства и, несмотря на то, что стоимость жизни все возрастала, решил прежде всего пользоваться жизнью. Всегда подчеркнуто вежливый (и притом, как-никак,— вдовец!), он, сам того не желая и не сознавая, стал объектом неусыпного внимания всех женщин нашей конторы.

Одна машинистка, которая после развода чувствовала себя прямо-таки новым человеком, без конца говорила об огромных богатствах Армаса Карлссона: «Фабрикант Карлссон просто купается в золоте!» А молоденькая кассирша была того мнения, что фабрикант Карлссон — скрытен и скуп, трясется над своим богатством и потому не женится вторично. Счетовод, рыжеволосая вдова, со своей

стороны считала, что скупость мужчины не имеет никакого отношения к женитьбе. Все дело, по ее мнению, в необычайной застенчивости фабриканта. Говорят, он настолько стеснителен, что, думая о женщинах, гасит лампу, и вообще вносит в свою жизнь как можно больше неудобств, считая это высоконравственным. Но бухгалтер компании — женщина, настолько привыкшая во всем сомневаться, что пересчитывала даже пальцы у себя на руке, когда с кем-нибудь здоровалась, — прекращала все эти споры обычно весьма реалистично.

— Фабрикант Карлссон не застенчив и не богат, он просто здоровый мужчина, но бедный, ибо у него почти полностью отсутствует деловая сметка и коммерческая смелость. Если «ПОТС и К⁰» в один прекрасный день потребует уплаты по всем счетам, у него ничего не останется, кроме грустной улыбки и титула экономического советника.

Действительно, улыбка его всегда чуть-чуть отдавала грустью. А когда две грустные улыбки встречаются, очень легко возникает интимность.

Через неделю после событий, описанных выше, мне объявили, что больше я не гожусь для ведения иностранной переписки «ПОТС и К⁰». В вестибюле нашей конторы я встретила Армаса Карлссона. Он уже два часа ждал аудиенции у генерального директора Сеппо Свина и, сидя в приемной, читал Шекспира. Да не что-нибудь, а «Венецианского купца»! Кто знает, может быть, он готовился отдать кредиторам фунт мяса из собственного тела? А может, искал подходящие реплики, чтобы вымолить отсрочку платежа? Во всяком случае, вид у него был исключительно грустный и как бы отсутствующий. На приветствие он ответил рассеянно и спросил, как водится, о здоровье. Я сказала, что мне сообщили об увольнении. Он стал еще печальнее, задумался на минуту и тихим голосом спросил:

— За что?

— Говорят, я вела себя неподобающим образом.

— Неподобающим? Вы, нейти Баранаускас?

— Я.

Он покачал головой так, что его бесцветная шевелюра заколыхалась, и ответил философически:

— История человеческой мысли знает лишь одно убедительное правило хорошего поведения: «Поступайте

с людьми так, как вы хотите, чтобы они поступали с вами».

— Хорошо сказано,— ответила я со смехом.— Но мой случай как раз обратный: я не желала, чтобы со мною поступали определенным образом, а потому не хотела так поступать с ним...

— С ним? С кем же это?

Я запнулась и не могла ответить. По счастью, спас положение швейцар. Он пришел объявить фабриканту Карлссону, что генеральный директор Свин только что погрузился в предписанный врачом оздоровительный сон у себя в кабинете на диване. Фабрикант посмотрел на часы и спокойно спросил:

— Как долго он будет спать?

— Трудно сказать,— ответил кроткий придверный советник нашей компании, наделенный правами спальника.— Может час, а может, два.

— Я уже прождал два часа. Пожалуй, могу подождать и еще.

— Не стоит. На прием записаны трое до вас. Они ждут со вчерашнего дня.

— Весьма странно,— вздохнул фабрикант.— А я договаривался о встрече еще на прошлой неделе.

— Ничего странного в этом нет. Те трое договаривались гораздо раньше.

Армас Карлссон подбросил на ладони «Венецианского купца» и вдруг сделал дерзкое предложение:

— Не можете ли вы пойти разбудить генерального директора? У меня важное дело.

— Господин экономический советник,— ответил старший привратник с поклоном, ибо он отлично исполнял свою трудную роль,— мне дано право будить генерального директора в служебное время лишь в исключительных случаях, которые суть следующие: пожар в конторе, прибытие супруги генерального директора, посещение нашей компании делегацией, которая собирается вручить генеральному директору орден, приезд иностранных гостей, ходатайствующих перед генеральным директором об учреждении новых торговых или культурных обществ (так, например, в последние дни возникли общества «Финляндия — Кувейт» и туристическое общество путешествий вокруг Огненной Земли), а также приезд личных посланцев президента, епископа и Алкогольного треста. Вот и все.

А сделать исключение, как я уже вам говорил, никак невозможно.

Армас Карлссон заметил, что он как раз является исключением, поскольку никогда не завидовал ни спокойствию бедных, ни имуществу богатых. Как мучительно и больно ему видеть людей, которые поклоняются всемогущим Деньгам и клянутся именем Мамоны, для которых правда всего лишь диковинный плод воображения, а христианство все равно, что страхование жизни. Они, подобно театральному суфлеру, всегда стремятся играть главные роли и в напряженном уличном движении жизни уступают дорогу бедному пешеходу лишь в том случае, когда его везет карета скорой помощи.

Старший привратник решил, что исполнил свой долг, и удалился. Мы с фабрикантом клейстера опять остались вдвоем. Высокий, светловолосый *Дева*, у которого были ботинки минимум сорок шестого размера, взгляд, исполненный грусти, и детский ум, верящий в доброту человеческую, пробудил в моем сердце самые нежные чувства.

— Ну что ж, ничего не поделаешь, — проговорил он, обращаясь больше к себе самому, — придется подождать.

— Мне жаль, что я ничем не могу вам помочь, — сказала я.

Он посмотрел на меня и попытался беспечно улыбнуться. В глазах его мелькнула мысль, которая через мгновение облеклась в слова.

— Нейти Баранаускас, я хотел бы встретиться с вами. Мне нужно с вами поговорить.

Я согласилась на его предложение, мы условились о встрече, и он вышел из конторы бодрыми (не скажу, что легкими) шагами, как будто ему предоставили дополнительный кредит или разрешили отсрочку платежей.

Меня раздражала его походка. Он двигался, как античная боевая галера: слегка покачиваясь и поклевывая носом. Помнится, носки его были слишком обращены внутрь. То же, пожалуй, можно было сказать и о его взгляде. Совесть — или что-то в этом роде — осыпала меня упреками: разве можно судить о человеке только по его внешности? Как утверждал один гениальный знаток гештальт-

психологии, которому я давала уроки английского языка, негодяи часто имеют хорошую осанку, а послушные рабы жениного каблука — волевой подбородок.

* *
*

Так это началось. Ни лунного света романтиков, ни сковывающей набожности. Немножко алхимии улыбок, некоторое сходство занятий и мыслей, безотчетное чувство общности судьбы и боязнь одиночества. Мы не походили на литературных критиков, которые постоянно ищут чудес и героев, а были простыми рядовыми душами, ищущими права убежища в сердце друг у друга. Весьма просто и прямолинейно, не правда ли? Совсем как кроссворд, для решения которого надо иметь лишь карандаш.

Нас обвенчали в начале августа. До этого мы оформили брачный договор, в котором были точно определены имущественные права жены и мужа. Каждый из супругов сам отвечал за всякий долг, сделанный им до брака или уже в браке.

Договор был зарегистрирован в городском суде Хельсинки второго июля 1934 года, внесен в протокол, о чем была дана публикация в официальных органах печати.

По-моему, вовсе не нужно и, я бы сказала, даже бестактно было бы излагать во всех подробностях события и переживания, связанные с периодом обручения, первой брачной ночью и первыми буднями после свадьбы. Я не из тех женщин, что с плачем жалуются на разочарования брачной ночи. У меня не было никаких напрасных иллюзий, а у моего мужа — так называемого *jus primae noctis*. Мне ведь как раз исполнилось тридцать лет, и я по опыту уже слишком хорошо знала, что на свете ни одна вещь не рождается сразу готовой, а менее всего — муж, которого надо постоянно воспитывать и воспитывать. Во время ухаживания мужчины имеют обыкновение рассказывать своим возлюбленным старые бредни о вечной любви, точно о пенсии, которая дается либо за долгую и безупречную службу, либо просто из чувства сострадания. Подобным угощением Армас Карлссон никогда меня не соблазнял. Он умел всегда вовремя призвать на помощь разум, ибо он знал или по крайней мере догадывался, что любовь, как и грех, требует согласованных действий единомышленников.

Когда Свиңы узнали, что я занялась наведением экономики у экономического советника Карлссона, они стали преследовать нас обоих. Мой муж оказался чем-то вроде козла отпущения. Я унизила генерального директора Сви-на, и он ни за что не мог мне этого простить. Теперь ему представился удобный случай для мести, и он злорадно мстил нам. В один прекрасный день мой муж вдруг приобрел известность. Его имя было опубликовано, правда, пока еще только в бюллетене опротестованных векселей, но это все же был авторитетный орган экономической жизни, который вполне удовлетворяет читательскую потребность деловых людей и любопытство их жен. Если человек желает когда-либо проснуться знаменитым, он должен поменьше спать по ночам — говорят американские кинозвезды и гангстеры. Бедный Армас не спал все ночи напролет и приобретал все большую известность как человек, который не платит по счетам. Векселя сыпались на него со всех сторон, как ночью на улице легкомысленные женщины. Я продала полученную в наследство квартиру на Хаканиеми и одолжила деньги мужу. Разумеется, под расписку, ибо у нас имелся брачный договор, который необходимо было уважать.

Я стала помогать мужу в управлении заводом и сразу заметила, что среди служебного персонала надо провести реорганизацию. Самое главное было найти способного заведующего рекламой, человека, который сумел бы продавать холодильники эскимбсам и валенки неграм Центральной Африки. После тщательного отбора нам удалось найти такую человеко-единицу, молодого поэта, с малых лет страдавшего неизлечимым писательским зудом. Дело рекламирования печатных красок и клейстеров оказалось настолько близким его литературным идеалам, что он отдал все свои силы тому, чтобы ежемесячно зарабатывать приличное вознаграждение. Его поэмы были ниже всякой критики, но его рекламные тексты были оригинальны и достигали цели. Лучшим подтверждением этому явился возрастающий сбыт клейстера. В течение первого же месяца этот прирожденный мастер слова доставил нашему заводу увеличение сбыта на тридцать процентов и два вызова в суд за лживую рекламу, вводящую покупателей в заблуждение. Я была очень довольна деятельностью поэта Хеймонена и с радостью призвала, что вовсе не обязательно поэту страдать безумием, хотя последнее

часто помогает ему. Во всяком случае, его плодотворный труд, который, как говорят, питался каким-то вдохновением, заслужил признание, точно так же как в театре красивый поклон артиста всегда заслуживает аплодисменты.

Для повышения производительности и сокращения издержек на заводе необходимо было провести ряд значительных нововведений. Было приятно чувствовать себя сподвижником мужа и его товарищем по работе, оказывать ему поддержку и помощь и в то же время получать каждый месяц немалые прибыли, которые я тут же вносила в банк, естественно, на свой собственный счет. Однако, несмотря на ослабление всемирного кризиса и возрастающий сбыт нашей продукции, мы все еще находились в очень напряженном положении. Деньги не прибавляли счастья, но они обеспечивали удобства, а именно это нам и требовалось. Армас был идеалистом, у него всегда имелись в изобилии свежие слова, но зато — ни одной свежей идеи, которую можно было бы претворить в жизнь. А в наше время требовались действия, конкретные меры, ибо только на телеграфе платят за слова, а не за дела. Я взяла на себя обязанности заведующего сбытом готовой продукции нашего завода и пригласила на деловой завтрак издателей газет и художников. На неразвращенных художников завтрак подействовал, и они, все без исключения, стали сотрудничать с нами, но издатели газет и полиграфисты уже успели, видно, не раз позавтракать и пообедать в обществе генерального директора Сеппо Свина. И тут я узнала, что «Свин и компания» ввозят из-за границы дешевые типографские краски и поставляют их бывшим клиентам нашей фирмы. Мы теряли рынки. Не в состоянии более конкурировать со Свинами, мы вынуждены были покорнейше признать их власть и силу. О, я была уверена, что когда-нибудь они станут самыми внушительными покойниками на кладбище Хиетаниemi...

Мой обожаемый Ги де Мопассан когда-то сказал, между прочим (с присущей ему легкостью мысли), что наша жизнь — это постель: в ней мы рождаемся, любим и в ней же умираем. Мне очень хотелось бы к этому добавить, что многие важнейшие совещания между супругами проводятся тоже в постели. Здесь легче открыть спутнику жизни свою душу или же показать ему спину. Армас

открывал мне свою душу. Он поверял мне свои заботы и печали, прося у меня совета и деликатно разведывая мое настроение. Однажды поздним вечером он с глубокой грустью сказал:

— Минна, ты была для меня доброй и все понимающей... гораздо больше, чем просто женой. Но все имеет свои границы, так и твое терпение, конечно.

Он ласково погладил мои волосы, помолчал минутку и тихо продолжал:

— Я должен тебе сто восемьдесят тысяч, но не знаю, когда смогу вернуть их. Моя фирма на грани банкротства. Если я не получу в течение двух недель шестисот тысяч займа, я погиб... И тогда все мое имущество перейдет к Свинам.

— Постарайся уговорить их, предложи сделку.

— Я предлагал, но они неумолимы. Минна...

— Ну?

— Можешь ли ты помочь мне?

— У меня на счету всего двести тысяч.

— А не можешь ли ты написать своей матери в Америку и попросить займы у нее?

— Нет.

— В таком случае моя песенка спета.

Голос моего мужа задрожал. Это было самое мрачное постельное совещание в нашей жизни. Я попыталась бросить хоть пятнышко света на уныло серый ландшафт его души и сказала:

— Сегодня я смотрела гороскоп, и он обещает одно только хорошее. Но, правда, с будущей недели.

Армас заставил себя улыбнуться.

— Ты оптимистка...

— Временами.

— Я тоже верил в лучшее в те времена, когда я сватался к тебе...

— Конечно, ты думал, что я богата.

— Нет, я рассчитывал на собственные силы. Но я не учел того, что Сеппо Свин будет моим соперником.

— Займы брать лучше всего у пессимистов, так как они уже заранее не надеются что-либо получить обратно.

Возникла долгая, томительная пауза, нагоняющая зевоту. Холодный осенний ветер забился в вентиляционный канал и там играл на своей жалобной флейте. С улицы

донесся резкий вой пожарной сирены. Армас погасил свет, пожелал мне прекрасных сновидений, но спины не повернул. Мы старались как бы подслушивать мысли друг друга, сохраняя молчание и сдерживая вздохи. Наконец муж заснул, и через минуту раздался его громкий храп — этот неприятный сигнал спокойствия, после чего я уже заснуть не могла. Я разбудила мужа. Он встрепнулся, включил свет и стал испуганно озираться.

— Кошмар... Я заснул в неудобном положении...

— И храпел.

— Неужели? Да, кстати, что же там говорится, в твоём гороскопе?

— Только хорошее. Денежные дела устраиваются блестяще, новые знакомства, какое-то торжество и уже не помню, что еще.

— Значит, торжество? Неужто действительно торжество?

— Да, а что?

Армас потер глаза и, зевая, сказал:

— Я забыл передать тебе, что нас на той неделе приглашают на семейное торжество.

— Я не люблю семейные торжества.

— Я тоже, но ведь у нас есть обязанности. Горный советник Карьюла — мой троюродный брат. Мы не можем отказаться.

Согласно неофициальной статистике, в Финляндии тогда было сорок богачей, которые получали больше, чем успевали тратить. Горный советник Карьюла относился к их числу. Я с ним никогда не встречалась, но одна наша знакомая, госпожа С., которую называли «маленьким великаном» сплетен хельсинкского высшего света, так описывала его:

— Это седеющий пожилой мужчина, с холеной козлиной бородкой, юркими глазами и хитрым сердцем. Он способен по волшебству превращать леса Финляндии в бумагу, а бумагу — в ассигнации. Перед едой он пьет коктейль, ибо не может есть на пустой желудок; ездит специальным поездом, ибо не любит, чтобы ему мешали; гоняется за женами ближних своих, ибо собственная жена его уже до того загнана, что вынуждена скрывать свой возраст, свой вес и свое горе.

Вооруженная такими сведениями, я в сопровождении супруга появилась на вечере у горного советника Карью-

юла, в его роскошном доме, где уже собралось много народу, но мало людей — говоря словами одного известного циника. Вечерние туалеты и высшие ордена составляли внушительный реквизит этого торжества; где принятие пищи превратили в ритуал, а поглощение напитков — в тошнотворное зрелище. Поскольку этот вечер произвел крутой поворот в моей жизни и решительно повлиял на мою дальнейшую деловую деятельность, я считаю необходимым рассказать о нем несколько подробнее и тем самым пресечь всякие толки и анонимные слухи, которым никогда нельзя вполне доверять.

Я была одета в темно-красное бархатное платье очень красивого и, пожалуй, даже несколько смелого покроя. Платье было мое собственное, но украшения мне пришлось взять напрокат в ювелирном магазине Виландера. Люди вообще, как правило, о себе хорошего мнения, а я была прямо-таки довольна собой. Но Армас, бедняга, в своем тесном фраке, приобретенном еще в добрые докризисные времена, имел довольно жалкий вид.

Мне впервые довелось присутствовать на семейном вечере, где большие деньги и высокие титулы обменивались комплиментами. Взглянув на список приглашенных, я заметила, что у моего мужа был среди прочих гостей самый дешевый титул: экономический советник. Кстати, он оплатил этот титул своими кровными деньгами в то время, когда типографская краска и клейстер имели хороший сбыт.

Зубную боль и зависть очень трудно скрывать. Зубной боли я не заметила, зато зависть явственно отразилась на лицах гостей, когда меня усадили за пиршественный стол рядом с хозяином. Насколько верно сказано в библии: «Много званых, но мало избранных»!

Весьма избранными были также и слова, с которыми хозяин, приветствуя собравшихся гостей, обращался преимущественно ко мне. Я была не просто госпожой Карлссон, муж которой варил клейстер и читал вместо поваренной книги драмы Шекспира, а светской женщиной, американкой и божественной красавицей, которую надо бы держать под стеклом.

Горные, коммерческие и индустриальные советники дарили мне милостивые взгляды, но взоры их жен становились все мрачнее и мрачнее. Я невольно попала под истребительный перекрестный огонь мужской глупости и женской

зависти. Армас сидел по другую сторону стола, напротив меня, и сиял от счастья. Я положительно влияла на его троюродного брата, влиятельного, как Цезарь, и богатого, как Крез, но неустойчивого в отношении вина и женского пола. Он привык покупать за деньги все: друзей, выборные должности, власть и, конечно, женщин, единственная привлекательность которых состояла в постельной готовности, а единственный признак ума — в быстроте реакции.

Начало вечера прошло под знаком некоторой скованности, торжественности, привычных фраз и констатаций, вроде: «Исключительно приятно познакомиться с вами» — и тому подобное. Было интересно узнать, что жена горного советника Т. каждую неделю ездила в Стокгольм причесываться, а каждый месяц — в Париж, где косметичка ухаживала за ее лицом. Она принимала деятельное участие в девяти благотворительных обществах и была членом кружка рукоделия домашних хозяек, которые вязали чулки для некрещенных детей страны Амбо. Супруга генерального директора Ф. сидела с такой злобной миной на лице, точно представляла новое литературное направление, ненавидящее шутки вообще и презирающее всякую развлекательность. Она с особым удовольствием произносила слова: «глупо», «дрянь» и «ерунда». Она понимала человеческие слабости, но не прощала их. Это было необычайно интересное знакомство!

У жены горного и коммерческого советника О. было, говорят, тоже очень много любимых занятий. Она была почетной председателем хельсинкского собаководческого «Боксер-клуба», членом правления союза «Цветы — в дома престарелых», вице-председателем союзов «Борьбы со скарлатиной» и «Помощи актерам», а также постоянным членом судейской комиссии конкурсов на «Мисс Финляндию». Она посещала все званые вечера и вернисажи, чтобы показывать свои новые шляпы, а также все премьеры в Национальном театре, чтобы слушать суфлера. Она когда-то читалась Фрейда и теперь во всем и везде видела проявления полового влечения. К сожалению, судить о ее привлекательности можно было только по ее собственным словам. Придумав какую-то давно до нее придуманную двусмысленность, она от души расхохоталась и спросила, подмигивая:

— Не так ли, госпожа Карлссон?

Я подтверждающе кивнула, хотя и не была того же мнения. Она завязала разговор со мной и как бы между прочим заметила, что ее муж дважды советник: и горный и коммерческий. И все же им приходилось несколько стеснять себя, потому что они с прошлого года жили только на проценты: «Вы ведь знаете, госпожа Карлссон, каким низким процентом прибыли принято довольствоваться у нас в стране. Мой Вальдемар говорит, что высокие проценты идут денежному человеку точно так же, как женщине с хошенькими ножками идут высокие каблуки».

Госпожа О. была необычайно хорошо осведомлена обо всех событиях дня. Она получала свежие новости от своей парикмахерши, а собственные мнения черпала из газет. От мужа она никогда не могла ничего добиться, не поплавав сначала.

Обстановка становилась постепенно все более неприужденной. Горный советник был известен как человек, который обычно угасает раньше, чем гости успеют воспламениться. Но на этот раз он упорно держался на своем председательском месте и старался разогреть меня. Он не верил, чтобы женщина вообще могла похитить сердце мужчины, поскольку его сердце ни одна женщина никогда не пыталась похищать. Рядом со мной он мог быть вполне спокоен за свой ожиревший насос жизни. Я испытала прямо-таки отвращение, когда его пальцы, унизанные драгоценными камнями, начали ощупывать мое платье. Армас, бедняга, усиленно делал мне знаки глазами, как бы говоря:

— Минночка, моя дорогая! Ради бога не огорчай горного советника Карьюла, впадающего в детство! Я хочу, чтобы он поручился за меня, а для этого необходимо оберегать его хорошее настроение.

Гости были уже настолько «непосредственными» и чувствовали себя настолько свободно, что перестали обращать внимание на хозяина, который слизывал с бороды мороженое и ликер и пытался словесным бальзамом напоить мою бедную, встревоженную душу.

— Госпожа Карлссон... Э, к черту!.. Лучше просто — Минна... Слушай, девочка моя... Ой, Иисусов брат, от твоего взгляда кровь бежит быстрее в жилах мужчины!.. Ну, не обращай внимания! Мою бабу это уже не волнует... Дай-ка я тебя слегка ущипну...

Армас старался подбодрить меня взглядом. Госпожа О,

начала что-то шептать на ухо сидевшему рядом с ней князю коммерции, показывая на меня пальцем, на котором был перстень, ценою равный автомобилю. Жена генерального директора Ф. имела все основания громко воскликнуть: «Как это глупо!»

Горный советник продолжал преследовать меня словом и действием. Я почти физически чувствовала его обжигающий взгляд. Старичок достиг уже той степени опьянения, когда человек теряет последние остатки джентльменства и опускается до уровня троглодитов. Он теребил свою козлиную бородку и облизывал языком липкие губы. Вдруг он воскликнул громким голосом:

— О Мария, что за грудь! Какая грудь!

Воцарилась обманчивая тишина. Все взоры обратились к хозяину дома, который уставился на меня, как глухонемой на проповедника. Две дамы встали из-за стола, внезапно почувствовав изжогу. Это было почти не скрываемое моральное возмущение, поводом для которого послужило мое слишком декольтированное платье. Коммерческий советник Херне, который когда-то женился на своей стенографистке и с тех пор перестал вообще что-либо диктовать, теперь громко заявил под диктовку жены:

— Ее платье — это просто скандал... Слишком по-американски, не годится для наших широт!

Можно ли осуждать женщин за их манеру одеваться, когда они почти раздеты? Я бросила умоляющий взгляд на мужа. Армас героически старался побороть в себе стыд. Но горный советник Карьюла свой стыд уже давно поборол. Он схватился за кромку моего декольте и бормотал:

— Какой прелестный вид! За эту грудь я отдал бы что угодно... хоть целое состояние.

— Ну-ну, Эмиль, — сказал генеральный директор Ф. — Не надо так преувеличивать. Это уж ты слишком...

Я оттолкнула руку горного советника и попыталась встать, но Армас остановил меня, призывая успокоиться:

— Минна, надо же понимать шутки!

Горный советник бросил на своего троюродного брата сердитый взгляд и рявкнул:

— Ты, клеевар, сиди да помалкивай! Я не собираюсь обольщать твою жену, но разве я не имею права восхищаться красотой? А эта грудь, я уже сказал, достойное зрелище...

— Эмиль! — воскликнула наконец госпожа Карьюла, хватаясь за виски.— Перестань, ты портишь весь вечер.

— Я порчу? Что за вздор? Мы тут не в церкви. Слушай, Минна, открой свою грудь — и я кладу миллион на стол!

Хозяйка дома была права: вечер пошел насмарку. Кое-кто из гостей встал из-за стола и начал пробираться к выходу. То здесь, то там раздавались игривые восклицания. Обстановка напоминала аукцион. Горный советник был, во всяком случае, из тех людей, которые не отступаются и, выкрикнув цену, непременно желают уплатить ее, даже вопреки здравому смыслу. Он достал из кармана чековую книжку, выписал на мое имя миллион марок и, протянув мне чек, вызывающе сказал:

— Откроешь?

— Эмиль! — снова закричала госпожа Карьюла.

— Молчать! Я спрашиваю, откроешь? Или прибавить еще столько же? У меня ресурсов хватит.

— Эмиль, Эмиль! Ты совсем пьян, — всполошилась хозяйка дома.

— Я пьян и потому желаю развлекаться. Ну как, госпожа Карлссон! Что ты думаешь?

Наступила такая тишина, от которой падают в обморок. В глазах у меня потемнело и опять посветлело. Я взглянула на мужа. Он пребывал в том же напряжении, что и остальные гости. Наконец он глазами и, кажется, даже рукой сделал мне знак, смысл которого не нужно было разгадывать. Я внезапно приняла смелое решение: обнажив грудь, схватила чек со стола и быстро спрятала его в сумочку. Быстро взглянув на мужа, который начал со страстью опустошать рюмку за рюмкой, я отошла от стола. Хозяин дома попытался было следовать за мной, но опрокинул стул и растянулся ничком. Наконец-то он остыл. Лежал на полу и больше ничего не требовал.

Когда хозяйина отнесли в спальню, многие гости раздумали уходить, как будто только теперь наконец почувствовали себя как дома. Я предложила мужу немедленно убраться восвояси, но вы же знаете, что такое дева во хмелю! Для подобного упрямства и по сей день еще не найдено подходящего определения. Армас желал непременно пировать до конца. Он был точно комар, кусающий корья-

щую его руку, словно герой, который, презрев смерть, празднует победу своего друга.

Я на минуту оставила его в обществе более высоких советников, а сама вышла из зала в прихожую, где столкнулась с живым воплощением зависти. Кипящие сливки высшего общества, все эти чопорные женщины, мгновенно показали мне свои спины. Жена генерального директора Ф. произнесла очень внятно:

— Дурной вкус и ничего более. Просто глупо, исключительно глупо! Она, по-моему, патологически извращенная эксгибиционистка!..

Я протиснулась сквозь толпу дам и сказала холодно:

— Простите, сударыня, вы ошибаетесь. Я не патологически извращенная эксгибиционистка, а практически мыслящая экономистка.

Они пришли в ужас, что было, впрочем, вполне естественно. Ведь они долгие годы показывали мужьям гораздо больше, чем я показала этому богатейшему горному советнику, и в довершение всего они делали это бесплатно! Вот откуда происходил их священный ужас. Их презрительные взгляды вызвали меня на дерзость. Я спросила с деланной вежливостью:

— Любезные дамы, вы когда-нибудь читали романтическую книгу Пьера Луиса «Песни Билитис»? Нет? Очень жаль, потому что чтение ее необходимо для общего образования. «Песнь песней» в сравнении с этой вещью — пустая бумажка. Что вы скажете о таких, например, восхитительных словах Билитис: «Цветы моего тела! О, мои груди!.. Раньше вы были бесчувственны, как у статуи, и холодны, точно мрамор. Ваша пышная округлость — мое лучшее украшение. Заклучу ли я вас в золотую сеть или выпущу нагими на свободу — ваше роскошное сияние всегда предшествует мне. Итак, я счастлива нынешней ночью!»

Толпа советников, собравшихся за моей спиной, громко заплодировала. Жена горного и коммерческого советника О., которая, по ее собственным словам, как раз достигла полного расцвета своей привлекательности, бросилась мне на шею и залепетала, едва не плача от растроганности:

— О, как прекрасно, как упоительно! Госпожа Карлсон, мы непременно должны ближе познакомиться. Меня зовут Карин Оливия, урожденная Тахванайнен.

Хозяйка дома уже давно удалилась в спальню мужа, чтобы проверить его пульс и бумажник, но ее отсутствие

никого не стесняло. Коммерческий советник Б., владелец большой фабрики готового платья и нескольких модных магазинов, обратился с речью к женщинам. Вероятно, он никогда не учился говорить по часам, а привык измерять время только по календарю, и вот он все продолжал свою речь, хотя большая часть слушателей уже разошлась по домам, а остальные уснули — кто на чем.

Какому жестокому испытанию подвергается терпение жены, когда ей приходится уговаривать мужа уйти домой с праздника, который давно кончился. За четыре месяца нашей супружеской жизни мой муж впервые захмелел. Он не был противен, но всему противился. Хотя он уже так устал, что не мог и рта раскрыть, он все-таки желал продолжать бессмысленный разгул. Когда же я наконец вытащила его на улицу, он вдруг расплакался и начал рассказывать прохожим, что он самый счастливый человек на свете, обладающий самой красивой в мире женой. Пока мы ждали такси, подвергаясь непрерывным атакам ледяного ноябрьского ветра, он ударился в лирику и громко декламировал, разумеется, из «Венецианского купца»:

Стенанья прочь, Антонио, смелее!
Пусть мясо, кровь мою и кости — все
Получит иудей, но не позволю
Тебе из-за меня пролить кровинку...

* *
*

Утром я быстро сбегала в банк, обменяла чек на кредитные билеты и после этого начала деловые переговоры с мужем. Я купила у него клееваренный завод со всем оборудованием и со всеми долгами за семьсот тысяч марок, расквиталась по всем особым счетам и произвела себя в чин директора, назначив Армаса Карлссона помощником директора. А чтобы муж мой никогда впоследствии не мог сказать, что с ним поступили жестоко, я подарила ему одну акцию. Таким образом, он превратился в безгласного компаньона, участвующего во всех делах фирмы «Карлссон. Производство красок и клея» лишь своим, вложенным в предприятие капиталом.

Финансовое положение нашей компании значительно улучшилось (слава моему бюсту!), и я смогла почти безболезненно высвободить необходимые средства для расширения

ния производства. Полгода спустя завод уже работал на полную мощность, порождая вокруг себя широкую молву. Теперь повсюду говорили, что горный советник Карьюла был моим любовником, а бедный Армас тянул лямку — достойный жалости муж-труженик, жизнь которого подобна шаткому мостику над бездной. Мы все ужасно любим строго судить других, дабы самим не быть судимыми. Злые слухи больно ранили чуткую, наивную душу моего мужа, и временами он впадал в глубокую меланхолию. Когда один фельетонист предложил мне почетное звание и титул «бюст-советницы», муж хотел возбудить против газеты дело об оскорблении чести. Ему и в голову не могло прийти, что через каких-нибудь двадцать лет женский бюст станет козырем, перед которым опустятся на колени даже кинорецензенты, не говоря уже о богатых бизнесменах, у которых интимные домашние торжества никогда не обходились без ночных туфель.

Первое время меня раздражало поднятое бюстителем нравственности облако нюхательнотабачной пыли, от которой муж чихал даже во сне, но потом я призвала на помощь свое хладнокровие. Меня перестали волновать и женская зависть, и мужская глупость. Я видела перед собой лишь одну, высшую цель: добывать столько денег, чтобы можно было заставить всех замолчать. Я невольно восхищалась бессердечными женщинами, которые умели выставить напоказ смехотворную дурость мужчин. По опыту я знала, что женская юбка — это знамя, за которым мужчины готовы маршировать куда угодно, как верные солдатики. И если я теперь решила поднять мое знамя как можно выше, то причина была отнюдь не в слабости характера, а в некотором моем ехидстве.

Армас становился все более безнадежным. Порой он даже сомневался в моей верности. Право же, совершенно безосновательно, ибо я только заставляла мужчин маршировать. И заключала хорошие сделки.

Мне живо вспоминается постельное совещание, состоявшееся у нас в сентябре 1935 года. Я рассказала мужу, что продала одному богатейшему строительному подрядчику огромное количество нашей доброкачественной продукции с отправкой в течение двух месяцев и оплатой через пятнадцать дней по получении. Армас обеспокоенно сказал:

— Минна... Ты все-таки берегись его...

— Отчего же? Он аккуратно платит по счетам.

— Да, но... Он известный охотник до женщин...

— Он известный делец и охотится только за деньгами. Я думаю, он больше ни на что и не способен.

Армас схватился за голову, потер виски и заговорил, с трудом подыскивая слова:

— Минна, не обижайся, если я тебе скажу кое-что. Люди завистливы и от зависти становятся отвратительными. О тебе в городе говорят очень много... очень много, дорогая Минна! Видишь ли, ты теперь на виду у публики, а таких людей каждый имеет право судить.

— Знаю, знаю. Но ведь это все чепуха. Слухи и сплетни начались с того самого вечера, когда я обнажила... Да, кстати, я сделала это по твоему настоянию...

— Конечно, конечно... Я тогда был немного пьян.

— А я нет.

— Ты не пила, это верно. Ты ведь терпеть не можешь спиртных напитков.

— Не спиртных напитков, а людей, которые пьют, не зная меры. Твой троюродный брат, будь он трезв, ни за что не сделал бы такого безумного предложения, в котором он теперь будет раскаиваться до самой смерти.

— Да, Эмиль больше и знать нас не желает.

— И не надо. Неужели ты очень стремишься бывать на его приемах, где скорее устают ноги, чем мозги?

Армас замолчал, я старалась узнать, что же его мучило, и мне пришлось чуть ли не выдаивать из него слово за словом. Наконец он решился и с тысячами извинений рассказал, что обо мне говорили. Я не могла удержаться от смеха. Именно этого я и ожидала! Меня прямо называли общественной Мессалиной! Это необычайно лестное для меня прозвище придумала жена генерального директора Ф., которая сама в первый год брачной жизни подвергла способности мужа испытанию огнем — после чего он уже совсем не годился для испытаний.

Я, словно мать, потрепала небритую щеку моего чувствительного Клавдия и сказала:

— И из-за этого ты впал в такую глубокую тоску? Ах вы, несчастные мужчины!

— Милая Минна, — пытался оправдаться мой муж. — Ведь я же не виню тебя. Я не верю сплетням. Я знаю, что твоя нравственность непоколебима. Но что делать, если нынче люди так подлы? Они стараются всячески очернить

тебя и говорят, что ты продаешь денежным тузам не только краски да клейстер...

— А почему бы и не продавать? — сказала я холодно. — Мужчины ведь способны купить все, что только ни предложит им красивая женщина.

— Минна, ты злишься.

— Нисколько. Я говорю только правду. Теперь, когда я пригляделась к мужчинам более критично, я могу сказать, что они порядочные свиньи. Они говорят о любви, точно о какой-то болезни. Но нынче каждому разумному человеку известно, что патология любви — это ад, ворота которого вообще не следовало бы открывать. Мужчин увлекает все новое и непривычное. Мужчина женится на Берте лишь потому, что думает о Герте и никак не может овладеть Мартой. Если ты с первого взгляда не проявишь пламенной любви к мужчине, он скажет, что ты не настоящая женщина, если же проявишь, он назовет тебя легкомысленной, слишком чувственной, продажной, распущенной, соблазнительницей, дешевой потаскушкой или еще что-нибудь в этом роде. Весь словарь человеческого языка словно нарочно создан для унижения женщины и превознесения мужчины. Минуточку терпения, я докажу это! Как часто про женщину говорят: она падшая, заблудшая, но зато мужчина в таких случаях — гордый разбиватель сердец; женщину называют девицей для развлечений, кокеткой и проституткой, а мужчину — донжуаном, героем-любовником. Супружеская неверность женщины — это всегда позорное преступление, а неверность мужчины — просто свободомыслие здорового человека, для которого естественны кое-какие шалости и веселые «заскоки», хотя на самом деле такой мужчина, несомненно, либо импотент, либо попросту — всеядное животное, как свинья. Я никогда не слыхала, чтобы говорили о «мужчинах для развлечений» или об «уличных мужчинах», хотя их существует значительно больше, чем женщин в подобном положении. Жаль, что финский язык мне не родной, а то я бы создала несколько новых слов для обогащения этого, впрочем, красивого и благозвучного языка. Но, как природная американка, я осмелюсь внести предложение, чтобы в издающийся ныне «Словарь современного финского языка» хотя бы параллельно с «проституткой» и «потаскушкой» включили соответствующие существительные мужского рода: «проститут» и «потаскун»...

Мне пришлось прервать мою страстную и несколько издевательскую речь. Мой дорогой, мой бесценный муж громко всхлипывал:

— Минна... Минночка, милая... Не бей больше...

Я дотронулась кончиками пальцев до его широкой волосатой груди и сказала примирительно:

— Ты у меня, конечно, исключение... Не могу же я ненавидеть человека, который к тому же совершенная дева...

Разумеется, ненависть — очень низкое чувство. Но я часто замечала, что биологически оно бывает даже полезно, ибо слепая ярость, повышая содержание адреналина в крови, способствует усилению деятельности организма. И не удивительно, что ненависть и любовь нередко так близко сопутствуют друг другу.

В один из ничем не примечательных декабрьских дней, когда Армае ушел посмотреть, как идут дела на заводе, ко мне в кабинет явился судейский помощник Энсио Хююпия — юрист Сеппо Свина и сказал, что хочет продать мне кое-какие идеи. Я знала его еще со времен работы в «ПОТС и К⁰» как приятного, но ненадежного джентльмена, он успел даже побывать в тюрьме, расплачиваясь за какие-то противозаконные поступки. Тюрьма оказала на него благотворное воспитательное действие, какое она оказывает на всех порядочных людей, когда им представляется случай оценить красоту и прочие достоинства жизни с точки зрения птички в клетке. Это был довольно молодой человек, его совесть еще не целиком состояла из боязни полиции, а патриотизм его не испарялся, даже когда речь заходила о налогообложении. Он очень откровенно рассказал мне о своих хозяевах — Сеппо Свине и Симо Сяхля, которые как раз в это время замыслили учинить мне разгром. «ПОТС и К⁰» уже договорились о ввозе большого количества иностранного клейстера, чтобы подорвать нас демпингом.

Я усилием воли удержала на своем лице спокойное и равнодушное выражение и ничем не мешала толкователю законов продолжать неторопливый рассказ. Время от времени он старался оживить повествование приправой занимательности: рассказывал об изменениях в семейном положении сотрудников «ПОТС и К⁰», о последних

похождениях генерального директора, о переходе вице-директора на новый сорт карандашей, а также о двух незаконных абортах, совершенных в последнее время. Энсио Хююпия был еще весьма далек от того возраста, когда все кажется дурным и заслуживающим осуждения. Напротив, его терпимо-снисходительное отношение к слабостям человеческим как будто только усиливалось и становилось глубже. Он готов был понять тех, кто нарушал шестую заповедь и кто подделывал векселя, готов был простить растратчиков и тех, кто совершил ограбление кассы, но ему были ненавистны черствые и бессердечные типы, поклонявшиеся не Аллаху и не Будде, а Мамоне; люди, которые не знают ни горя, ни чистой радости, ни беспокойства, ни грызущих мук совести. К этому сорту людей он относил своих начальников, Свинов, которые, видимо, обошлись с юристом несправедливо и унизили его человеческое достоинство.

— Если Свины начнут продавать клей по демпинговым ценам, тебе придется закрыть свой завод,— сказал он серьезно, вертя в руках шляпу, изношенную до дыр.

— Ты выдал мне очень важные сведения,— сказала я бесцветным голосом.— Но ты ведь обещал дать мне хороший совет.

— Да... Конечно, но...

— Сколько ты хочешь?

— Ну, не надо, милая Минна, понимать меня так...

— Говори прямо.

Энсио Хююпия стал беспокойно осматривать пол и ответил уклончиво:

— Право же, мне от тебя ничего не нужно. Ты была таким хорошим товарищем, приятным сослуживцем. И ты так умна. Собственно, ты единственный человек в «ПОТС и К⁰»...

— Я ведь больше там не служу. Так что можешь говорить вполне откровенно. Ну, выкладывай же! Судя по всему, ты ждешь от меня ответной услуги?

— Минна! — воскликнул молодой юрисконсульт.— Я не могу ничего скрыть от тебя. Действительно, я беден, как студент, а скоро рождество...

— И ты должен купить подарки, чтобы задобрить жену,— перебила я,— и детям игрушки, которыми ты сам потом сможешь играть.

— Верно, Минна! Я знал, что ты мне поможешь.

— Ошибаешься! Я не собираюсь ничего дарить тебе. Я лишь иду на сделку. Выставляй свои условия.

Энсио поглядел опасливо на дверь, сбавил голос наполовину и сказал:

— Достаточно я натерпелся от Свинов. Думаю бросить их, как только найду себе новую службу. Если бы ты мне оказала доверие, я смог бы добыть большие деньги и себе и тебе.

— Каким образом?

— Я сорвал бы планы Свинов. Если будем действовать быстро и сообща, мы перехватим у них иностранную клиентуру и сорвем коварный клеевой демпинг.

Он достал из портфеля пачку документов, разложил их передо мною на столе и продолжал с воодушевлением:

— Все проекты договоров находятся в моих руках. Если ты захочешь, их еще не поздно переписать на фирму «Карлссон».

— А риск?

— Ни малейшей опасности. Все произойдет юридически безупречно. Правда, мне после этого придется менять место службы, но, может быть, ты меня порекомендуешь...

Энсио Хююпия вовсе не был книжником и фарисеем, который дрожит, боясь хоть в чем-либо признаться. Напротив, он откровенно сознавался в своих человеческих слабостях и маленьких пороках, сам говорил о своем озлоблении и жажде мести. Я согласилась сотрудничать с ним скрепя сердце, но уже через три месяца поняла, что сделала действительно счастливый выбор. Представительство иностранного производства клея перешло ко мне, а Энсио Хююпия стал юристом моей фирмы. Я неоднократно подвергала испытанию его надежность и преданность, и результат всегда был положительным. Энсио был прирожденным чиновником и все-таки не брал взятки. У него была страсть к самоуничтожению, и поэтому он никогда не скрывал своей бедности и других несчастий. Его семейная жизнь трещала по всем швам. Жена была склонна к мотовству, дети распушенны, а сам он испытывал необычайное влечение к алкоголю и азартным играм. Я жалела его и старалась направить на путь истинный. Он бывал очень счастлив, когда его жалели, и потому ко всем тем, кто относился к нему с сочувствием, он проявлял огромную любовь. Но мой муж его терпеть не мог, несмотря даже на то, что Энсио завоевал для нас все клеевые рынки и

планировал новое наступление на Свинов. Армас постепенно сделался глубоко религиозным по причине своего слабого здоровья и теперь следил за нашими деловыми мероприятиями как посторонний наблюдатель и строгий моралист. Он искренне верил, что всех людей можно разделить только на две категории: нравственных и безнравственных, а те, кто производит это разделение, само собой разумеется, — люди нравственные.

Экономическое благосостояние повлекло за собой и неприятные обязанности: приемы-коктейли, которые были испытанием для моих мозолей, новые знакомства, приносящие с собой ветхие, пропыленные мнения, деловые связи, долговые обязательства, ничего не значащие слова, а также гостей и необходимость отдавать визиты. Невольно, почти даже не заметив, как это произошло, я попала в избранное общество, члены которого избирались на основании данных «Календаря крупнейших налогоплательщиков города Хельсинки». Я стала богатой женщиной, и мое имя упоминалось все чаще и чаще рядом с именами двух других деловых женщин: одна из них была фабриканткой постельного белья, а другая — крупнейшей поставщицей лифов для кормящих матерей. Обе были коммерции советницы, обе умели читать и писать, но обе не сумели выйти замуж, хотя их девство было потеряно давно, столь же непостижимым образом, как и молочные зубы. Они завидовали мне, поскольку я обеспечила себе мужское общество и все связанные с этим удобства до самой старости. Они не подозревали, что мой муж был подобен завещанию, сулившему наследникам неудовлетворенность: они не знали, что экономический советник Армас Карлссон живет на свете последнее лето.

Накануне первого мая мой муж попал в больницу. Запущенный рак желудка медленно и мучительно доконал его. С каким прекрасным мужеством и кротостью встречал Армас Карлссон приближающийся конец! Ничего нельзя было сделать. Деньги стыдливо признали свое полное бессилие.

Казалось глупым и бессмысленным заниматься в это время производством клейстера, канцелярского клея и чернил. Я передала управление заводом моему юристу и заведующему конторой, отказалась от всех приемов и визитов, проводила все дни, а часто и ночи у постели больного мужа. Он не стонал, не жаловался, не предавался мрачным мыс-

лям и не говорил о смерти. Я чувствовала, что только теперь начала по-настоящему понимать его. Это был великан с кроткой душой младенца, он ни разу не огорчил меня, безвестный поэт, по иронии судьбы ставший фабрикантом.

Я считала себя сильной, волевой женщиной, способной нести бремя жизни без колебаний. Но я ошибалась. Увидав совершенно бескровное лицо мужа и глаза его, точно провалившиеся в глубокий колодезь, я не могла сдержать душевного волнения. Я плакала навзрыд, отчаянно. Он пытался пожать мою руку и тихо проговорил:

— Мужайся, Минна! Мужество нам необходимо...

Я вспомнила изречение моей старой учительницы в американском колледже: «Мужское мужество — велосипед: если на нем не ехать, он падает».

Армас хотел, старался быть мужественным до последнего мгновения. Каждый раз, когда я уходила из больничной палаты, он ободрял меня:

— Завтра я уж наверняка буду чувствовать себя гораздо лучше...

* *

*

Хельсинки не знает милой, сладостной сестры южных стран. Хотя июльское солнце накалило улицы так, что невозможно было дышать и полуденный зной гнал с каждого прохожего ручьями пот, работа продолжалась повсюду: на заводах и в магазинах, в конторах и на улицах. И в больницах...

Небо было густо-синее, точно несколько раз покрашенное. Лишь редкие, распухшие от жары кучевые облака лениво плыли высоко в небе, куда-то в недостижимую даль. Маленькие скверики, разбросанные тут и там, ошеломляли пышной зеленью листвы, яркими цветами южных растений, высаженных из теплиц, и беспечным гомоном детских голосов. Автомобили и трамваи с грохотом и звоном вели свой бесконечный рассказ о непрерывной спешке, о гложущей серости будней, о сложности социальных отношений, о счастье и горе, о современной цивилизации. Да, о цивилизации, которая облегчала страдания ног человеческих, но увеличивала общий объем человеческого страдания и нищеты, создавала общественные удовольствия и окончательно ликвидировала спокойствие.

Мне уже некуда было спешить. Время остановилось. Жизнь заключила торговую сделку, а смерть подводила итоги... Смерть была неизбежной переменной...

Финляндия переживала жаркое лето, Хельсинки изнывал от зноя, духоты, запаха асфальта, автомобильного перегара, грохота, уличной сутолоки, давки, толкотни, беспокойства и необъяснимого желания убежать куда-нибудь, все равно куда, лишь бы бежать и бежать. И когда вдруг среди этого крошечного ада замечаешь общественный садик — этакое социальное благо длительного потребления, — жестокая действительность начинает казаться поистине прекрасной мечтой.

У меня не было больше никаких грез, никаких надежд, не было ни цели, ни вчерашнего, ни завтрашнего дня. Был только мертвый неподвижный настоящий момент.

Под липами стояла пустая скамья, я присела на нее и сделала математически холодный подсчет: от этой скамьи примерно такое же расстояние до ресторана «Элит», как и до больницы Мехиляйна. Ресторан в это время дня привлекал главным образом артистов, там можно было застать Хелину Свенссон-Тимари и, вероятно, также Лаури Хаарла. А в больнице люди умирали. Малодушные стонали, мудрые умирали спокойно.

Я смотрела на жизнь, точно со дна глубокой ямы, и все, кто был наверху, по краям этой ямы, казались мне такими низенькими... Я была одинока и жила лишь воспоминаниями, корни которых уходили глубоко в прошлое. Необходимость супруга замечаешь по-настоящему тогда, когда его потеряешь.

На противоположной стороне широкой аллеи находилась другая общественно полезная скамья, которая у меня на глазах сияла молодостью и радостью жизни: юная пара малопомалу, как бы нечаянно распускала узел созревающих желаний. У парнишки еще ломался голос, и он ржал, как десять необузданных жеребят. Девушка была в том возрасте, когда примитивные нервные центры порождают милое ощущение удовольствия во всем организме, когда все так раздражающе интересно, когда можно «умереть от смеха» или «лопнуть от счастья» и когда «ах» и «ой» составляют прелестный и несложный реквизит эмоциональности.

Я следила за веселым маленьким спектаклем, в котором здоровые желания искали себе удовлетворения. Я не видела в этом ничего предосудительного или неестествен-

ного. Немножко ласк и поцелуев, романтика лунного света в жаркий летний полдень, влюбленные взгляды, успешное притворство и кокетство, ничего не значащие слова и многозначительные вздохи — и только. Это было так красиво и мило, что хотелось даже записать на магнитофон, для памяти. Это было хорошо, потому что им самим нравилось. И мне это вернуло бодрость и мужество: я поверила, что закон непрерывности жизни по-прежнему остается в силе.

Я машинально взглянула на часы и встала. С минуту я смотрела в сторону зеленых стен Мехиляйна, а потом не спеша перешла улицу и побрела по тротуару. Я победила спешку, но не могла одолеть печали. Когда я села на пыльное сиденье такси и назвала водителю адрес, мне показалось, что кто-то шепнул на ухо:

— Нам необходимо мужество. Смелее, вдова Карлссон...

* *
*

Не прошло и недели со дня похорон, как родственники Армаса Карлссона начали осведомляться о содержании завещания. Я не могла даже представить себе, что у мужа было такое множество родственников и, что удивительнее всего, — столько бедных и болезненных страдальцев, которые внезапно впали в глубочайшую нищету! Я ничем не могла их утешить, ибо муж завещал все свое имущество мне.

Едва лишь избавилась я от родственников мужа, как меня стали осаждать другие соискатели. Многие именитые светские дамы справлялись о том, сколько мой муж завещал на благотворительные цели. Утратившая свою женскую привлекательность госпожа О. считала просто невероятным, чтобы Армас забыл в своем завещании о миллионах ребятишек острова Борнео, у которых «нет даже тряпки на теле». Супруга коммерции советника Б. определенно рассчитывала на солидное завещание в пользу общества «Владычицы очага», которое отстаивает права женщин. В свою очередь супруга генерального директора Ф. ожидала щедрой милостыни для только что организованного союза «Вспомним об индейцах», благородная цель которого состояла в спасении индейских племен Северной Америки от угрозы алкоголизма и туберкулеза. Представители церкви и различных сект, правления благотворительных денежных

фондов содействия культуре, приходские и миссионерские общества тоже, оказывается, терпеливо ждали смерти моего мужа, чтобы принять участие в дележе добычи. Мне, к сожалению, пришлось опрокинуть все их надежды собственными словами Армаса Карлссона:

«Я не даю денег на благотворительность, поскольку большая часть их расходуется на жалованье чиновникам или расхищается».

Естественно, у меня появилось множество врагов, которые приписывали мне порок жадности. Они заявляли, что я отнимаю хлеб у вдов и сирот. Хотя я говорила сущую правду, что муж оставил мне в наследство лишь несколько сомнительных дебиторских счетов, старую мебель и свою фамилию, все же люди называли меня циничной капиталисткой, у которой сердце твердо, как алмаз; если же я вообще молчала, они возмущались моей неслыханной дерзостью.

В ту пору мне было невыносимо тяжело сидеть в конторе и вежливо отвечать на соболезнования деловых знакомых. Многие люди еще с детства привыкают к тому, что притворство выгодно,— и как же встретила я притворного сочувствия! Симо Сяхля прислал мне черную орхидею и предлинное письмо, в котором хитро выспрашивал относительно моих планов на будущее. Приписанный в конце письма постскриптум содержал главное зерно всего многословного послания: «Поскольку все так хорошо сложилось, мы, очевидно, сможем снова наладить деловые отношения». Горный советник Карьюла выразил свое соболезнование по меньшей мере как теплокровное животное: «Я помог тебе встать на ноги при жизни мужа, а теперь готов утешить тебя в твоем маленьком горе. Назначь сама место и время». Мой бывший ученик Харрас К., который преподавал математику в одном государственном училище, успокоил меня сообщением статистических данных о том, что людей рождается больше, чем погибает при автомобильных катастрофах, а поскольку подавляющую часть новорожденных составляют младенцы мужского пола, то преждевременный уход моего мужа лишь уменьшает статистическую диспропорцию.

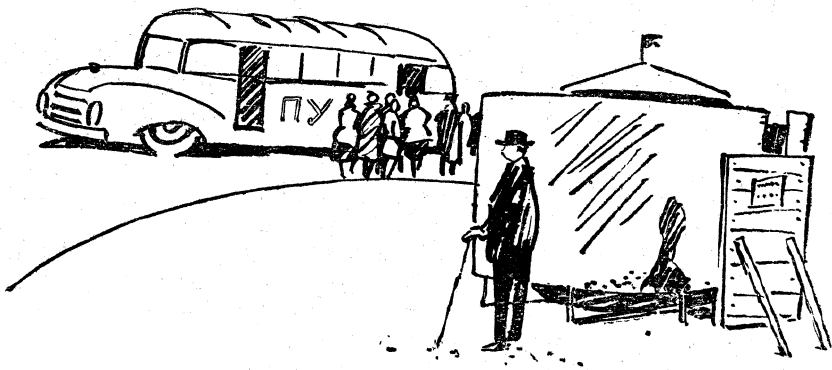
И для меня лишний раз открывался печальный факт: человек создан из праха, но его чувствам и желаниям не положено никаких пределов.

Единственный человек, с которым в эти грустные времена я могла обмениваться мыслями, был юрист моего

предприятия Энсио Хьююпия. Добродетель рисовалась ему лишь весьма отдаленно, в виде призрака, к которому не стоило слишком энергично стремиться, однако он не стремился и к пороку, ибо тот всегда находился под рукой. Я часто замечала, что страх перед сатаной побуждал его любить бога, а боязнь ада заставляла делать все, чтобы попасть в рай. Он свел употребление алкоголя до минимума (больше в рабочее время не пил), а от страсти к азартным играм совершенно избавился. В «ПОТС и К⁰» он был молчаливым мистером Хайдом, но теперь он превратился в милого доктора Джекилля, после чего я рискнула назначить его помощником директора.

ГЛАВА ШЕСТАЯ
ПЕРЕДВИЖНЫЕ УДОБСТВА

Сеппо Свин старался любыми способами тор-
мозить деятельность моего завода, но его по-
пытки терпели провал. Клейстер, канцелярский
клей и чернила находили хороший сбыт, при-
были росли, и я все больше средств вносила
в банк и помещала в промышленные акции.
В конце 1937 года я купила довольно крупное
лесное хозяйство и приобрела контрольный

пакет акций лесопильного комбината. В то же время я по-
лучила представительство одной известнейшей немецкой
фирмы типографских красок и стала конкурировать с Сеппо
Свином. Полгода спустя я стала уже самодержавно ца-
рить в области печатных красок. Мое богатство вызы-
вало необычайное почтение; десятки женских обществ из-
брали меня своим почетным членом, не меньшее число бла-
готворительных фондов проявило огромный интерес к моим
деньгам. Меня выбирали чуть ли не во все делегации, на-
правлявшиеся к супруге президента, чтобы просить ее ока-
зать свое покровительство той или иной компании. Круг
моих знакомств расширился, но друзей найти не уда-
лось. Я оставалась одинокой и порой начинала испыты-

вать что-то вроде отвращения к самой себе. Я не жила, а только существовала и накапливала богатство.

Гороскоп рекомендовал мне пока оставаться вдовой. Да и вряд ли нужна была рекомендация гороскопа, ибо, чем больше я думала о мужчинах, тем меньше мне хотелось думать о них. Старые холостяки были самовлюбленными эгоистами, занятыми созерцанием собственного пупа, вдовцы казались жалкими в своей покорности судьбе, а женатые — либо тиранами, либо просто ничтожествами. Но в одном они все были одинаковы: обладание женщиной мгновенно убивало в них и желание и верность. У меня вызывали сомнение все, кто приближался ко мне «с серьезными намерениями», — ведь серьезное намерение мужчин обычно имеет очень узкую направленность. Стоило дать им малейший аванс, малейшую зацепку, чтобы вызвать их на тетеревиное токование, и зачастую они называли свое имя лишь после того, как признавались в любви. Кружевной подол нижней юбки сильнее увлекал их фантазию, чем короткая женская сорочка, а ум в женщине внушал им большее отвращение, чем потливость под мышками. Трудно понять, как могла природа возложить венец первородства именно на голову мужчины, дав ему особое право на суетное тщеславие, хвастовство, геройство и скотство. Так же непостижимой казалась мне привлекательность мужчины для женщин — ведь те с такой тоской призывают своего обожаемого героя, чтобы затем утратить иллюзии и всякое уважение к нему.

От первого брака у меня осталось прекрасное и немного грустное воспоминание. Он, разумеется, не был совершенством, ибо в мире все несовершенно, но в одном отношении наш брак явился исключением из общего правила: мы никогда не ссорились с мужем. Армас был мечтателем и мне завещал свою мечту: стремление к экономической независимости. Мне не нужно было просить милостыни ни у кого, а уж тем более — у какого-нибудь мужа-коротышки, с которым пришлось бы потом обращаться, как с младенцем.

Одно американское руководство для супругов — я думаю, автору его вполне можно доверять, как специалисту, знающему свое дело, — следующим образом определяет идеальную жену: она не должна быть слишком красивой, поскольку иначе она слишком привлекала бы чужих мужчин, а ведь еще в священном писании сказано, что надо возлюбить ближнего своего, но не его жену; она не должна быть намного умнее мужа, ибо муж, страдающий чувством

неполноценности,— это чудовище; она также не должна быть слишком нравственной, чтобы не показаться мужу весьма однообразной.

Я знала, что не удовлетворяю требованиям идеальной жены, и потому решила оставаться на почтительном расстоянии от замужества, хотя мне и приходилось близко встречаться с мужчинами. Остаться незамужней было для меня нетрудно, поскольку я наблюдала смешное поведение мужчин, помещенных на женщинах. Они клянутся в вечной любви и требуют понимания и ласки. И их действительно очень нетрудно понять, но этого никогда не следует говорить им, так как они озлобляются. Я многократно приходила к выводу, что великая мать природа была просто аморальна, поскольку поощряла паразитов. Но стоит ли дольше говорить о мужчинах, которые сами о себе говорят более чем достаточно? Поскольку нам, женщинам, трудно обойтись без мужчин, их так или иначе приходится терпеть, а многое терпеть — это значит и многое прощать.

* *

*

Весной 1938 года я взялась за новое, исключительно широкое и многообещающее деловое предприятие, которое должно было ослабить конкурентную способность «ПОТС и К⁰». Хотя подобного рода предприятия и действовали периодически на прекрасной земле Франции, я не заимствовала примеров оттуда. Идею подарил мне Энсио Хююпия, обратившись как-то ко мне со следующими тщательно обдуманными словами:

— Слушай, Минна, я уже два месяца вынашиваю один оригинальный план, и теперь он требует своего осуществления. Ты знаешь, что мужчины пользуются некоторыми привилегиями и особыми правами, которые, как они полагают, пожалованы им самой природой.

— Ты, конечно, имеешь в виду должности священников и офицеров?

— Нет, нет! Я имею в виду писсуары, которые...

— Энсио! Ты пьян? — перебила я своего коллегу.

— Нет еще, но, если план мой осуществится, я готов пройти полный круг. Но послушай. В Хельсинки имеется две сотни мужских писсуаров, желоба, стоки и нижнюю часть железной стенки которых необходимо время от времени подмазывать асфальтом. У меня нет абсолютно точ-

ных расчетов относительно того, как много асфальта идет на покрытие и подмазку всех этих плоских и кривых поверхностей, но я знаю наверняка, что «ПОТС и К⁰», согласно договору, должна заботиться о поставках и...

— По мне, пускай заботятся.

— Дело не так просто. Согласно договору, «ПОТС и К⁰» производит и все асфальтные работы. Я знаком со сметой — они добились страшно высоких расценок! Просто удивительно, что за такую грязную работу им платят бешеные деньги. Мы должны начать конкурировать с ними.

— Никогда! — сказала я резко. — И не продолжай больше на эту тему, а то мне станет дурно.

Однако Энсио не покорился и, как я ни хмурилась, продолжал:

— Я не предлагаю, чтобы твоя уважаемая промышленная и торговая фирма взялась подмазывать асфальтом железные будочки города Хельсинки. Мои планы гораздо величественнее, но они не претворятся в жизнь, если ты не употребишь в дело свои связи. Я надеюсь, что ты, не раздумывая, бросишь на чашу весов авторитет, которым ты располагаешь, и глубоко убежден, что все женские общества окажут тебе поддержку, а этого вполне достаточно, ибо жены, конечно, переспорят мужей. Итак, надо исподволь начинать всенародное движение за ликвидацию мужских писсуаров в городском пейзаже Хельсинки. Я беседовал на эту тему с одним моим школьным товарищем, — он работает теперь в оперативном отделе армии, — и он дал следующие указания: а) со всей ясностью доказать отцам города, что железные будочки, выкрашенные зеленой краской, безобразят столицу Финляндии; б) мужские общественные писсуары оказывают развращающее влияние на моральные устои нашего народа; в) исходящий от писсуаров неприятный запах, особенно в жаркое время года, не только противен для обоняния, но и вреден для органов дыхания и г) длительное сохранение и поощрение мужских писсуаров является несправедливостью по отношению к противоположному полу. А посему немедленно должны быть приведены в действие следующие инстанции: а) комиссия внешней стороны — эстеты и общества городского благоустройства; б) церковь, приходские советы и все религиозные секты; в) управление здравоохранения, чиновники медицинских учреждений, а также все страдающие от дурного запаха министры и депутаты и, наконец, г) все женские об-

щества, в том числе женщины-юристы, союз служащих женщин, объединения смотрительниц городских скверов и кружки рукоделия домашних хозяек. Если все будет происходить согласно моим предварительным расчетам, то в Хельсинки к сентябрю не останется ни одного мужского писсуара. Но что же придет им на смену? У меня есть готовое предложение. Ты, дорогая Минна, должна склонить городскую управу — начать можешь с приемов-коктейлей — к тому, чтобы тебе выдали патент на занятие совершенно новым промыслом, который пока еще не упоминается ни в каких законах и уложениях. Тебе предстоит основать замаскированную фирму, для которой я уже придумал название: «Передвижные удобства»...

Энсио Хююпия глубоко оскорбился, когда я расхохоталась над его бреднями. Тогда я хохотала, но уже в конце июля, когда сильно пахнущие пункты срочного облегчения вдруг все до единого исчезли, я перестала смеяться. Лишь немногие знают, кто стоял за этим актом вандализма, который многим мужчинам расстроил нервы. Я восхищалась блестящим умом Энсио и его юридической сметкой. Он заставил муниципалитет поверить, что все крупнейшие города Соединенных Штатов Америки давным-давно перешли на передвижные удобства, а поскольку финны обладают особым пристрастием к любым иностранным образцам, они и на этот раз не захотели оказаться в хвосте победного шествия технического прогресса. Я ассигновала несколько миллионов марок на приобретение автомашин и прочего необходимого оборудования. Автофургоны «ПУ» (передвижные удобства), перестроенные из огромных грузовиков и напоминавшие городские автобусы, курсировали вдоль и поперек нашей любимой столицы. В радостные яркие тона — голубой, белый и красный — были окрашены бока и крыши этих нашумевших передвижных туалетов, на которые наш превосходный мастер рекламы, поэт Олави Хеймонен, излил едва ли не лучшую часть своей поэтической души:

«ПУ — последняя новинка Америки! Познакомьтесь сами — и вы насладитесь прекрасными удобствами! ПУ — оазис среди пустыни, здесь облегчается бремя жизни! ПУ — удовольствие и необходимость! ПУ спасает вас от неприятных неожиданностей. ПУ — это рука помощи страждущим и гонимым! Запомни буквы — ПУ! Запомни цвета Триколора! Не забудь, уходя из дома, запастись мелочью: ровно две марки!..»

В каждом фургоне ПУ было восемь отдельных кабинок, по четыре с каждой стороны коридора, а также киоск парфюмерии, отгороженный стеклянной стенкой,— там всегда можно было купить духи, кремы для рук и лица, губную помаду, пасту для бритья, мятные пастилки, зубной порошок, расчески, различную бумагу и некоторые особые изделия, которые надо было продавать, не привлекая внимания широкой публики.

В то время, когда кончалась эра железных будок и начиналась эра ПУ, газетные «страницы читательских писем» наполнились социальными и антисоциальными высказываниями. Миллиарды нервных клеток приняли участие в этой ужасной буре общественного мнения. Жители Хельсинки разделились на две группы: писсуаристов и приверженцев ПУ. И удивительное дело: все мужчины — не считая одного священника и двух светских проповедников — горячо выступали в защиту древнего обычая: «Верните нам добрые старые железные будочки!» Зато женщины были на стороне прогресса и отвергали предрассудки, так как сразу поняли, что только теперь наконец-то добились равноправия с мужчинами.

Необузданные и просто-напросто издевательские выступления писсуаристов показали яснее ясного, с какой легкостью мужчины восстают против общества, когда хоть немножко затронуты их феодальные права. Они ни на минуту не умолкали, точно были больны злокачественным зудом гортани. Порой казалось, что десяти мужчинам вполне хватило бы и одного рта. Однако их буйство не мешало фургонам ПУ совершать свой блистательный парад. Шестнадцать бело-красно-голубых вагончиков крейсировали по городу, делая десятиминутные остановки точно по расписанию в определенных пунктах. Если клиент не успевал выполнить свою задачу в отведенное время, он мог бесплатно проехать до следующей остановки. Некоторые практичные жители столицы путешествовали таким образом через весь город. Один учитель народной школы, страдавший хроническими запорами, совершенно забросил трамвай. Он прислал компании ПУ письмо в изящном стиле, где он сообщал, между прочим, нижеследующее: «С тех пор как я начал пользоваться необычайно удобными и комфортабельными средствами передвижения, предложенными вашей компанией, я получил возможность отказаться от употребления касторки и слабительной воды. Правда, теперь

я затрачиваю на дорогу в школу два часа вместо прежних десяти минут, но это время не пропадает даром. Я привык прочитывать в уютном кабинетике утренние газеты и проверять домашние задания учеников. Я от души поздравляю вашу компанию, которая смело следует по пути прогресса «большого мира», давая возможность и нам, низкооплачиваемым труженикам, наслаждаться современными удобствами. Ваш верный и горячо благодарный...»

Система ПУ была абсолютно беспартийной и демократичной. Все клиенты независимо от возраста, пола, религиозной принадлежности и расы были равноправны. И все же она постоянно вызывала нападки. Владельцы кафе и ресторанов избрали делегацию, которая нанесла визиты в министерства путей сообщения и общественных работ, осведомляясь о следующем:

а) известно ли соответствующему министру, что фургоны ПУ перехватили значительную часть торгового оборота кафе и ресторанов, чем нанесли серьезные убытки владельцам предприятий общественного питания?

б) если указанные факты соответствующему министру известны, то какие меры он собирается предпринять в защиту прав предприятий общественного питания в соответствии с законом о свободе ремесел и промыслов?

Я была очень удивлена, прочтя в газетах декларацию деятелей общественного питания, ибо не предполагала, что фургоны ПУ могут оказаться конкурентами кафе и ресторанов. Но мой юридически образованный помощник Энсио Хююпия (который вполне мог бы стать ученым светилом какого-нибудь маленького городка) охотно просветил меня:

— Пока в городе Хельсинки не была введена система ПУ, у собак были свои столбики, у маленьких детей — газоны, у мужчин — писсуары, и только у женщин не было своего пристанища, да, только им некуда было деться на улице. Отправляясь куда-либо по делам, они всегда были во власти некоторого тревожного чувства: успеют ли вовремя домой или нет? И, если не успевали, они заходили в ближайшее кафе или ресторан и заказывали чашку кофе либо бутылку освежающего напитка. Это была их плата за пользование туалетом. Цена колебалась (в зависимости от разряда кафе или ресторана) от трех до десяти марок,

не считая чаевых. Центральное статистическое управление, насколько мне известно, не подсчитывало, как часто женщины находят предлог забежать в кафе (в то время как некоторые джентльмены ищут предлог лишь затем, чтобы уединиться и выпить глоток из фляжки), но, по-видимому, речь должна идти о довольно больших числах, поскольку владельцы предприятий общественного питания заметили уменьшение своего торгового оборота. Беспокойство этих дельцов указывает на то, что матери семейств и одинокие женщины были вынуждены проматывать немалую часть своего скудного бюджета на кофе или освежающий напиток, не испытывая в них прямой нужды, тогда как мужчины почти совершенно избегали этих лишних затрат. Таким образом, система ПУ заметно улучшила общественное положение женщин. Теперь они могут пользоваться современными комфортабельными вагончиками ПУ, уплатив только две марки без принудительного кофе. В крайнем случае — худо-бедно — они экономят одну марку, в среднем же надо считать — две, а то и все пять! Мужчины, правда, стали облагаться новым налогом, но мы должны понять, что это своего рода перемещение налога с одного налогоплательщика на другого. И независимо от того, прямой ли это налог или косвенный, во всяком случае, это налог, который касается всех и на который совершенно бесполезно жаловаться...

Когда Энсио Хююпия воодушевлялся, его язык трудился без выходных дней. В последнее время мой помощник был в исключительно хорошем настроении, поскольку экономические трудности перестали для него существовать. Он работал теперь как директор-распорядитель системы ПУ и каждую неделю получал определенный процент от чистого дохода предприятия. У него постоянно возникали новые идеи, многие из которых действительно стоили денег.

Когда система ПУ просуществовала два месяца, от нее отпочковалась дочерняя компания — «Акц. об-во Садовые удобрения». Единый бог рекламы всех наших предприятий, поэт Хеймонен, в творческих муках создал вдохновенную рекламу новому отечественному продукту, удостоенному золотой медали на финской ярмарке. Надо сказать, «А/о Садовые удобрения» было одним из лучших моих предприятий. Оно дало финским химикам великолепное поле исследований, мне — сказочно огромные прибыли, и, что самое главное, его продукция была целиком отечественного

происхождения и добротной финской работы! Последнее обстоятельство сыграло необычайно положительную роль, когда Энсио Хююпия смекнул попросить у государства дотацию для поощрения деятельности нашего чисто финского акционерного общества...

Теперь это уже дело прошлое, и я могу чистосердечно признать, что система ПУ вовсе не нуждалась в поддержке со стороны общества, поскольку она и без этой помощи приносила исключительно солидные прибыли. Но в то время я была, возможно, по какой-то причине очень цинична; кроме того, я, разумеется, видела, что общественные средства тратились и на менее полезные дела, — несколько ниже я докажу это. Каждый человек, хоть сколько-нибудь любивший свою родину, старался урвать от нее все, что только мог. Поскольку стремление казаться оригинальной было мне чуждо, я действовала, естественно, так же как и другие почтенные граждане: я никогда не говорила деньгам «прощайте», а только «до свиданья». Как легко и просто можно добывать деньги, если воспользоваться трудным положением ближнего своего!

Ровно полгода фургоны ПУ спокойно предлагали свои услуги жителям города Хельсинки и туристам. Затем началась тяжба. Заклятые писсуаристы нашли наконец идею, которая сплотила их всех под одним знаменем. Они были поистине единодушны, решив ликвидировать завоеванную женщинами победу равноправия — систему ПУ. Директор-распорядитель Энсио Хююпия был вызван в городской суд по обвинению в незаконном промышленном лоточном торговле. Суд постановил: а) деятельность «Системы ПУ» прекратить и б) директора Энсио Хююпия подвергнуть штрафу. Решение суда основывалось на законе от 27 сентября 1919 года «О свободе промыслов». (См. «Свод законов и постановлений, Закон о промыслах и ремеслах», глава: Лоточная торговля.)

Было бесполезно обжаловать приговор в верховном суде, члены которого являлись самыми консервативными писсуаристами. Поэтому я добровольно, не пролив ни слезинки, отказалась от предприятия, в которое вложила часть своего сердца и которое принесло мне целое состояние. Зато Энсио Хююпия казался морально подорванным. Но в конце концов и он сумел отнестись ко всему легко и тяжело записал. Он всегда спасался от трудных переживаний, хватаясь за штопор. Пройдя цикл запоя, он снова принялся за дело; а что-

бы деятельность его имела практическую силу, он требовал дополнительных, чрезвычайных средств на представительство. Деньги эти не пропадали зря, ибо когда говорили деньги, на правильность произношения и чистоту речи обычно никто внимания не обращал. Мне до сих пор не вполне ясно, каким образом Энсио умудрился продать городу все шестнадцать автофургонов ПУ, «А/о Садовые удобрения» и огромное количество всевозможных запасных частей и разного инвентаря. Так же не понятно было и то, что город возобновил деятельность системы ПУ. Правда, с некоторыми изменениями. Вагончики были перекрашены в унылый серо-зеленый цвет, принятый для всех машин и транспортных средств городского треста ассенизации, и вместо инициалов ПУ на бортах появились буквы: ПУГХ, что означало «Передвижные удобства города Хельсинки». Значительной переменной явилось прекращение продажи аптечно-парфюмерных товаров, а также учреждение новых штатных должностей — так называемых «туалетных контролеров». (См. *Оплата должностных лиц и штатных работников.*)

«Куда девались бы все провалившиеся коммерческие предприятия, если бы ада не существовало?» — говорят американские бизнесмены. И я невольно задавала себе этот вопрос, наблюдая в течение некоторого времени за работой автобусов ПУГХ. Городские власти снова вызвали бурю общественного мнения (судя по обилию читательских писем в газетах), повысив таксу до трех марок и ограничив время обслуживания каждого клиента десятью минутами. Но, после того как получили широкую огласку подтвердившиеся данные об огромных убытках, регулярно приносимых автобусами ПУГХ, терпению налогоплательщиков пришел конец. В июле, в самую жаркую пору лета, хельсинкские писсуаристы праздновали свою победу. Работа автобусов ПУГХ была прекращена, и городской пейзаж столицы вновь украсился пресловутыми железными будками, окрашенными в серо-зеленый цвет. Но, правда, теперь отцы города распорядились оборудовать там и сям соответственные стационары для женщин, дабы иметь возможность громче прежнего кричать о равноправии полов. Меня чрезвычайно удивил тот факт, что городские власти ликвидировали систему ПУГХ, хотя у них десятилетиями существовало много других нерентабельных предприятий. Мой мудрый советник Энсио Хююпия разъяснил мне все:

— Видишь ли, дело в следующем. Когда мы убеждали отцов города разрешить систему ПУ, я сказал им как бы между прочим, что в Соединенных Штатах Америки даже в сельских местностях уже начинают вводить «передвижные удобства» и нам просто не к лицу отставать от времени. Когда же впоследствии вся наша гениальная система перешла в собственность города и в ведение муниципалитета — по этому поводу ведь было даже в экстренном порядке принято и опубликовано новое «Положение», — город направил в Америку специальную делегацию в составе четырех инженеров для изучения «передвижных удобств» Нью-Йорка и ознакомления с опытом их эксплуатации. Господа инженеры вернулись домой с кислой миной, ибо их командировка вылилась в обычную научную поездку: они по-прежнему умели плавать и насвистывать. И вот, когда отцам города было торжественно доложено, что янки не имеют «передвижных удобств» и не только не собираются отказываться от старых писсуаров, но даже увеличивают число последних после каждой переписи населения, тогда-то руководство ПУГХ решило ликвидировать систему — и немедленно. Им, видишь ли, казалось просто верхом неприличия отступать от иностранных образцов. Что же касается удовлетворения человеческих потребностей, то это они считали делом вкуса: кто идет в церковь, а кто — покупает ливерную колбасу!

Я не имела времени горевать о системе ПУ, так как у меня была уйма новых коммерческих дел и горячее желание как можно скорее поместить капиталы за границей, ибо положение в мире не предвещало ничего хорошего. Я совершила одну за другой срочные поездки в Швейцарию и Швецию, временно возложив обязанности директора на Энсио Хююпия. Я доверяла ему почти абсолютно, уже по одной той причине, что он никогда не признавался мне в любви. Хотя я порой и уставала от его разговорчивости (он мог говорить без перерыва целый час, а слушать — не более минуты) или возмущалась его пьянством, я очень скоро побеждала свое неудовольствие, вспоминая слова одного древнего мудреца: «Не осуждай нудиста, ибо таким он родился на свет!»

Однажды августовским вечером Энсио Хююпия зашел ко мне в кабинет и рассказал, что купил себе сто гектаров леса в рассрочку. Он все покупал в рассрочку, потому-то его жена всегда так модно одевалась; и теперь наконец

его совершенно засыпали счета. Попав в рай, он даже арфу праведника купил бы себе в рассрочку.

— Этак ты скоро совсем запутаешься,— сказала я ему.

— Я сумею расквитаться со всеми долгами, если ты согласишься на одно маленькое дельце, которое я хочу тебе предложить,— ответил он с лучезарной улыбкой, точно владелец ломбарда, дающий займы под заклад и уверенный, что всегда вернет свое.— Разделаюсь одним махом! И еще тебе отдам часть прибыли. Остановка только за деньгами, за свободными деньгами, которые бывают у меня так редко и задерживаются так недолго.

Он посмотрел на меня вопрошающе и, схватив себя двумя пальцами за нижнюю губу, оттянул ее, словно она была резиновая. Затем он принялся гримасничать и жевать собственные губы, как бы подражая одному из наших известных актеров, увидев которого я перестала удивляться тому, что Дарвин превратил Адама в обезьяну.

— В данный момент у меня нет охоты браться за новые дела,— ответила я устало.— Со дня на день может разразиться вторая мировая война...

— Вот именно, именно поэтому! — перебил он меня возбужденно.— Все надо уладить как можно скорее. Прости, не перебивай, хоть я и перебил тебя, но дело это действительно очень спешное. Я узнал, что городские власти решили продать все шестнадцать автобусов ПУГХ тому, кто предложит наибольшую цену.

— Что же мы будем с ними делать?

— Купим их!

— Я не вложу в это предприятие ни одного пенни.

Энсио глубоко вздохнул, запасаясь терпением.

— Дорогая Минна, послушай хотя бы! Автобусы совсем новенькие, а я мог бы купить их по цене металлолома.

— А дальше?

— Мы их демонтируем, снимаем то самое, известное тебе оборудование, и сразу же продадим его индивидуальным застройщикам, самостоятельно возводящим домики в пригородах. Продадим с аукциона. Затем мы живо обратим автобусы в новую веру и снова продадим их. Я подсчитал, что вся эта процедура займет три недели. Ну как, согласна?

Он почти умолял — и я согласилась. Мне казались весьма сомнительными хлопоты моего сподвижника, хотя я знала, что у него в отношении денег прирожденный нюх и к тому же имеются отлично развитые хватательные спо-

способности. Я финансировала его предприятие, чувствуя себя жертвовательницей. Каково же было мое смущение, когда он через две недели явился в контору, весело напевая (вино ведь молчит, только пока закупорено в бутылке), и прямо ворвался в мой кабинет. Я не могла выговорить ничего, кроме односложного вопроса:

— Ну?

Продолжая напевать, он открыл портфель, выложил передо мною на стол пачку денег — сумму, которую брал у меня взаймы, — и спросил:

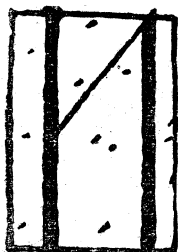
— Как насчет процентов?

— Можешь оставить их себе!

— Отлично. А вот твоя доля прибыли.

Он передал мне сто тысяч марок и как бы между прочим сообщил, что расплатился со всеми долгами. Я вновь начала сомневаться в его честности и потребовала объяснений. Поскольку голая правда всегда чувствует себя как-то неловко и потому старается немножко принарядиться и подгримироваться, он тоже слегка приукрасил рассказ о своей отнюдь не поэтической деятельности, хотя мог бы все изложить гораздо короче и проще. Он купил у города шестнадцать автобусов ПУ оптом, по баснословно низкой цене. Распродав индивидуальным застройщикам снятые с автобусов раковины и унитазы, он вернул свои затраты. Потом он сбыв в разные мастерские и учреждения все оборудование, запасные части, инвентарь и на вырученные деньги снова оснастил машины, но теперь уже совершенно для других надобностей. А именно: он продал их армии как походные лазареты и машины для перевозки раненых. Продав всем на удивление по очень приличной цене. Такова была окончательная судьба знаменитых автофургонов ПУ. Очень жаль, что Энсио Хююпия был лишен политического честолюбия. Если бы ему достался пост министра финансов или министра торговли и промышленности, он мог бы оказать своему отечеству вовеки незабываемые услуги. Но он был, к сожалению, одной из тех скромных натур, которые застенчиво собирают добро в свой собственный амбар и нисколько не заботятся об известности.

На свете есть много людей, о жизни и деятельности которых ничего не известно, однако в этом виновата не только пассивность сплетников.

вот наконец наступил день, когда я смогла удовлетворить годами мучившую меня жажду мести. Уверенная в победе, я вошла в контору «ПОТС и К⁰». Меня сопровождал юрист моей фирмы Энсио Хююпия, он нес тяжелый чемодан и портфель. Старший вахтер сильно постарел: от его седых волос остался лишь реденький пух, сквозь который просвечивала крышка черепа. Хотя

альманах его жизни был уже украшен листьями поздней осени и хотя он переступил порог пенсионного возраста целых шесть лет назад, он все еще был в состоянии кланяться посетителям и поклоняться своим директорам. Наше появление в прихожей «ПОТС и К⁰» привело старика в сильнейшее замешательство.

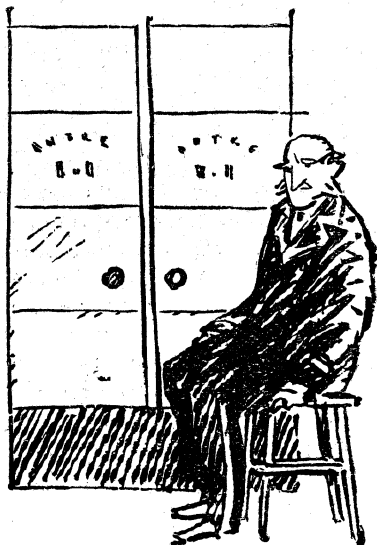
— Пожалуйста, доложите о нас директору Свину, — сказал мой юрист деревянным голосом.

Воображение старика забило барабанную дробь, и он попытался увернуться от опасности.

— Совершенно невозможно... То есть, простите, не можете ли вы прийти немного позже?

— Нет, не можем, — сухо прозвучал ответ Энсио Хююпия. — Мы уже пришли.

Верный слуга Сеппо Свина обладал тонким чутьем и был хитрым следопытом душ человеческих. Он теперь выискивал любые отговорки, стараясь повернуть нас обратно к выходу. Энсио взглянул на меня, ожидая быстрого ответа. Я не могла отступить. Мне нужно было нако-

нец поставить точки над «и». Совесть моя больше не жала одобрять жестких, закоснелых принципов, согласно которым лишь добродетель, жалость и незапятнанная честь — вот все, что может быть хорошего в жизни. Я сделала решительный жест.

— Оттягивать развязку больше нельзя.

Плечо к плечу двинулись мы к двери генерального директора.

— Я не смею впустить вас без доклада, — испугался старший вахтер. — Не могу, это запрещено. Меня могут уволить...

— Ничего, теперь вас за это не уволят! — сказала я и, смело постучав, открыла дверь.

Мы твердым шагом вошли в кабинет и немедленно разбудили генерального директора, который только что уснул после завтрака. Сеппо Свин твердо верил, что праздность — мать всех изобретений. Он ужасно разозлился, когда его оторвали от любимого творческого занятия. Как сказал мудрый Хэмфрис, видение снов мешает нам просыпаться. Но поскольку сновидение лишено способности суждения, то, естественно, нельзя было ждать рассудительности от человека, созерцающего сны; Сеппо Свин приветствовал нас так, как мы, собственно, и предполагали:

— Вы являетесь, точно воры, даже не доложив о своем приходе! Ну, на этот раз налиму-привратнику уже не спасти своей шкуры! Уволю сегодня же.

— Простите, господин генеральный директор, — сказала я примирительно. — Старый вахмистр всеми силами старался помешать нам войти сюда. Но сейчас, когда мое время тоже превратилось в деньги, я не могу часами ждать в передней, как некогда поступал мой слишком деликатный и добросердечный муж Армас Карлссон.

Сеппо Свин поправил галстук и сел за письменный стол, теребя усы.

— Покойник за это не взыщет... — проворчал он негромко.

— Разумеется, но его жена взыщет, — ответил за меня Энсио Хююпия очень зло и тут же, открыв чемодан, достал оттуда магнитофон и поставил его на маленький столик у стены.

Мой опытный юрист нашел штепсель, проверил включение аппарата, поглядывая при этом на нашего гостепри-

имного хозяина с таким заботливым вниманием, словно поджаривал душу его на медленном огне.

— Тебя, кажется, удивляет наша аппаратура, братец? Мы хотим только взять у тебя маленькое интервью.

Сеппо Свин так и подскочил. Живот его выпятился, далеко опередив грудь; за эти годы он совершенно заплыл жиром.

— Что означает весь этот спектакль? — воскликнул он, горячась. — Я вам ничего не должен, и говорить мне с вами не о чем. Если вы сейчас же не уберете свою аппаратуру, я вышвырну вас обоих вон! Ко всем чертям!

— Выбирай хорошенько слова, — сказал мой юрист очень спокойно, — помни, что все они останутся на пленке. Лучше успокойся.

Энсио принялся доставать из портфеля деловые бумаги и документы, действуя с убийственным хладнокровием. Мы заранее условились, что говорить будет он, а я должна только слушать и наслаждаться. Я обещала ему обед «за черную работу», и он честно выполнял свою ответственную задачу, не забывая ни на минуту, что брильянт на мизинце всегда ценнее, чем заступ в руках.

После короткой, но мучительной паузы мы наконец приступили к совещанию. Я по-прежнему оставалась молчаливой участницей разговора. Энсио придвинул стул поближе к столу своего бывшего начальника и начал:

— Говорят, ты продал все свои акции правлению «ПОТС и К⁰»?

Сеппо Свин вздрогнул.

— Каждый свободен вести свои дела так, как хочет, — ответил он резко.

— Спору нет. Итак, ты теперь служишь в качестве выборного и платного генерального директора, получающего жалованье, но никакой доли собственности в предприятиях «Поставщики отличного топлива. Свин и Компания» ты не имеешь, не так ли?

Сеппо Свин ничего не ответил. Энсио продолжал:

— Значит, я прав. Хорошо. Не можешь ли ты позвать сюда своего двоюродного брата Симо Сякля?

Поскольку Сеппо Свин не шевельнул даже пальцем, Энсио снял трубку телефона и сам все устроил. Ловкий эквилибрист от бюрократии явился с дюжиной очиненных карандашей в кармане пиджака. Он весело поздоровался

с юристом, а затем, обратясь ко мне, принялся расточать любезности:

— Какое счастье встретить вас, госпожа Карлссон! Вы, наверно, помните, как я сказал вам однажды: человек с такими способностями покорит весь мир. У вас к тому же было редкое качество...

— К делу! — перебил его Энсио Хююпия довольно резко.

— Но у меня ведь именно дело.

— Болтовня! Всем известно, что дорожная пыль — это грязь, лишенная воды. Госпоже Карлссон угодно, чтобы беседа наша была короткой и деловой.

— Твоя наглость обойдется тебе дорого, Энсио Хююпия! — воскликнул Сеппо Свин. — Ты уже однажды сидел за решеткой.

— Да, мне это достоверно известно, — поспешил вернуть слово Симо Сяхля, который решил во всем неуклонно поддерживать своего двоюродного брата, а потому наверняка исстрадался бы животом, если бы проглотил хоть слово.

Весь этот маленький спектакль забавлял меня. Я знала, что именно так мужчины проводят свои совещания. Это было трио, в котором из трех голосов два всегда звучали в диссонанс. А магнитофонная лента терпеливо запечатлевала все диссонансы. Сеппо Свин, нервно почесав свой багровый нос — передовицу алкоголика, — устремил на меня очень убедительный взгляд и спросил:

— Минна, как ты позволяешь этому негодному шалопаю, нарушителю законов, поносить таким образом меня и директора Сяхля?

— Это как раз то, что и я желал бы услышать от вас! — успел воскликнуть вице-директор и тут же принялся грызть новый карандаш.

— Судейский помощник Хююпия — мой поверенный и является заместителем директора многих моих предприятий, — ответила я ледяным тоном. — Как юрист, он, наверно, сам понимает, когда надо оскорблять и когда говорить правду.

— Но, черт возьми, о чем же все-таки речь? — воскликнул Сеппо Свин, приходя в ярость.

— О твоей должности, — ответил Энсио Хююпия, как циник, предлагающий лысому расческу.

— Это не входит в твою компетенцию!

— Безусловно. Но это — компетенция моего шефа — госпожи Карлссон. Дело, видите ли, в том, господа, что «ПОТС и К⁰» с некоторых пор оказалась во власти банка. Объединение «Карлссон» заинтересовалось вашей импортной торговлей, и мой шеф поручил мне получше ознакомиться с деловыми возможностями вашей прекрасной фирмы. В настоящее время обстоятельства приняли такой оборот, что фирма «Поставщики отличного топлива. Свин и Компания» на будущей неделе попросту волеется в объединение «Карлссон».

Сеппо Свин даже не пытался скрыть своего потрясения, однако его двоюродный брат, этот блестящий шут делового мира, сумел и на сей раз вывернуться. Он подошел ко мне со светлой улыбкой и умильно сказал:

— Слияние фирм, разумеется, никак не повлияет на наши деловые отношения? Теперь мы сможем продолжать нашу альтруистическую деятельность даже с большим рвением, нежели прежде. Мы знаем вас, госпожа Карлссон, а вы со своей стороны знаете генерального директора Свина и мою скромную персону.

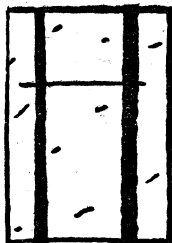
Именно такой реплики я и ждала, чтобы получить хоть маленькое, хоть запоздалое удовлетворение за те душевные муки и притеснения, которые некогда вытерпел Армас. Энсио Хююпия набросал для меня финальную речь, которую я заблаговременно подрепетировала и выучила наизусть. Я была жестокой и садистичной — признаю это, — и, может быть, теперь, когда прошло много лет с тех пор, мне даже чуточку стыдно, ибо в тот раз милосердие не предшествовало суду и не следовало за ним. Я выдвинула требования, не подлежащие обсуждению. Безоговорочная капитуляция! Директорство Сеппо Свина кончилось немедленно. Когда я потом предложила ему место торгового агента в разъезд, то сделала это отнюдь не из человеколюбивых соображений. Симо Сяхля получил отсрочку на две недели для того, чтобы он успел вывезти хлам из своего кабинета. Ему я, к сожалению, не могла указать нового места работы. Ведь он был в своем роде законченным и совершенным созданием природы, подобно какой-нибудь бактерии, которая мгновенно приспосабливается к любым условиям безделья. Ради сохранения столь чистой бактериальной породы его, конечно, можно было бы поместить в какую-нибудь идейную организацию, ну хотя бы устроить консультантом в одну из гражданских организаций Союза альбиносов. Но

в тот момент он казался мне совершенно негодным к употреблению. Честь и хвала его седым волосам, которые наконец-то стали покидать бесплодное место, где они каким-то чудом так долго росли!

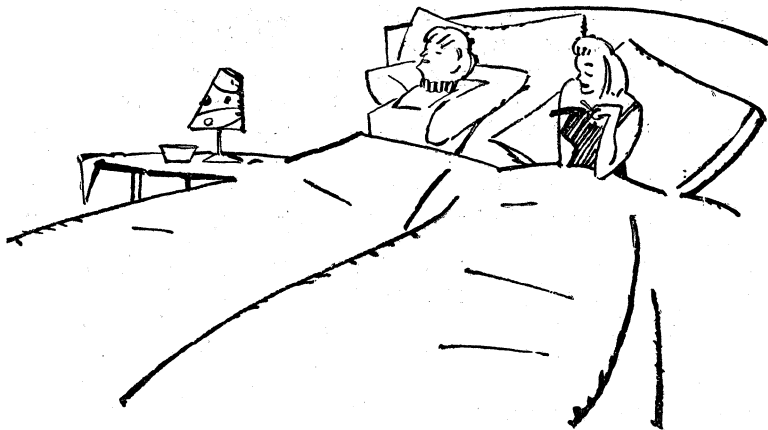
Фирма «Поставщики отличного топлива. Свин и К^о» перешла в мою собственность, и директором ее я назначила Энсио Хююпия. Потом мы изменили название фирмы, что было необходимо прежде всего из эстетических соображений. Общее число служащих объединения «Карлссон» приближалось уже к четырремстам, и порой меня одолевали сомнения, в состоянии ли я удерживать в руках все вожжи. Я начала страдать бессонницей. Рассудок и чувства вели между собой непрестанную, незатихающую холодную войну. Этой двойственности, казалось, не будет конца. Житейская драма продолжалась, и каждый участник ставил себе целью как можно лучше сыграть свою роль. Посредственные удовлетворялись лишь одной, привычно серьезной второстепенной ролью, а личностям выдающимся приходилось играть утомительную, двойную роль близнецов. Да, жизнь была действительно похожа на фильм, который только раз прокручивали до конца, а потом укладывали в ящик и относили в сопровождении печального шествия в вечный архив.

О Симо Сяхля я долгое время ничего не слышала, но зато имя Сеппо Свина то и дело доносилось до моих ушей. По словам Энсио Хююпия, Сеппо Свин около полудня съедал дешевый обед в народной столовой «Эланто», а затем отправлялся к фешенебельному отелю «Кэмп» ковырять в зубах у входа в ресторан.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ
ВТОРОЕ ЗАМУЖЕСТВО

аступил сентябрь 1939 года. Мальтузианцы, которые с таким жаром доказывали, что население возрастает в геометрической прогрессии, тогда как продукты питания и средства к существованию умножаются лишь в прогрессии арифметической, теперь испытывали, разумеется, счастье церковного казначея, наблюдая столь успешное вспомогательное пропре-

живание, производимое войной, эпидемиями и нищетой. Меня не интересовала политика, ибо те, кто занимался ею, всегда оставляли после себя неоплаченные счета. Я ненавидела войну, в которой никто никогда не побеждает. Мне не нравились все эти мундиры, натянутые на живые колодки, а также танки, непригодные для перевозки типографских красок, клейстера и каменного угля.

Сложное международное положение смешало все мои планы. Вместо каменного угля и кокса пришлось торговать дровами, а вместо добротного клейстера и типографских красок — ужасными эрзацами. Я непрерывно переводила

свои средства в иностранные банки, покупала золото, драгоценные украшения, ковры, леса и новые связи. Однажды я вложила все мои свободные деньги — около двух миллионов марок — в восточные ковры. Через пять лет я продала их за восемь миллионов. Я слепо следовала правилу Энсио Хьююпия: ешь, пей и веселись, ибо завтра начнется пост! Столь же слепо я подчинялась указаниям гороскопа, который служил для меня вторым советником. Моя судьба была начертана в книге звезд, но ложное толкование писем этой книги ввело меня в заблуждение. Всему виной оказались, вероятно, постоянная неуверенность, страх и нервное переутомление, вызванное бессонницей. Ибо иначе я вряд ли согласилась бы добровольно увеличить свою ответственность и уменьшить свои права. Однако именно это я и сделала, выйдя в середине сентября замуж, причем любовь играла в нашей маленькой комедии лишь весьма второстепенную роль: не более двух-трех реплик.

Горный советник Калле Кананен был дважды разведен и намерен был предпринять третью попытку. Мы были в течение года очень близкими деловыми партнерами, впервые познакомившись на званом вечере у горного советника Карьюла, где я сделала свое миллионное разоблачение. И ни разу мы не пытались обжулить друг друга. Взаимное недопонимание, как это обычно бывает, привело нас к решению вступить в брак. Но, кроме того, я еще по-прежнему верила в гороскоп. Загвоздка, видите ли, в том, что Калле Кананен был *Дева*, ходил носками внутрь, уверял, а порой доказывал на деле, что является чуткой натурой, и с девственной непосредственностью изумлялся похождениям Одиссея (но не своим собственным). Он был с виду очень веселый человек, седеющий блондин, одевался всегда с иголки и счастливо утаивал некоторые слабости своей натуры. Мы были уже две недели женаты, когда я впервые узнала (и то лишь случайно) его давнишний порок: он ежедневно заходил в кабак для испытания выносливости: пил стоя и контролировал при этом свое равновесие. Если женщина обычно рассказывает о своем прошлом, как бы признаваясь, то муж мой говорил о нем не иначе, как хвастаясь. Когда хвастовство достигало невероятной степени, я могла без ошибки сказать, что в платяном шкафу спальни найдутся откупоренные коньячные бутылки.

Мы забыли совершить свадебное путешествие, но не забыли оформить брачный контракт. И, в самом деле,

последнее было гораздо важнее, ибо любовь может быть общей, имущество же всегда разумнее держать отдельно. В силу этого мы завели у себя две бухгалтерские книги, где каждый из нас вел учет своих расходов.

Калле Кананен был богат, примерно в шесть раз богаче меня. Мы обзавелись общим домом на Кулосаари, но правление и конторы наших предприятий оставались по-прежнему в центре города. Мой муж пользовался влиянием, имел массу друзей, хорошие связи в правительстве и целую кучу ловких советников. Но его политические убеждения напоминали чулки: он не отличал левого от правого. Наш дом не был мирным, уютным уголком, куда удаляются, чтобы вкушать милое семейное счастье, а напоминал скорее неугомонный отель-ресторан, куда непрестанно стекались гости, принося с собой цветы, любезности, беспокойство и пустые головы. Тут я по-настоящему узнала многих общественных деятелей, которые никогда не избегали публичности. Впрочем, от некоторых из них раньше и была какая-то польза. Все светские люди восхищались нашим домом, богато издаваемые женские журналы печатали отчеты и репортажи о наших приемах, а известные бульварные газетки сообщали о них скандальные новости.

Первый месяц нашей брачной жизни прошел в бесполезной общительности. Если бы я была писательницей, я написала бы книгу о финской лени, общительности и пьянстве. Но, поскольку я была лишь деловой женщиной, мне приходилось искать другой выход. Я заявила мужу, что чаша моего терпения переполнилась. Он ответил, как настоящий дипломат: он, видите ли, никогда раньше не слышал, чтобы общественный деятель уставал от общения с людьми.

— Я ведь только старался доставить тебе удовольствие, милая Минна,— сказал он чистосердечно.— И, конечно, немного тешил свое собственное самолюбие; мне хотелось показать всем друзьям и знакомым, какая у меня очаровательная жена.

Он говорил со своей очаровательной женой очаровательно наивно — в тех редких случаях, когда вообще говорил с ней. Обычно это происходило под утро, когда расходились гости. Понемногу я стала понимать, что мое замужество было смелым прыжком в темноту. Калле Кананен был не первый и не последний мужчина, полагавший, что женщина не остынет, если ее укутать дорогими мехами. На свете

нет холодных женщин, а есть только тупые, эгоистичные мужчины, неспособные согреть женщину. Что значили для меня все эти торжества, бальные платья, привычные фразы, хорошо выполосканные в поверхностной пене цивилизации, все эти обязательные знакомства, когда я стремилась иметь только дом и семью? Теперь дом для меня стал местом, где я заболела настоящей тоской по дому. Мне хотелось переехать в гостиницу, чтобы жить спокойнее.

Некоторые люди живут ради любви, иные — ради пищи, а другие — просто живут. Именно последние и облюбовали наш особняк для упражнений в своей профессии. Бесчисленные советники, директора, министры, депутаты и офицеры, даже художники и писатели (память о них сохранилась и поныне, поскольку они оставили после себя груды неоплаченных счетов) — все чувствовали себя у нас как дома. И мой муж всерьез верил, что я наслаждаюсь их обществом! Я поговорила с Энсио Хююпия. Он сказал сурово:

— Хорошо, что у вас имеется брачный контракт. В третьем разделе закона о браке, глава первая, статья шестьдесят восьмая, специально говорится о том, что лицо, состоящее в браке, может потребовать его расторжения, если в момент бракосочетания названное лицо пребывало в состоянии временного умопомешательства или в ином состоянии, могущем быть приравненным к указанному, или в случае, когда названное лицо было приведено...

— Перестань, милый человек! — перебила я. — Речь идет не о расторжении брака, а об утраченном домашнем покое.

— Отлично. Закон и в этом случае наш бдительный слуга. Уголовный кодекс признает нарушением домашнего покоя, когда кто-либо, не имея законного основания, против воли другого лица вторгается в жилище последнего, безразлично — в комнату ли, в дом, в усадьбу или же на корабль; а также независимо от того, собственный ли то дом живущего или же занимаемый последним с разрешения хозяев либо по найму; или когда вторгнувшийся без законного права не подчиняется приказу тех, кто предлагает ему удалиться; или без удобообъяснимой причины пробирается в дом и прячется где-либо внутри последнего, — во всех перечисленных случаях нарушитель домашнего покоя наказывается штрафом до пятисот марок или же тюремным заключением на срок не более шести месяцев...

— В тюрьму, лучше в тюрьму! — воскликнула я в восторге, ибо я обычно приходила в хорошее настроение, когда Энсио наизусть цитировал мне отточенные параграфы уголовных законов. — Единственное средство вернуть утраченный домашний покой — это посадить их всех в тюрьму!

Уголовный кодекс — хоть он и был приготовлен из самых неприятных элементов — дал мне смелость возобновить приятный разговор с мужем о домашнем покое. Муж необычайно удивился, точно увидел, как собирают милостыню в дамскую шляпку. Он сказал:

— Но, милая Минна, тебе же необходимо войти в высшее общество. Одновременно и я завязываю новые связи. Связи, связи — именно в этом мы нуждаемся! Я уже четыре года поглядываю на портфель министра...

— Это напоминает мне корсет, которым наслаждаешься больше всего тогда, когда видишь его на спинке стула,

— Минна! До чего же ты зла.

— У меня есть для этого все основания.

— Ты бываешь просто невежлива с гостями. Не выполняешь прямых обязанностей хозяйки.

— Обязанности хозяйки! Это уж совершенно ни к чему, поскольку в нашем домашнем ресторане все давно привыкли к самообслуживанию и не считают это проявлением моей невежливости.

Нежный взор Калле затуманился. Он не мог относиться ко мне, как к своей наемной рабыне, все капризы которой подлежат исполнению. Я не стала его наложницей ради пожизненной пенсии законной жены. Он отлично знал, что я имела более тридцати миллионов марок и руководила своими коммерческими предприятиями безупречно и что я была бы образцовой женой, если бы мне не приходилось одновременно служить приманкой для ловли выгодных знакомств. Он был женат третий раз (плоды его прежних браков созревали на ниве разводов), но впервые женой его стала женщина, которая сама принесла в дом кое-что, помимо ненасытных желаний и неудовлетворенных потребностей. Моя самостоятельность и экономическая независимость могли, пожалуй, неприятно подействовать на человека, который привык видеть в своих женах лишь маленьких покорных самок.

Жаркий словесный бой освежил атмосферу и прояснил обстановку. В конце концов мы пришли к соглашению, которое напоминало перемирие: каждая сторона готовилась

к новому решающему сражению. Но ведь именно так поступали в то время и великие державы. Могли ли в таком случае две скромные и столь различные человеческие души — две *Девы* — отступить от всеобщего правила? И в самом деле, ведь никогда и нигде в мире два человека не бывают совершенно одинаковыми — в конечном же счете оба выигрывают от этого.

Как бы то ни было, но приемы гостей в нашем доме стали реже хотя бы уже по одной той причине, что большинство наших богатых знакомых покинули страну. Страх надвигающейся войны гнал их за границу, а те, кто не боялся, попали на внеочередной военно-учебный сбор либо в больницу по поводу язвы желудка. Во всяком случае, я была рада, что получила наконец возможность хоть два вечера в неделю проводить в мирной домашней обстановке. Правда, мой муж всегда бывал изрядно пьян, но это уж следовало считать его недостатком. Он пил горькое зелье, поскольку не находил для него никакого другого применения и поскольку, как он сам говорил, любил «крепкие напитки и мягких женщин». Последними словами он умышленно льстил мне, так как я начала в то время заметно полнеть. Мне как раз исполнилось тридцать пять (я была моложе Калле на двадцать три года), и моя наследственная склонность к несколько пикантной полноте женщин эпохи Ренессанса стала проявляться довольно отчетливо. Выйдя из ванны и глядя на себя в зеркало, я замечала, что становлюсь похожей на заглавную букву «В». Но когда я принимала решительные меры, чтобы похудеть, мой муж становился печальным. Оказывается, я в точности соответствовала его идеалу. Его прежние жены были тощими, костлявыми, болезненного вида, а он вообще не любил оглядываться назад и жить вчерашним днем.

Несмотря на то грозное напряжение в мире, которое сказывалось во всем, порождая неуверенность, подавленность и страх, я все же чувствовала себя счастливой. Муж был со мною предупредителен и порою просто-таки вполне удовлетворял меня. Я позволяла ему спокойно выливать, ибо он благодаря этому держался на достаточно безопасном расстоянии от других пороков. Его всюду знали как веселого компанейского человека, и он, видимо, был способен разговаривать не только о металлической промышленности и политике, но, вероятно, и кое о чем другом. Он не был совершенно поверхностен, хотя вернейшим признаком

поверхностного ума человека считают постоянную и неуправляемую готовность слова, когда человеку, мягко выражаясь, не нужно лезть за словом в карман. Часто я наслаждалась тем, как он, ловко играя словами, выпутывался из затруднительного положения. Обычно бог посылает женщине мужа, которого она хочет, чтобы дать ей повод к раскаянию, но в данном случае казалось, что сам господь бог ошибся. Я действительно начала привязываться к мужу все более и более, хотя временами и тосковала о ныне покойном первом супруге. Мой активный характер воздействовал на Калле, отсекая некоторые сущья предрассудков: муж мало-помалу стал замечать, что может любить и такую женщину, которая не всегда покоряется воле мужчины. Если мужчина клянется, что никогда не любил, это обычно означает, что женщины были к нему слишком внимательны и слишком готовы исполнять все его желания. Однажды октябрьским вечером, когда мы сидели вдвоем в его кабинете, Калле так выразил свои чувства:

— Минна, моему стилю совершенно не свойственна поэзия, даже в самой начальной ее стадии. Но сейчас я хочу сказать тебе правду, которая чуточку отдает поэтичностью: я люблю тебя...

Я не сомневалась в его чувствах. Калле Кананен был не первый финский горный советник, с губ которого сорвалась эта всем известная и бесконечно зачитанная поэма. Ведь у мужчин это признание служит обычным вежливым приветствием женщине, которую они раньше никогда не встречали; оно срывается у них с языка так же легко, как у пьяного матроса — ругательство. Оно ничего не стоит, и все-таки мужчины сразу же думают о плате. Но, поскольку ничто не понуждало моего мужа расходовать это признание сейчас, я поверила в его искренность. Кроме того, я находила вполне естественным, что мой муж действительно любит меня. Я была молода, способна, достаточно эротична, физически в своем роде совершенна и не боялась никакой ответственности.

Через неделю, в последних числах октября, когда мне пришлось поехать в Стокгольм, чтобы устроить кое-какие валютные дела, я почувствовала, как трудно мне расстаться с мужем даже на несколько дней. Калле провожал меня в дорогу, и мне казалось, что я заметила в его глазах искорку душевного волнения.

Закончив все мои дела как можно скорее, я выехала обратно на два дня раньше, чем обещала. Мне хотелось сделать мужу сюрприз, сократив срок его тоскливого ожидания. Я знала, что он нуждается во мне каждую минуту и, тоскуя, напивается до потери сознания. Это малодушие ведь так свойственно мужчинам! И все же они вечно говорят о своей храбрости! Женщины, напротив, обычно прозаически правдивы — идет ли речь о цене шляпки, о боязни мышей или о паническом страхе перед бактериями, уж не говоря о сердечных чувствах. Зато воображение мужчины дает его мыслям полет, и они улетают очень далеко от правды и реальной действительности. У него всегда имеется неисчерпаемая тема для разговоров: его собственное «я» и все то удивительное, что он сделал или собирается сделать. В компании собутыльников он находит так много поводов для превознесения самого себя, что просто не успевает размышлять, подобно женщинам, о недостатках своих ближних или о заботах своих друзей. Я была совершенно уверена, что застану мужа в гостиной, посреди веселой компании приятелей, из которых каждый воображает себя чем-нибудь и никто не является ничем. Все окна нашего дома были затемнены, и нигде сквозь шторы не просачивалось ни малейшей струйки света. Шофер внес мои чемоданы в переднюю. Я достала подарки, приготовленные для мужа, и крадучись направилась во внутренние комнаты. Дом был пуст. Значит, муж уехал от тоски в какой-нибудь ресторан. Навстречу мне вышла одна полуглухая кухарка. Увидев меня, она чего-то испугалась и расплакалась.

— Хорошо, что госпожа наконец-то приехала домой, — тихонько всхлипывала она.

— Случилось какое-нибудь несчастье? — спросила я встревоженно.

— Я ничего не могу сказать, ровно ничего...

Она и не сказала больше ни слова, а только разревелась еще сильнее и убежала в свою каморку. Мой покой был утрачен. Воображение рисовало всевозможные несчастья и неприятности. Ситуация напоминала детективный роман, где подозреваются решительно все, кроме читателя. Я нервно расхаживала взад и вперед и наконец, измучившись, позвонила по телефону Энсио Хьююлия. Этот умник тоже нашел только один способ употребления алкоголя, от которого почти лишился дара речи. Он ничего не мог сообщить о моем муже, но его паузы казались мне

многозначительными. Он был убежден, что я говорила с ним из Стокгольма, и желал мне счастливо вернуться в Финляндию, по возможности быстрее. Бросив трубку, я с горечью подумала: природа совершила величайшую ошибку, сотворив мужчину!

Как я была разочарована! Я представляла себе встречу совершенно иначе. Женщина никогда не может почувствовать полного счастья, пока не выйдет замуж,— а тогда уже слишком поздно. Я стала открывать чемоданы, развешивать платья по местам в гардеробной и готова была расплакаться. Ведь это самое простое, испытанное средство, оно быстро облегчает горе, хотя и прибавляет морщинки вокруг глаз. Но вдруг меня охватил боевой дух законной жены, распростившейся с возрастом робкой неопытности: я не жалею о судьбе, но уж в постели я себя покажу!

Охваченная гневом, я вбежала в спальню и зажгла свет. Не могу сказать, была ли я потрясена или удивлена, разочарована, оглушена или подавлена, поскольку недостаточно хорошо знаю синонимы финского языка, но в одном только могу признаться: сердце мое начало бешено стучать, едва я бросила взгляд на наше роскошное супружеское ложе и увидела на нем молодую женщину, которая спала с открытым ртом и рассыпанными по подушке волосами. Я попробовала разбудить ее, но она спала бесчувственным сном пьяного человека, совершенно недостижимая в своем наркотическом забытьи. Сначала я хотела позвать полицию, затем скорую помощь и, наконец, дворника. Однако, обдумав положение, я изменила свои планы: разделась и преспокойно улеглась рядом с незнакомкой. Места хватило с избытком, и потом ведь она была все-таки женщина и, уж во всяком случае, не более скотское существо, чем пьяный муж, рядом с которым я засыпала столько раз. Я обратила внимание на исключительную красоту ее лица. Она была еще очень молода, пожалуй лет двадцати. Мне вспомнились слова, которые часто повторял муж: «Разумеется, у нас будут дети. Я ведь люблю детей, особенно девочек, когда им исполняется двадцать лет...»

Вот, однако, до чего довела моего милого супруга, горного советника Калле Кананена, его искренняя любовь к детям! Мне уже не нужно рожать, не нужно бегать на приемы к гинекологам, измерять ширину таза. Мой муж сам нашел себе «ребеночка» и бросил на нашу супружескую постель протрезвляться! Я заплакала, мне хотелось разбить в кровь

лицо этой спящей женщины. Такого гнусного позора я никак не ожидала. Мне становилось ясно: мой муж вынужден был разводиться с прежними женами лишь потому, что не мог изменять все время одной и той же.

Я вновь попыталась разбудить свою постельную компаньонку, но ее глубоко обморочное состояние продолжалось. Из приоткрытого ротика вылетали неприятные хрипы. Когда я прислушалась к этим урчащим звукам, то всерьез поверила в дарвиновское эволюционное учение. Возможно, она была из тех обыкновенных уличных млекопитающих, которые думают посредством чувств, а чувствуют посредством чувствительных нервов, расположенных в определенных частях тела; они искренне верят, что любовь — это то же самое, что щекотка, а счастье не что иное, как сытый желудок. Постепенно ко мне вернулось спокойствие духа. Теперь я уже могла все анализировать холодно, без эмоций. Лживость мужчин — это не пустые сплетни. Еще Гейманс в свое время доказал, что мужчины более лживы, нежели женщины. Число абсолютно верных мужей статистически установить невозможно, поскольку никогда нельзя доверять сведениям, даваемым самими мужчинами. Разрыв отношений между мужчиной и женщиной происходит обычно вследствие лживости мужчины, поскольку женщина не может ее бесконечно терпеть. Мужчина, как правило, бывает неверен, когда не находит в одной женщине полного собрания всех достоинств или достаточно увлекательных пороков.

Время все сглаживает. Каждая минута казалась мне вечностью. Я больше не могла ненавидеть даже ту женщину, которая спала рядом. Обычно люди состязаются: кто скорее успеет бросить первый камень. Я отказалась от подобных состязаний и лишь радовалась тому, что имела на руках брачный контракт. Религия сделала большое дело, причислив половую жизнь к тяжким грехам.

Стояла глубокая ночь. Женщина пошевелинулась. Я взглянула на часы. Уже четыре часа лежала я рядом с ней и строила всевозможные предположения. На ней было так мало одежд, что она не смогла бы скрыть даже свое изумление. Она чуть-чуть приоткрыла глаза и начала инстинктивно, ощупью искать своего друга. У нее были очень красивые, холеные руки — просто завидной красоты. Кончиками пальцев она погладила мое плечо и пробормотала

что-то непонятное. Вдруг, спохватившись, она открыла глаза, приподняла голову и проговорила запинаясь:

— Калле... Э-э... Уй, ч-черт...

Затем сразу закрыла глаза и стала тереть их кулаками. Наконец она с трудом приподнялась, села и удивленно спросила:

— Что это?.. Кто ты такая?

— Тот же вопрос я хотела бы задать вам,— ответила я спокойно.

Сознание возвращалось к ней медленно, но по мере того, как оно возвращалось, возрастало ее изумление.

— Э, послушайте, скажите же, кто вы такая? Меня начинает всю трясти,— заговорила она на монотонном языке финских кухарок и принялась растирать свои вольнодумные ляжки, на которых виднелись свежие знаки бесцеремонных ласк.

— Я хозяйка этого дома,— ответила я с достоинством.— Но вы кто такая?

— А я хорошая приятельница Калле. Ну и ну, так ты, значит, хозяйка! А я думала, что хозяйка — та глухая баба, что подавала ужин. Да, а что это ты пришла сюда спать? Или у вас такой обычай?

— Да, это почти всеобщий обычай у тех, кто состоит в браке.

— Где? В чем?

Ей не следовало бы смеяться, потому что смех безобразил ее лицо, и вообще смеялась она грубо, что выявляло ее невоспитанность. Она беспечно хлопнула меня по плечу и брякнула:

— Слушай, нельзя ли нам на «ты»? Мне так легче разговаривать.

— Как тебя зовут? — спросила я.

— Марьюкка. Это немного глупое имя, но мужчинам оно нравится.

— А меня...

— Ну, говори, не стесняйся. Я же ничего против тебя не имею.

— Меня зовут Минна.

— Минна! Ты что, серьезно? Минна! Ой, ну надо же! Видно, и у твоих родителей был ералаш в голове, когда они такое имечко выдумали...

Она потянулась, чтобы достать с ночного столика сигарету, и открыла свою наготу. Даже рискуя разбудить в себе

ревность, я не могла не признать, что она была необычайно красива. Ее нельзя было назвать падшей, ибо едва ли ей хоть раз в жизни случилось подняться. Это была в своем роде дикарка. Она знала, что лед холодный, что ветер больно хлещет, что иглы острые, а уксус кислый, но она не знала того, что неприлично лежать в постели женатого человека и курить хозяйские сигареты.

— Не выношу, когда курят в кровати,— сказала я с раздражением, когда она, закурив, снова бросилась в постель и легла на бок, повернувшись ко мне лицом.

— Почему не выносишь? Калле ведь курит.

— Я и ему не разрешаю.

— Ну, скажи же мне, почему ты этого не одобряешь?

— Потому что на полу может остаться пепел не только от табака, но и от тебя самой. Особенно когда ты в таком состоянии.

— Я, конечно, не очень понимаю тебя. Ты выражаешься слишком благородно. Ну, ладно уж, оставим это, чтобы не вышло ссоры. Я затынусь еще только два разочка.

Она погасила сигарету, окинула меня критическим взглядом и спросила с явным сомнением:

— Слушай, скажи мне, пожалуйста, как же ты можешь командовать Калле? Я и то не могу.

— Могу, по праву. На то я и жена.

Бедняжка вздрогнула и невольно прикрыла руками свою голую грудь. Голос ее задрожал:

— Разве ты... слушай, разве ты жена Калле? Я хочу сказать, разве Калле женатый?

— Да.

Ее лицо исказилось почти до неузнаваемости. Маленькие руки сжались в кулачки, и она воскликнула, едва сдерживая слезы:

— Вот свинья! Вот свинья... А я могла бы иметь другого. Лучше его... И моложе...

И она разрыдалась совсем как человек, который вдруг с ужасом замечает, что, сам того не желая, все время говорил правду. Так и мы, две обманутые женщины, долгую минуту сидели молча и думали о правде жизни. Если определять по учебнику логики, правда означает лишь тождественность содержания двух предложений. Но обычно о ней говорят бережно, стараясь экономить ее, поскольку она является большой редкостью. Не знаю, которая из нас была в ту минуту более безутешна и кого надо было утешать.

Об этом можно было бы написать роман, но он показался бы слишком неправдоподобным.

Я молча приняла решение для себя и вновь с удовлетворением подумала о нашем брачном договоре. Моя прямая натура никогда не согласилась бы на переговоры и компромиссы. В голове у меня рождались планы, сразу же облекаясь в готовые формы. О нет, не настолько я дешевое создание, чтобы диктовать условия и заниматься банальным вымогательством. Мой муж должен будет дать удовлетворение за перенесенный мною позор, перечислив на мое имя по меньшей мере пятнадцать миллионов марок промышленными акциями.

— Есть у тебя какая-нибудь специальность? — спросила я у подруги по несчастью, которая начала понемногу успокаиваться, получив разрешение курить в постели.

— Есть, конечно. Я маникюрша. Хотя в данный момент я без места.

Маникюрша — значит, в полном смысле работница ручного труда, которая зарабатывает свой хлеб, положив руку на руку. Теперь мне открылась тайна ее красивых и таких холеных рук. Она схватилась за голову, растирая виски, и громко простионала:

— О господи! Я еще совсем на духу...

— На духу?

— Ну да, я имею в виду — в завязанном мешке.

— Я что-то ничего не понимаю.

— Не понимаешь? Ну, говорят еще — на косяке, на пружине или, как еще там, ну в общем, под парами. Я слишком много пила. Калле заливал мне прямо в глотку. Он хотел, чтобы я окончательно дошла.

Маленькая работница ручного труда выглядела совсем несчастной. Я дала ей порошок от головной боли, а заодно приняла и сама. Она спросила сочувственно:

— Ты тоже нализалась?

— Нет, я не выношу алкоголя и табак едва терплю.

— Ах, так ты, наверно, мормонка?

— Нет, — ответила я, хотя и не поняла ее вопроса.

Грешный человек не редкость на этом свете (ведь и ангелы не редкость в раю), поэтому я вовсе не имела склонности причислять эту маленькую маникюршу к профессиональной категории публичных девиц. В моем представлении она превратилась в чистую голубку, когда я узнала, как ловко обманул ее мой муж. Девушке нравились малень-

кие украшения, красивые платья, пределом ее мечтаний было супружеское ложе, на котором можно давать и брать одновременно. Все серьезные мысли отскакивали от ее ума, в котором уживались только фантазии вечного ребенка и вера в человеческую искренность.

— Сколько тебе лет? — спросила я.

— Скоро исполнится двадцать три.

— Ты кажешься гораздо моложе.

— А это мне идет? Я, конечно, Калле сказала, что мне только девятнадцать. А тебе сколько?

— Тридцать пять.

— Не подумала бы. Ты выглядишь намного моложе. Послушай, чем ты пользуешься, что у тебя кожа такая гладкая?

— Собственно, ничем...

— И я тоже. Моя бывшая хозяйка пользовалась «муссоном». Слушай, скажи-ка мне откровенно: как, по-твоему, Калле хорош в постели?

Я вздрогнула. Меня стала раздражать эта беззастенчивая прямота и откровенность девушки. И с какой стати она звала моего мужа по имени: Калле! Возможно, муж надеялся, что я буду его первой любовью, я же со своей стороны надеялась быть его последним увлечением. Я ничего не ответила на бесцеремонный вопрос. Только сказала, что муж мой вообще веселый и компанейский человек. Я попыталась занять мысли моей собеседницы другими проблемами. Стала расспрашивать ее о родительском доме, о школе. Дома у нее не было, а от пребывания в школе она сохранила в памяти одни только перемены. Она была очень бесприютна, но не беспризорна. У нее не было никаких внутренних препятствий или комплексов, усложняющих жизнь.

— Ты давно знакома с горным советником? — спросила я.

— О каком таком советнике ты говоришь?

— Горный советник — мой муж.

— Неужели Калле и вправду горный советник?

— Да.

— А он называл себя старым холостяком... Мужчинам никогда нельзя верить. Кстати, ведь горный советник это, кажется, очень важная шишка?

Я не ответила. Некоторые знакомые мне «шишки» были такими важными, будто сами родили всех своих предков.

Иногда бывает очень грустно смотреть, как они сорят деньгами, и сознавать, что не имеешь никакой возможности им помочь.

Моя собеседница потеряла стеклянные бусы, висевшие у нее на шее, и сказала несколько опечаленно:

— Нет, все-таки я и раньше знала благородных людей. Было время, за мной увивался даже радиотелеграфист! Ах, черт возьми, такой красивый парень!

— Отчего же вы не поженились?

— Да вот, поди ж ты! Мне бы сразу и ковать, пока железо было горячо. Но Яска как на грех оказался без работы, а я тогда еще только училась. Потом он взял себе другую бабу — да какую безобразную! Ты бы посмотрела на эту рожу, на эту фигуру, кривые ноги, руки... Все-таки у мужиков часто бывает скверный вкус.

— Еще бы. У большинства из них вообще нет никакого вкуса, а только чувственность и охотничий инстинкт.

— Да. Об этом я опять-таки ничего не знаю.

К сожалению, она не знала и многого другого. Она только верила. Верила, что, целуясь, можно спастись от одиночества, что первый поцелуй бывает лишь раз в жизни, но зато остается в памяти и после того, как последний поцелуй позабудется; верила, что у женщин мысли меняются чаще, нежели у мужчин, и потому они всегда чище, но ей трудно было поверить, что мужчина бывает способен в один вечер обмануть двух женщин! Я пыталась объяснить ей, разумеется, опираясь на свой собственный опыт, что мужчина — это своего рода бродяга, его воображение всегда опережает действительность. Он весело бежит вперед, как бегут петли на чулке, который натянули на ногу в последний раз. Рай мужчины всегда у него перед глазами, зато ад он узнает только тогда, когда уже не может пуститься на поиски новых приключений. Напротив, женщина всегда мечтает о том, чтобы минуты счастья длились вечно. Положение женщины изучалось научно, с помощью статистических методов, и полученные данные вполне убедительны; но в отношении мужчин любая статистика обнаруживала лишь тот печальный факт, что из числа людей, которые в данный момент на территории Финляндии состоят в браке, ровно половину составляют мужчины...

— Ты не обижайся, но я и тут чего-то не добираю, — перебила моя собеседница. — Я ведь очень мало ходила

в школу. Но все-таки я бы не могла сказать, что все мужчины такие невозможные. Иногда они приносят и радость...

— Конечно! Иногда... Кстати, ты не ответила на мой вопрос, давно ли ты знакома с моим мужем?

— Ай, разве я не сказала? С тех пор уже прошло... Да ты не вспыхивай! Да, уже больше года, как мы встретились.

— На улице?

Мою ночную подругу это задело.

— Ну, нет. Не думай, что я уж совсем такая. Очень нужно! Мы познакомились где-то в ресторане, и Калле тоже был сильно на взводе, у него даже носки сползли. А потом мы пошли в гостиницу — продолжать. Я все время думала, что Калле священник.

— Священник?

— Да, он говорил так красиво. До него ни один мужчина не говорил со мной так божественно красиво! Он все твердил, что мой живот — это алтарь, а груди точно орган... И еще много другого красивого, что только вообще можно сказать женщине. Но, конечно, все это было сплошное вранье...

Она произнесла очень неприятное финское слово, которое, правда, весьма часто встречается в нашей молодой художественной прозе, и снова расплакалась.

— Да, возможно, это было не более чем вранье, — вырвалось у меня со вздохом. — Как часто вы встречались в последнее время?

— Раз или два в неделю. Большею частью днем, потому что у меня теперь нет никакой работы и много свободного времени. И, ей-богу же, Калле был со мною ужасно порядочный. Каждый раз он мне что-нибудь приносил, но вот о свадьбе никак не хотел говорить! Видишь ли, это у него было больное место.

— Так оно всегда и бывает у женатых мужчин.

— Да, но ведь он же мне говорил, что он старый холостяк.

— У старого холостяка жена старая дева, и у них, как правило, исключительно образцовые дети...

— Вот как? Об этом я тоже ничего не знаю...

Обстоятельства — не судьба и не провидение — превалили наш диалог. Из вестибюля донеслись громкие голоса и шум. Я вся обратилась в слух, а милостивая

полировщица ногтей устремила на меня свой вопрошающий взгляд.

— Приехал муж, — сказала я спокойно.

— Ага. Ну, сейчас тут начнется...

— Оставайся на месте и не волнуйся, он обычно весьма милостив и щедр со всеми своими любовницами.

— А с тобой?

— Сейчас мы это увидим.

* *
*

Я так долго и подробно рассказывала о событиях первой половины этой ночи, потому что сплетни — эти неутомимые бегуны на длинные дистанции — даже через много лет совершенно превратно истолковывали обстоятельства моего развода и поливали меня грязью. Я не считаю нужным теперь вдаваться во все подробности, скажу лишь коротко, что для Энсио Хююпия, который взялся вести мое бракоразводное дело, достаточным основанием послужили следующие обстоятельства:

а) мой муж, горный советник Калле Кананен, поддерживал в течение всего периода своего третьего брака нежные отношения с двадцатитрехлетней маникюршей, о которой я рассказывала выше, а также с двадцатидвухлетней официанткой, о которой я не собираюсь ничего рассказывать, поскольку они с маникюршей в духовном отношении были совершенными близнецами;

б) мой муж изменил мне, приведя маникюршу в наш дом; затем он изменил маникюрше, приведя в наш дом официантку, после чего он, проявив трусость, убежал, оставив двух незнакомых женщин на мое попечение;

в) женщины были готовы подтвердить под присягой, что мой муж представился им холостяком — что, впрочем, общераспространено в настоящее время и даже не считается преступлением — и с помощью подарков, а главное обещаний жениться склонил их, каждую в отдельности, к интимной связи, которая, однако, не принесла радости женщинам, а у моего мужа породила чувство неловкости, подобное душевному оцепенению.

Прошло два дня, прежде чем я освободилась от мاني-кюрши и официантки, которые заключили между собой договор о дружбе и взаимопомощи. Эти две маленькие ведьмы отлично владели благородным искусством вымогательства. Поскольку моего мужа не было дома, я оказалась его поверенным в делах. Я уплатила обеим женщинам их арендную плату за месяц вперед, выдала каждой на два месяца кормовые и по пять тысяч марок компенсации за душевные страдания — всего в сумме шестнадцать тысяч марок. Со своей стороны они с большой готовностью выдали мне расписки, каковые я впоследствии предъявила мужу. Он выкупил у меня эти расписки довольно неохотно, утверждая, что пять тысяч за душевные страдания — это несообразно много, поскольку сам он полагал, что доставил обеим женщинам одни лишь приятные переживания.

Люди, совершая безобразные поступки, прибегают обычно к красивым объяснениям; что касается моего мужа, то, вернувшись после блужданий домой, он даже не пытался приукрашивать свои поступки, а откровенно признал:

— Положение самое позорное. Не могу ничего сказать в свое оправдание. Ох, какие мы свиньи, мужчины...

— Только не говори во множественном числе: «мы»! — сказала я с омерзением.

— Нет, нет, не буду. Признаюсь честно: я совершенный поросенок...

— Лучше скажи, свинья, неоскопленный боров!

— Как тебе угодно. Я жил, как свинья...

— И впредь будешь жить не иначе. Но я больше не желаю нянчиться с тобой. Я не родилась свиначкой...

— Нет, конечно, хотя...

— Что?!

— Да... Видишь ли, мне думается, все жены в известном роде свиначки. Но я хочу тебе сказать лишь одно, милая Минна: ты самая прекрасная из всех свиначек в мире!

— Я увольняюсь.

— Увольняешься? Что ты имеешь в виду? — спросил он, недоумевая.

— Развод. Можешь жениться на своей маникюрше и осчастливить ее мать, которая находится в доме призерения. Энсио Хьюпия ведет мое дело.

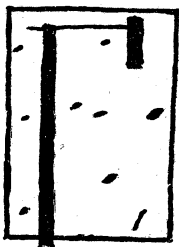
Знаете, безопаснее дразнить собаку, чем мужчину: собака лает, а мужчина напивается до чертиков и начинает обращаться со своей женой, как с собакой.

Так случилось и со мной. Мне довелось услышать, что я самое ограниченное, самое узколобое существо на свете, что я ханжа в шорах, что мне следовало быть евангелисткой, монахиней или вожатой отряда девочек-скаутов. Слушала я, слушала эти оскорбления, но в конце концов мое терпение лопнуло, и я сделала ему хук левой рукой в область диафрагмы. Я снова благословила американскую среднюю школу, в которой и девочки наряду с юношами проходят основательный курс обучения боксу. Как легко мне удавалось в известных ситуациях договариваться с мужчинами без мелочной и нудной игры словами, на которую мужчины так часто сбиваются! Калле Кананен очень любил хвастать своей консервативностью. Как я теперь обнаружила, его консервативность являлась лишь следствием того, что он был слишком труслив, чтобы драться, и слишком толст, чтобы пускаться наутек. Правда, в отношении последнего я несколько ошиблась, ибо после первой же воздушной бомбежки Хельсинки Калле Кананен немедленно драпанул, проявив совершенно неожиданную резвость ног. Сначала он удрал в Швецию, а оттуда — в Соединенные Штаты Америки. Говорят, только настоящая леди может сделать из мужчины джентльмена. Горный советник Калле Кананен все-таки был джентльменом, потому что согласился дать мне развод на условиях, выдвинутых мною.

Сразу после конца «зимней войны» наши опытные юристы принялись за свое излюбленное дело, и уже в мае 1940 года я снова стала свободной. Моя вторая попытка стать женой человека, рожденного под знаком Девы, принесла мне четырнадцать миллионов марок в промышленных акциях и роскошную виллу на Кулосаари.

Устаревшая и глупая условность не разрешает высказывать всю правду о мужчинах. Женщина не должна, мол,

ничего знать о них, а если она что-нибудь знает да скажет, то это сейчас же назовут ложью и коварством! Женское коварство выдумали поэты, ибо они являются лучшими выдумщиками, нежели ученые. И все же нам приходится время от времени признавать, что недостаток естественной и врожденной лживости и лукавства является худшим из препятствий на пути к полной победе женских интересов.

оды войны были для меня, как и для большинства людей моего круга, периодом продолжающейся борьбы за дом, удобства и деньги. Часть предприятий концерна «Карлссон» пришлось закрыть из-за нехватки рабочей силы. В то же время компания основала новые промышленные предприятия, которые работали на благо общества за счет общественных средств.

Хорошим и спокойным было положение владельца лесов, в распоряжении которого к тому же имелась готовая организация, пригодная для использования в системе государственного рациионирования. Поставка дров и газогенераторных чурок потребителям и многим общественным учреждениям была тем делом, благодаря которому я получила несколько высоких орденов, новые связи, отменные прибыли, а также право быть на «ты» с министрами и генералами.

Торговля в условиях рациионирования не требовала рекламы, и я совершенно прекратила рекламную деятельность, поглощавшую значительные средства. Поэта Хеймоне-на, в свое время блестяще обеспечившего рекламу знаменитой системы ПУ, пришлось уволить вместе с его четырьмя помощниками. Благодаря моим связям я спасла их от фронта, где свирепствовала смерть, и сберегла для церкви и отечества. В качестве ополченцев они были зачислены в Государственное информационное

бюро, где им сразу же присвоили звания военных чиновников и дали целую кучу звезд.

Энсио Хьююпия тем более не пришлось становиться под ружье. Его прикомандировали к тыловому управлению в качестве начальника объекта, который назывался Топливным отделом компании «Карлссон». Он тоже получил от войны большие выгоды, как и многие другие предприимчивые люди, имевшие возможность спокойно заниматься куплей и продажей. Он изобретал все новые и новые эрзацы, и производство их официально доверялось нашим предприятиям. Все взрослые читатели, вероятно, помнят высшие достижения нашей промышленности эрзацев: бумажное постельное и нательное белье, великолепный пудинг-концентрат «пим-пам» (сырьем для него служила целлюлоза), изготовленные из дерева универсальные домашние хозяйственные приспособления, которые можно было с равным успехом использовать в качестве ткацкого станка, швейной машины, походной кровати, детской колясочки или сервировочного столика. Все это была продукция компании «Карлссон», о производстве которой денно и нощно пеклись министерство народного обеспечения, управление обороны и лично вице-директор компании Энсио Хьююпия.

По окончании войны я с удивлением услышала, что мной оказаны неоценимые услуги отечеству в развитии промышленности эрзацев. Мне ничего не оставалось, как только покорно согласиться. Жизнь есть комедия для тех, кто думает, и трагедия для тех, кто чувствует. Конечно, я испытала большое удовлетворение оттого, что бюрократическая машина, возглавляемая мужчинами, выразила признание женщине. Американец Менккен был, пожалуй, все-таки прав, предположив лет тридцать назад, что иногда и у мужчин бывают мозги. На моей любимой родине (в Соединенных Штатах), где господствуют женщины, гипотеза Менккена была принята с большим удовлетворением, однако в Европе над ней презрительно посмеивались, особенно в Финляндии, где самовлюбленные болваны, полагающие, что они-то и есть венец творения, отводили женщине место лишь на кухне и у колыбели. Еще обаятельный Боккаччо указывал, что женский ум может успешно состязаться с умом мужским и даже одерживать над ним победу. Женщина эпохи Возрождения считала большой честью, когда кто-нибудь умно говорил

о ее мужественном уме и характере. Неужели же в Финляндию Возрождение пришло только во время второй мировой войны, когда заметили наконец, что женщина способна кое на что побольше и поважнее, чем подносить кирпичи да рожать мужчинам детей! Во всяком случае, мне казалось, что в трудные годы войны высокопоставленные чиновники, видимо, весьма прилежно читали «Декамерон», ибо иначе вряд ли они догадались бы столь горячо просить у меня помощи, оказывая женщине такое доверие. Один из министров тогдашнего финского правительства, совершенно отбросив древние предрассудки монашеской теологии, пригласил меня на прием и обратился ко мне с просьбой о помощи. Он, вероятно, откуда-то узнал, что быть человеком — это много, но быть женщиной — еще больше, особенно если женщина своей деятельностью сумела составить себе весьма приличное состояние и приобрести важные связи. Начав с комплиментов моей внешности, знанию языков и моему американскому происхождению, он затем перешел на торжественный тон:

— Мадам, я постараюсь употребить все свое влияние, чтобы вас наградили высшим орденом, какого в нашей стране когда-либо удостаивалась женщина.

Он обратился ко мне вопросительный взгляд, благосклонно ожидая моей горячей благодарности. Я ответила честно:

— Мне не особенно нравятся высокие ордена, поскольку я могу надевать их лишь в высокоторжественных случаях. Я бы предпочла такое украшение, которое можно носить с обычным платьем. Но только не ожерелья: у меня их и без того слишком много.

Может быть, он подумал, что я типичная выскочка военных лет, капиталистка американского образца или же чистокровный экземпляр homo stultus, пользующийся очень плоской теорией: ты — мне, я — тебе. Он улыбнулся про себя, пососал свой большой палец, как ребенок, когда его пробуют отнять от материнской груди, и снова прикинулся необычайно щедрым:

— А кроме того, мадам, у меня имеется для вас и другое приятное сообщение: я собираюсь на днях ходатайствовать перед президентом нашего государства о присвоении вам почетного звания экономической советницы.

— Дает ли это звание право на пенсию? — спросила я без всяких околичностей.

— К сожалению, нет, но обычная пошлина за присвоение титула будет уплачена из общественных средств...

— Может быть, лучше побережь общественные средства?

— Вы так думаете?

— Конечно.

Я уже привыкла к тому, что любое мое слово, сказанное мужчинам, они непременно повернут против меня. Но этот господин явился неожиданным исключением. Он стал превозносить мой социальный образ мышления и мою благородную готовность к самопожертвованию, а затем в конце концов приступил к делу, ради которого, собственно, он и затеял весь разговор:

— Мадам, общество снова нуждается в вашей помощи. В стране царит великая нужда. Всем нам угрожает голод...

— Господин министр, — сказала я с искренней жалостью, — разрешите мне помочь вам? Я могла бы доставлять вам кофе, сахар, масло, муку, фруктовые консервы, табак — собственно, все, что вам потребуется. Но, разумеется, по повышенной цене.

Он посмотрел мне прямо в глаза, опасливо направился к двери, чтобы проверить, не подслушивает ли нас кто-нибудь, и, вернувшись, сказал шепотом:

— Мадам, ваше предложение меня интересует. Все прочее у меня имеется, но вот кофе я хотел бы получить несколько кило...

— Так ведь его можно купить в магазинах.

— В магазинах? — удивился он.

— Ну да, точно так же, как и все другие деликатесы. Их продают свободно: это разрешено с условием, чтобы сверхприбыль от продажи шла на благотворительные цели. Потому-то на эти продукты цены так высоки. На той неделе в наш порт прибывает пароход, груженный восточной халвой — ее будут продавать с разрешения министерства в пользу мусульманских детей, не имеющих отцов. Одновременно в магазины поступит новая партия кофе, сушеных фруктов, папирос, французских противозачаточных средств, женского белья, каракулевых манто, конфет, игрушек и валенок, которые будут свободно продаваться по спекулятивным ценам в пользу оспенных больных, потерявших форму спортсменов, а также полковничьих вдов

и внебрачных детей бывших министров. Стало быть, как видите, в товарах недостатка нет, не хватает лишь покупательной способности.

— Вы правы, мадам. Совершенно верно: не хватает покупательной способности! Много ли сделаешь на одно министерское жалованье?.. Едва-едва удастся наскрести, чтобы отоварить карточки...

Я почувствовала жалость к человеку, вполне естественную жалость. Он, видимо, совершенно потерял собственный характер, получив взамен характер жены, так что теперь единственной основой его авторитета служила непомерная величина министерского письменного стола. Внезапно он встrepенулcя, вспомнив о своем служебном долге.

— Мадам, поскольку речь зашла о благотворительности, я изложу вам дело, ради которого, собственно, я и решил побеспокоить вас. В нашей стране насчитывается почти четыре миллиона жителей, которые не в состоянии покупать товары, продаваемые с благотворительными целями. Этим людям кто-то должен помочь. Я обсуждал положение с некоторыми из моих коллег, и все они в один голос назвали вас. Вы чистокровная американка, хотя и получили двадцать три года назад финское гражданство. Вы можете сослужить большую службу стране, и потому я прошу вас оказать нам любезность и ответить на следующие вопросы: а) не согласитесь ли вы, чтобы вас послали в Соединенные Штаты для организации там сбора пожертвований в пользу Финляндии? б) когда бы вы смогли выехать и каковы ваши условия? в) будут ли у вас какие-либо дополнительные пожелания?

Я ответила, что мне потребуется несколько дней на размышления. Высокопоставленный проситель продолжал:

— Я уверен, что вы в любом случае способны найти множество действенных решений и оригинальных идей. Это и позволяет вам справляться с трудностями. По вполне понятным причинам мы не можем послать вас в качестве официального представителя. Мы назовем вас «посланцем доброй воли».

— Отличная выдумка. Поскольку послом обычно бывает честный и пользующийся доброй славой мужчина, которого направляют за границу лгать...

Мое замечание ему не понравилось, так как он, видимо, привык к тому, чтобы у женщины душа была открыта нараспашку, а рот — на замке. Все же, несмотря на охватив-

шее его мелкое раздражение, министр продолжал разговор в любезном тоне. Он знал, что, надкусив яблоко, всегда приятнее увидеть в нем целого червяка, чем половинку его. Итак, ему удалось уговорить меня принять эту миссию, в результате которой американские финны с увлечением принялись чистить свои чердаки. Поскольку стоял вопрос о благотворительности, ее объектом явилась прежде всего я сама. Мне обеспечили бесплатный проезд на родину, дали изрядные деньги на представительство и предоставили массу других выгод за счет общества. Было рискованно оставлять руководство всеми моими делами в руках одного лишь Энсио Хююпия, хотя он и успешно работал в течение многих лет как мой энергичный, предприимчивый компаньон. Я не сомневалась в его честности (преуспевающий юрист всегда честен), но не надеялась на его силу воли, которую подтачивало все более развивавшееся пристрастие к вину. Как все известные и признанные алкоголики, он тоже начинал страдать манией величия: водрузил у себя в кабинете самый большой в Финляндии письменный стол и трижды в год заказывал у художника свой портрет. Он строил воздушные замки, в которые никому не следовало бы переселяться, и время от времени рассуждал о боге, как о своем близком сослуживце. Перед отъездом я оставила ему кучу деловых распоряжений, добросовестно записанных им в книжечку, и всячески взывала к его солидности. Я знала, что мужчина тает, когда женщина хвалит его силу, и потому нарочно нажала именно эту педаль.

— За протекшие годы ты оказал значительные услуги объединению «Карлссон», а тем самым и мне. Ты обнаружил преданность как в малом, так и в большом. Поэтому я отправляюсь в пятидневную поездку со спокойной душой.

Энсио Хююпия долго не мог выговорить ни слова. Затем он медленно произнес:

— До чего же красиво ты говоришь обо мне, Минна. Совершенно так, как о покойнике. Позабудь тревоги, сказал поэт. Я, конечно, буду исполнять возложенные на меня обязанности добросовестно и в духе лучших деловых традиций. В случае же необходимости сумею прибегнуть к защите закона.

Он ласково погладил лежавший на письменном столе свод законов и сказал:

— Вот образцовое произведение литературы, которое до сих пор все еще не экранизировано!

Он сам рассмеялся над своей остротой, что вообще характерно для мужчин, и пытался меня тоже заразить весельем. Как сказала американская кинозвезда Ника Тутти: «Смейся — и другие присоединятся к твоему веселью; плачь — и ты многим испортишь отличную окраску ресниц!»

Я не стала делать ни того, ни другого, а лишь передала ему ключи от своего кабинета и попрощалась.

* *

*

Пятого ноября 1945 года, после двадцатитрехлетней разлуки я прибыла на родину, в Соединенные Штаты. Все эти годы я была верна гороскопу, который предписывал мне искать в чужой стране мужа, рожденного под знаком Девы, чтобы обрести счастье и богатство. За два десятилетия передо мной прошла целая толпа мужчин-Дев, было у меня даже два законных супруга, и богатство тоже пришло, а вот счастье я все еще продолжала искать. Может быть, счастье моей жизни в том и состоит, чтобы непрерывно искать?

Я совсем забыла рассказать о моей матери, которая тоже все время искала свое счастье. Полтора десятка лет назад она вернулась в Америку, вышла замуж за висконсинского фермера, во время войны переехала во Флориду, развелась и снова вышла замуж за шофера, который был моложе ее на двадцать лет, потом развелась и с ним, открыла кабачок в Лантане и погибла при автомобильной катастрофе в 1943 году. В настоящее время в Америке пешеходу нужны крылья, — и нередко он получает крылья ангела...

Итак, мне не пришлось убивать время на встречи с родней, проливать при свиданиях слезы горя и радости, не пришлось везти подарки: ни фарфора «Арабия», ни искусных ручных изделий фронтовиков, ни финских ножей, ни калевальских украшений. Я привезла лишь неофициальное нищенское «здравствуйте», а заодно установила личные коммерческие связи. При этом я, разумеется, действовала столь же альтруистично и бескорыстно, как американские бизнесмены, католические попы, английские

колонизаторы и некоторые финские благотворительные общества: я твердо верила, что если объединение «Карлссон» процветает, то тем самым процветает и вся Финляндия...

В течение четырех недель я колесила по финским районам Нового света (все это время мой мозг отдыхал, а язык работал за десятерых): я была на чувства, рисовала яркие картины страданий Финляндии, но старалась избегать преувеличения, чтобы не потерять доверие слушателей. Сочувствие и жалость побуждали людей к действию. Добровольная помощь Финляндии росла, как снежный ком или как государственный долг, и вот уже корабли, груженные американскими подарками, один за другим отправлялись из нью-йоркской гавани в далекую северную страну, где людям преподавали элементарный курс нищенства: как жить за счет вспомоществований и подачек. Труд считался неприятным способом добывания денег, а рубашка, полученная в порядке милостыни, поднимала чувство человеческого достоинства и утверждала веру в христианские идеалы! Деятельность по распространению заокеанской помощи породила множество новых профессий: торговцев (из-под полы) нейлоновыми чулками и кофе, спекулянтов валютой, всевозможных маклеров и посредников, а также закоренелых попрошаек. Финское консульство в Нью-Йорке и адресное бюро Армии спасения испытывали благородный прилив родственных чувств каждый раз, когда им удавалось отыскать адреса давно забытых американских троюродных братьев. Финские лесорубы наконец-то впервые познакомились с американской жевательной резинкой. Скотница, страдавшая беспокойством от грубошерстных чулок, обтянула нейлоном свои пышные икры. На шею старичку нахлебнику повязали яркий галстук. Жизнь для некоторых стала сплошным сказочным сновидением.

Как интересно было выступать в качестве «посланницы доброй воли» и распространять «большое спасибо»! Многие американские женские общества приняли меня в свои почетные члены, а многие выдающиеся деятели обещали приехать в Лапландию, чтобы провести отпуск, катаясь на лыжах,—лучше всего в середине лета, когда солнце стоит наиболее высоко над горизонтом и дороги в хорошем состоянии. Однажды ко мне в номер (я, разумеется, жила в роскошной нью-йоркской гостинице «Уолдорф-Астория»,

поскольку я путешествовала за общественный счет и представляла благотворительные организации) явилась женщина средних лет, назвавшая себя миссис Рэйчел Тёрннэкк. Она была одета весьма изысканно, а ее тщательно загримированное лицо украшала и прикрывала вуаль, спускавшаяся на шею. В полумраке она, вероятно, казалась бы даже красивой, хотя ее чересчур низкий и хриплый голос сразу напоминал негритянского певца Луиса Армстронга. Она очень непринужденно представилась, села в кресло, закинув левую ногу на правую, и заговорила со мною, не поднимая вуали:

— Миссис Карлссон-Кананен — о, какое ужасное имя! — я слышала все, что сообщили о вас утренние известия нашего отеля, и сразу подумала: вот женщина, с которой я хотела бы познакомиться. Кстати, какой у вас капитал и сколько вы получаете дохода в год? Разумеется, в переводе на доллары, я ведь не знаю вашей валюты.

Я ответила очень туманно и заодно пожаловалась на непомерные налоги.

— Здесь то же самое, — сказала миссис Тёрннэкк. — Налоги совершенно разорительные, но в то же время они способствуют развитию мозговой деятельности. Я деловая женщина, так же как и вы; у меня несколько торговых пароходов, бойни, пивоваренный завод и еще кое-какие мелкие предприятия, но я не перестаю удивляться, какими малыми средствами вы там, в этой самой Финляндии — Финляндия, ведь так, кажется? — да, какими малыми средствами вы там обходитесь. Мне с большим трудом удается сводить концы с концами, а все-таки ведь у меня налогооблагаемый доход значительно превышает восемь миллионов долларов ежегодно. А что, если мы закажем несколько порций виски?

— Спасибо, мне не надо...

— А французского коньяка?

— Нет, благодарю, не нужно. Я совсем не употребляю спиртного.

— Неужели? Хотите сигару?

— Простите, я не курю.

Миссис Тёрннэкк, приподняв вуаль, уставилась на меня пристальным взглядом. Вдруг по лицу ее расплылась улыбка прозрения, и моя собеседница воскликнула:

— Ой, простите, миссис Карлссон-Кананен — ух, какое отвратительное имя для американского произношения! —

я совсем забыла, вы же бедная финская капиталистка! Я, конечно, имела в виду, что я угощаю!

— Благодарю, но все равно не нужно, я совсем не пью. Понимаете, ни капли.

Вуаль снова упала на лицо моей необычной гостьи, продолжавшей по-домашнему и несколько фамильярно болтать из-за нейлоновой решетки:

— Да и я пью немного. Может быть, одну пинту виски в день. Вы не будете возражать, если я?..

Не дожидаясь ответа, она проворно вскочила, взяла со стола большой стакан для воды и достала из сумочки плоскую фляжку виски.

— Принести вам воды? — предложила я любезно.

— О-о-ох, нет. Я предпочитаю не разбавлять. Зачем лишняя жидкость? Я и так слишком полнею. А воды я вообще не признаю, — разве только для поливки цветов и рыбам в аквариумы. Мой покойный муж — о-о, что это был за отвратительный навозный жук! — чуть ли не круглые сутки мог сидеть в воде! Впрочем, у него бывали и другие идиотские причуды. Однажды, когда мы путешествовали по Италии — ой, какая это нищая и безобразная страна! — Брюс непременно захотел купить за наличные деньги Пизанскую башню — знаете, эту старую-старую, совсем покосившуюся башню, — он хотел разобрать ее по камню и в разобранном виде перевезти в Массачусетс, где у нас в то время было имение, и там установить ее снова. Но, слава богу, эти глупые пизанцы (разве можно их называть иначе?) так и не согласились на сделку. Даже за наличные!

Миссис Тёрнэек снова приподняла вуаль настолько, чтобы можно было поднести стакан к губам, выдержала короткую паузу и, переведя дыхание, опять стала упражняться в монологе:

— Миссис Карлссон-Кананен — нет, у вас прямо-таки абсолютно невозможное имя! Да; так вот, миссис Карлсен, я хотела бы немножечко посоветоваться с вами. Я не знакома с вашей страной, я только слышала, что Финляндия относится к тем слабо развитым странам, где как будто единственное, в чем нет дефицита, — это в рождаемости. Ваша страна остро нуждается в нашей помощи, ну вот и я готова помогать вам, по-своему. Прежде всего я хотела бы знать: на сколько дюймов за последние полстолетия расширилось седалище у финских мужчин?

Кажется, человек — единственное животное, способное краснеть. По-моему, я вдруг обнаружила в себе это тонкое свойство. Как будто мне в лицо полыхнуло палящим жаром. Какой-нибудь инициативный финский полицейский, наверно, тут же задержал бы миссис Тёрннэек и препроводил в лечебницу для душевнобольных. Так думала я, даже и не догадываясь, что вопрос моей гостьи представляет исключительный интерес. Я ответила в замешательстве:

— Не знаю, миссис Тёрннэек... В Финляндии едва ли вообще проводилась статистика седалищ...

— О-о-о! Неужели? А у нас проводилась. У нас ведется статистика по всем вопросам. И в моем концерне работают четыре известных ученых, единственной задачей которых является эта самая статистика. Доктор Дик Ламберт недели две назад закончил необычайно интересное и далеко идущее статистическое исследование, на проведение которого у него ушло почти три года. Целый год он занимался театрами Древней Греции и Рима, измеряя в них сиденья. В результате удалось установить, что средняя ширина этих сидений равна девятнадцати дюймам, а в некоторых древнейших театрах Эллады сиденья были еще уже. Из этого он сделал тот вывод, что еще полторы тысячи лет назад наиболее распространенная ширина зада у мужчин составляла пятнадцать дюймов — я подчеркиваю: у мужчин. Женский зад год от года сужается, это общеизвестно. В 1905 году ширина зада американского мужчины равнялась семнадцати дюймам, а теперь, в 1945 году, она уже достигла девятнадцати с половиной дюймов! В 1925 году сиденья в автомобилях достаточно было делать шириной в двадцать два дюйма, в моделях прошлого года ширина их была двадцать четыре, а в будущем году она подскочит до двадцати пяти дюймов! Чем же, однако, вызвано, что мужской зад — по крайней мере в Америке — расширяется и расширяется, тогда как женщины, напротив, не допускают разрастания этой части своего тела? Доктор Ламберт дает нам на этот счет совершенно четкий и недвусмысленный ответ: американские мужчины слишком много сидят. Они так любят это свое занятие, что зачастую целыми днями сидят, смотрят по сторонам и ничего не делают. Вы, вероятно, знаете мужчин, миссис Карлс... — тьфу, что за имя! — не правда ли?

Я ответила несколько уклончиво:

— Едва ли они нуждаются в наших похвалах: они сами хвалят себя...

— Святой Моисей, до чего же хорошо сказано! По этому случаю надо пропустить глоточек!

Нейлоновая сетка приподнялась, и стакан с виски беззаботно приблизился к ротуку, полному самого прекрасного зубного золота. Целое состояние на деснах! В какое искушение оно введет когда-нибудь врачей-бальзамировщиков и служащих похоронного бюро! Я продолжала верить, что миссис Тёрнэек принадлежит к тем женщинам, которым нечего бывает сказать, а потому они и говорят не умолкая. Я ошиблась. У нее было что сказать, и она вскоре высказала это:

— Все, что я до сих пор излагала вам по поводу исследования ширины мужских седалищ, было лишь прологом к основному предмету, о котором я хочу поговорить с вами. Год назад в Калифорнии основано новое общество: «Society for Domination of Woman». Как вам должно быть ясно уже из самого названия, инициатива создания этого общества принадлежит мужчинам, двуногим мулам, которые хотели бы повернуть историю вспять, к мраку средневековья! Общество избрало своим девизом вопль отдельных глупцов о помощи: «Мы требуем равноправия! Мужчины Америки, подымайтесь на борьбу против женского засилья!» И вся эта бессмысленная возня мужчин началась из-за того, что женщинам в Соединенных Штатах принадлежит более восьмидесяти пяти процентов всей собственности, а в ближайшем будущем процент этот еще более возрастет. Женщины Америки не в пример мужчинам развивают у себя не зады, а мозги. И я заверяю вас, миссис Карл-не-могу-выговорить, что эта страна и впредь будет управляться не широкими и тяжелыми задами мужчин, а умом женщин. «Society for Domination of Woman» пытается продвинуть мужчин на руководящие посты в деловом мире и низвести нас, женщин, создавших эту могучую страну, до рабского положения, в котором находятся наши бедные европейские сестры! Вот почему мы, женщины Америки, основали контрдвижение — «Society for Stupidity of Men», борющееся за права женщин. Наше общество имеет сотни местных отделений во всех штатах, а два месяца назад мы развернули нашу деятельность и в международном масштабе. На недавно состоявшемся конгрессе меня избрали президентом этого общества, и теперь

я намерена ознакомиться с положением в разных странах. Вот почему я хочу посоветоваться с вами, миссис Карл... простите, назовите, пожалуйста, по буквам, как пишется это ваше дурацкое имя?

— К-а-р-л-с-с-о-н-К-а-н-а-н-е-н.

— Да, миссис Карлссон-Кананен, я хотела бы знать, каково положение в... как же называется эта ваша страна?

— Финляндия?

— Ну да, вот именно. Каково положение в Финляндии? Пытаются ли и там мужчины отобрать власть у женщин? Собираются ли мужчины Финляндии пробраться к руководству деловой жизнью или же им по-прежнему довольно хлопот на кухне, у стиральной машины и прочих домашних забот? Я слышала, что «Society for Domination of Woman» тоже собирается развернуть международную деятельность. Поэтому во всех странах нам следовало бы организовать энергичный отпор, и как можно скорее! Что вы думаете об этом, миссис Калсен-Кэнэнэн?

— Условия в Финляндии настолько отличны...— начала я.

— О-о-о! Неужели там господствуют мужчины?

— В некотором роде... отчасти...

— О, святой дым! Я так и предполагала! Значит, там точно такое же положение, как и в прочих отсталых... ах, простите, слаборазвитых странах. Очень хорошо, что я встретила вас. Вы ведь знаете мужчин, не правда ли, миссис Кал...?

— Карлссон-Кананен. Да, конечно. Я два раза была замужем.

— Этого мало. Я — восемь раз. Несчастливая любовь приводит обычно к браку, а затем все попавшие в брачные сети горюют об утраченной свободе. Мужчины не рождаются хорошими мужьями, женщинам приходится их воспитывать. Но где же нам взять для этого достаточно времени? После смерти Брюса я твердо решила, что не выйду больше замуж. Я не хочу влюбляться в девятый раз, хотя у меня теперь как раз самый опасный возраст. Мне только что исполнилось шестьдесят восемь. Мы ведь с вами примерно ровесницы, не правда ли?

— Я чуточку моложе,— ответила я с досадой.— Мне в сентябре исполнилось сорок один...

— Для идейной деятельности разница в возрасте не имеет никакого значения, миссис Калсен... Во всяком слу-

чае, у нас есть общая цель: держать мужчин в повиновении. А теперь я осмелюсь предложить вам, чтобы вы по возвращении домой сразу же взялись за организацию финской национальной секции «Society for Stupidity of Men». Я знаю, что у вас нет необходимых средств, но это дело поправимое. Мой благотворительный фонд «Rachel & Bruce Turnpack Foundation» пожертвует вам для начала сто тысяч долларов, и это будет вашим основным капиталом. Кроме того, мы сможем присылать в вашу страну выдающихся ученых-женщин, а иногда, пожалуй, и мужчин (зачем же от них начисто отказываться?) для чтения лекций и преподавания в школах. Если наше движение даст в Финляндии хорошие всходы, можно будет выделить из того же фонда моего имени ссуды финским любителям науки, что позволит им приезжать сюда в Америку для продолжения своей учебы. Особенно важной задачей я считаю измерение седалищ. Доктор Ламберт уже сейчас располагает абсолютно неопровержимыми доказательствами той истины, что сидячий труд не подходит мужчинам, в силу чего их и не следует сажать на руководящие посты. Исключения составляют лишь сенат и конгресс, где работают седалищными мышцами, а также венецианские гондолы, для управления которыми можно по-прежнему оставить мужчин-гондольеров. Как я уже сказала вначале, миссис Карлссон, цель моя состоит в том, чтобы помочь вашей стране, попавшей в столь бедственное положение. Финляндия должна непременно войти в союз передовых наций, где доминирующую роль играют женщины и где всеми делами руководит предприимчивый женский ум, а не грубые мужские седалищные мышцы. Ну вот и все. Теперь вам, я надеюсь, примерно ясна суть дела? Желаете ли вы, как финская деловая женщина, вступить в наши ряды?

— В принципе у меня нет никаких возражений, но сначала надо выяснить обстановку. Завтра я уезжаю обратно в Финляндию и сообщу вам незамедлительно, какие действия будет для меня возможным предпринять.

— Блестяще, миссис Карлсен-Кюнэнеен! И помните, что мой благотворительный фонд готов поддержать вашу деятельность.

Я встала, чтобы поблагодарить миссис Тёрнэек и попрощаться с нею, но она уже совершенно освоилась с обстановкой и чувствовала себя настолько по-домашнему,

что спокойно раскрыла сумочку и снова достала плоскую фляжку с виски. Принципы ее были непоколебимы: она и на этот раз отказалась от воды и наслаждалась виски в неразбавленном виде. Затем эта победительница восьми брачных кампаний стала интересоваться моими деловыми успехами. Когда я рассказала ей, между прочим, о системе ПУ, она в восторге воскликнула:

— Ну, так у вас, стало быть, просто выдающиеся заслуги в борьбе за права женщин!

Внезапно взгляд ее сделался как бы отсутствующим, словно она вспоминала что-то пережитое, после чего она вдруг спросила:

— Вы успели взять патент на ваше изобретение?

— Нет.

— Продайте идею мне!

— Возьмите ее даром.

— Нет, я ничего не беру даром. Даже пекарь продает все, что он намесит. «Передвижные удобства»... «Передвижные удобства»...

Она залпом опорожнила стакан и, вскочив, воскликнула:

— Миссис Карлсен! Вы дали мне в руки действенное оружие, которое наконец-то поступит в серийное производство. «Передвижные удобства» — какая сатанинская пытка для мужчин, привыкших хлестать пиво! Нет, теперь я должна идти! Я немедленно поставлю вопрос перед плановым отделом моего концерна. «Передвижные удобства» — да вы просто гений, миссис Карл-будьте-вы-кем-угодно!

Миссис Тёрнэек посмотрела на свои часы, которые всегда напоминали о том, что время — деньги. Она больше не могла тратить ни одной минуты. Прощаясь со мной, она на ходу сделала предложение:

— Согласны на обмен? Если вы разрешите мне запатентовать на мое имя «передвижные удобства», то я сегодня же передам вам разработанные доктором Ламбертом диаграммы седалищных измерений мужчин. Ну, согласны? Вот моя визитная карточка.

— Благодарю вас. Разумеется, я согласна.

Она бросилась к выходу, восклицая в воинственном задоре:

— Ах, святая корова, вот это лакомая штучка! Теперь у меня снова будет случай прижать сенат и конгресс. Ну

и дыму будет, когда все мужские идеи сгорят дотла! И уж, клянусь, не будь я Рэйчел Тёрнэек, что писсуаристам в этой стране не дожидаться никакой пощады!

Она выбежала в коридор и устремилась к лифту.

— Вниз, на первый этаж, скорее! — приказала она лифтеру и еще в последний момент крикнула: — Миссис... миссис финка! Пишите мне. И помните: первая задача — обмерить у финских мужчин...

Голос ее потонул в шахте лифта. Я заперла дверь номера на ключ, бросилась на диван и, к моему великому огорчению, должна была признать, что за эти годы я отвыкла от своей родины. Неужели все-таки мистер Менкен говорил сущую правду, утверждая, что и у мужчин тоже бывают мозги?

* *
*

«Всех женщин, достигших пятидесятилетнего возраста, надо неукоснительно сжигать на костре», — так повелел некогда жестокий Дракон. Чудовищная идея — даже в устах мужчины. Правда, за истекшие столетия средняя продолжительность жизни женщины настолько возросла, что если бы Дракон был жив, он говорил бы, вероятно, уже о женщинах, достигших семидесятипятилетнего возраста, и, следовательно, у миссис Тёрнэек оставалось бы еще впереди семь прекрасных прощенных лет, полных кипучей деятельности.

С легким сердцем и бесценными таблицами седалищных измерений вернулась я в Финляндию после успешного завершения моего посольства и сразу попала в окружение корреспондентов и радиорепортеров, требовавших у меня интервью. Что ж, я сумела из перышка сделать пять кур, как сказал Ханс Кристиан Андерсен. Повсюду я видела плоды своих трудов: многие мальчишки разгуливали по улицам в ковбойских штанах, засунув за пояс игрушечные техасские пистолеты; на груди моего шофера красовалось прелестное произведение западной культуры: галстук из искусственного шелка, на котором был отпечатан гавайский пейзаж и три девицы с обручами «хула-хуп»; заслуженный почтальон Йоганссон — честный государственный служащий, раз в день заходивший в мою контору, — курил сигареты «Кэмел», а министр Э., по чьей инициативе я отправилась за океан, в эту столь выгодную

миссию попрошайничества, теперь, когда я пришла к нему, чтобы доложить о своих впечатлениях от поездки, не переставая жевал резинку. За этим занятием я и застала его.

— Мадам, вы великолепная женщина! — воскликнул маститый деятель, бросившись пожимать мне руку обеими руками готовый чуть ли не расцеловать меня. — Вы поистине выдающийся человек, вы наша благодетельница! Мне ведь тоже досталось десятка полтора посылок с американскими подарками! Моя жена наконец-то получила норковую шубку, о которой так давно мечтала, а младший сынишка — ковбойские сапоги. Если так будет продолжаться и дальше, мы скоро заживем, как в раю. Благодарю вас, благодарю от лица миллионов людей и заявляю: если у вас когда-нибудь возникнут трудности, которые я хоть в какой-то степени смогу облегчить, то без всяких церемоний сразу же обращайтесь прямо ко мне. Примите, мадам, мои наилучшие и сердечнейшие...

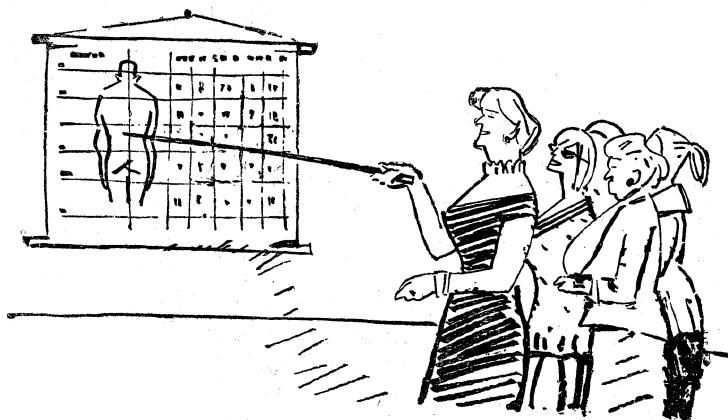
Я была не в силах выслушать до конца его сладчайшие дипломатические любезности и постаралась уклониться от столь торжественного приема: мне захотелось почему-то кислого ржаного хлеба...

Энсио Хююпия в мое отсутствие отличился: целых три недели он потратил на лечение в противоалкогольном стационаре и, естественно, дела запустил невероятно, что и можно было ожидать от мужчины. Все же он кое-что придумал и разработал некоторые новые планы, о чем я расскажу в следующих главах, и два раза ходил в суд — улаживать какие-то дела, связанные с нормированием и лицензиями.

Когда я преподнесла ему в подарок по случаю моего возвращения коробку сигарет, он был явно разочарован и с нескрываемой грустью спросил:

— Разве в самолете больше не продают коньяк?..

Все главные женские общества, в которых я выступила с докладами о результатах измерений, произведенных доктором Ламбертом, пока что заняли выжидательную позицию. Коммерческая советница Санелма С. высказалась в том духе, что время для проведения массовых седалищных измерений в нашей стране сейчас особенно неблагоприятно: большинство мужчин побывали на

военной службе и вследствие плохого питания и тяжелых условий жизни утратили свои нормальные габариты, ну, а тем, кто в военные годы продолжал свою деятельность в тылу, пришлось поневоле втискиваться в такие тесные бомбоубежища, что теперь они уже только с большим трудом могут сидеть на двух стульях. По мнению ответственного директора Фанни К., проведение измерений могло бы сейчас оказать политически неблагоприятное воздействие: наши обмеры наверняка были бы использованы как средство пропаганды, поскольку теперь вообще так много толкуют о восстановлении довоенного уровня жизни. Магистр Рийта-Хелена Р., председательница «Союза

служащих женщин и домашних хозяек», присоединилась к предыдущим ораторам, добавив следующие собственные соображения:

— Я нисколько не сомневаюсь в научной убедительности таблиц седалищных измерений доктора Дика Ламберта. *In facto* они обладают величайшей доказательной силой, однако *in casu* (я думаю прежде всего о своем собственном муже) они могут иметь результативно очень негативное влияние. *In concreto* измерения породили бы новые измерения, и *in fine* нас захлестнул бы потоп измерений. *In effectu* мужчины ведь и в настоящее время лихорадочно проводят обмеры бюста у женщин, и они могут опубликовать результаты этих измерений *in grahi*, когда угодно. Я все-таки не желала бы, чтобы в протокол было записано о таблицах измерений седалища у мужчин *in metogiam*, а предлагаю вернуться к рассмотрению данного вопроса когда-нибудь в другой раз.

Мудрое и глубоко обоснованное слово магистра Рийты-Хелены Р. (она была преподавательницей латинской орфоэпии, до того как родила девятого ребенка) было принято с большим удовлетворением почти во всех наших организациях, отстаивающих интересы женщин. Итак, мне оставалось только срочно телеграфировать миссис Рэйчел Тёрнэкк: *«Седалищные измерения замаринованы тчк Повремените перечислением денег присылкой лекторов тчк Минна Карлссон-Кананен».*

По-моему, я сделала все, что было в моих силах, чтобы поддержать миссис Тёрнэкк в ее благородной деятельности. Она ответила на мою телеграмму, грозя немедленно приехать в Финляндию и на месте, лично, изучить ситуацию. Одновременно она справлялась, имеются ли в Финляндии сигары и виски и не следует ли запастись всем этим в Америке на время поездки. Я сообщила ей действительное положение вещей и рекомендовала отложить поездку до лета, когда в изобилии будет продаваться «понтика» (водка из отходов целлюлозно-бумажного производства), очень похожая на американское виски. При этом я, как могла, расхваливала ей очарование финского лета, неповторимую красоту бесчисленных озер, совершенно позабыв о том, что она питает отвращение к воде и боится бактерий больше, чем бога. После девятнадцати телеграмм она согласилась отложить поездку на семь месяцев и наконец оставила меня в покое, что было как

нельзя более кстати. Дело в том, что Энсио Хьююпия непрерывно донимал меня своими новыми выдумками, причем многие из них были осуществимы только с помощью хороших связей. А этим я, кажется, обладала теперь в достаточной мере. Ведь я была посланцем доброй воли, бескорыстным пионером, зачинателем в области производства эрзацев... И притом я — дитя черных дней — никогда не забывала о том, что сама являюсь сиротой. Друзей изумляли огромные размеры моих доходов, крайняя скромность которых еще больше удивляла чиновников налогового управления и мою американскую знакомую, миссис Рэйчел Тёрннэкс.

* * *

*

На второй день рождества 1945 года Энсио Хьююпия пригласил меня к себе домой обедать. Заново обставленная квартира, прекрасно одетая хозяйка и щедрые дары богато сервированного стола — все говорило о хорошей конъюнктуре на черной бирже. Находясь в семье Хьююпия, я особенно ясно поняла, что опасения миссис Тёрннэкс относительно возможности перехода мирового господства в руки мужчин были вполне обоснованы. Сила частной экономики дала Энсио возможность захватить власть. Бывший адвокатик «ПОТС и К⁰», который порой на улице ревел, как буря, но дома едва слышно попискивал, со временем превратился благодаря юридическому таланту и солидным доходам в самодержавного царька своей семьи; жене его принадлежало последнее слово только в том случае, когда она просила прощения. Теперь это был уже не прежний кроткий «рыцарь жениной туфли», вечно в чем-нибудь оправдывающийся, а какой-то надменный «фюрер», один многозначительный взгляд которого заставляет жену молчать, а детей — учить уроки. У меня возникло чувство вины, ибо не кто иной, как я из года в год толкала его на дела, требовавшие смелости и решительности. Я совсем забыла, что мужчине не следует слишком поощрять и чрезмерно благодарить, ибо все это действует на гипофиз его честолюбия, вызывая патологический душевный гигантизм. Симптомы этой опасной болезни наиболее ясно проявляются в домашней обстановке, когда гости дивятся волевым качествам мужа и умиленно восхищаются изысканными манерами жены. В каждом мужчине

скрыты зачатки, или первоэлементы, душевного гигантизма. Каждый мужчина горячо желает, чтобы его жена была Венерой Милосской: не имея рук, она не могла бы проверять содержимое карманов своего мужа или хотя бы пальчиком коснуться общей семейной кассы.

Обычно такие визиты превращаются в «деловые обеды», на которых приходится очень много говорить, прежде чем что-нибудь дельное будет высказано. Энсио хотел представить мне доктора Антеро Куйвалайнена, с которым он познакомился, когда я была в отъезде, и даже заключил с ним определенные соглашения. Антеро Куйвалайнен был доктором химических наук. Куйвалайнен означает «суховатый» — и это имя вполне подходило ему. Он был маленьким, хилым человечком — такого низенького росточка, что рюкзак, одетый ему на плечи, обязательно волочился бы по земле. Прошло два часа, прежде чем он сумел сообщить, что вообще — говорит — очень — медленно. В Финляндии слишком много господ и слишком мало джентльменов. Прослушав в течение трех часов этимологические рассуждения доктора Куйвалайнена, я заподозрила в нем джентльмена. Он изложил в главных чертах ниже следующее.

— Годы войны сделали нашу жизнь ненормальной. В данном случае под нормальной жизнью я понимаю такое положение, когда статистика человеческого питания и статистика заболеваний находятся между собой в определенной гармонии. Под гармонией я понимаю такое соотношение, которое гарантирует каждому человеку постоянную работу, и притом именно такую работу, которая соответствует его призванию. У меня два взрослых сына, они скоро закончат образование и получат профессию. Но что за радость в образовании, если с этой профессией теперь невозможно никуда устроиться? И в данном случае *causa mali*, то есть причина зла, кроется в ненормальности послевоенной жизни. Как вы, госпожа Карлссон-Кананен, вероятно, прекрасно понимаете, мои сыновья посвятили свою жизнь одонтологии — зубоврачебному искусству. Но похоже, что им придется уехать в страны с высоким уровнем жизни, то есть в такие, где зубные врачи действительно нужны.

Маленький сухой человечек вытер со лба пот. Говорить ему было тяжело, но, вероятно, он знал, что рить

канавы еще тяжелее, а потому старался по мере сил тащить тяжкое бремя.

Я сказала ему:

— Господин доктор, я никогда не слыхала, что у нас слишком много зубных врачей.

— Их вовсе не так много. В странах с высоким уровнем жизни зубных врачей пропорционально несравненно больше. Но, чтобы вы поняли, где в данном случае кроется *causa mali*, то есть причина зла, мне придется занять еще минуточку вашего драгоценного времени. Ненормальные условия жизни сокращают потребности и усиливают кризис. Нам не хватает многого, очень многого, сударыня, но вот чего нам особенно не хватает и что в настоящее время у нас почти совершенно отсутствует,— это кариоз, гниение зубов. Лишь после того, как в нашу страну начали прибывать американские посылки, положение стало слегка изменяться к лучшему, но только слегка. Нам требуется решительно усилить гниение зубов, чтобы статистика заболеваний стала нормальной, а профессия одонтолога — выгодной. Алвар Вилска указывал, что кариоз является ценнейшим фактором, способствующим процветанию также других болезней. Все это увеличивает занятость врачей, а в результате повышает их жизненный уровень. Поскольку мне известно, что вы, госпожа Карлссон-Кананен, женщина смелая, умная, свободная от предрассудков и вы пользуетесь в настоящее время влиянием и связями несравненно в большей степени, чем мы, скромные труженики науки, я и осмеливаюсь обратиться к вам.

— Неужели вы хотите, чтобы я снабжала вас кариозом? — изумилась я.

Маленький жрец науки снова вытер лоб и тихо ответил:

— В некотором роде да, мадам. Однако мы скажем об этом несколько иначе. Гниение зубов есть зло, но оно имеет свою причину, которая вовсе не является злом и даже доставляет удовольствие. Вы, конечно, догадываетесь, что речь идет о сладостях и в данном случае конкретно о сахаре.

Я по-прежнему сильно недоумевала, но, к счастью, Энсио Хююпия взял слово и, точно факелом, осветил потемки:

— Дорогая Минна, пока ты находилась в Америке, мне пришла в голову блестящая идея, с которой я озна-

комил доктора Куйвалайнена. Мы сообща набросали план развития производства; он дает новые основания верить в возможность экономической независимости нашей страны. Как ты, вероятно, помнишь, я однажды купил несколько сот гектаров леса,— это, конечно, гораздо меньше, чем у тебя, но все же и мой лес чего-нибудь да стоит. Лишь небольшая часть этого леса вырублена на дрова и на чурки для газогенераторов. Однако дерево значительно выгоднее продавать, перерабатывая его на сахар. Да, из дерева можно делать тот самый сахар, в котором народ Финляндии так остро нуждается!

— Позвольте мне доложить госпоже Карлссон-Кананен,— заметил искренний ревнитель гниения зубов,— что процесс переработки дерева в сахар очень сложен. Но тем не менее это факт: сахар в дереве содержится, и по изобретенному мною методу его можно так рафинировать, что никто не отличит наш сахар от тростникового или свекольного. Я уже сейчас предупреждаю, что изобретение надо непременно запатентовать.

Я забыла, что женщина имеет право улыбаться мужчинам лишь в том случае, когда лживые комплименты поклонников оттеняют ее действительные достоинства. Но ведь речь шла о кариозе зубов, и я вспомнила одну чисто американскую поговорку: «Лучше нарыв на общественном теле, чем два — на собственной шее». Я усмехнулась про себя, и сразу же восхищенные улыбки засияли на губах мужчин.

— Минна! Я знал, что ты одобришь наши планы! — воодушевился Энсио.— Ты великолепна!

— Я хотел бы сказать то же самое,— проговорил будущий усладитель жизни финского народа.— Теперь я смогу продолжить мои ценные исследования, плоды которых будут вкушать все граждане. Сладены получают сахар, а зубные врачи — столь нужный им кариоз. Я сегодня же сообщу моим сыновьям, чтобы они пока спокойно собирали старые иллюстрированные журналы.

— Иллюстрированные журналы? — удивился Энсио Хююпя.

— Да, конечно. Для своих приемных. Ведь это самая тонкая психотерапия — просматривать иллюстрированные журналы, ожидая очереди у своего зубного врача.

— Господа,— сказала я с искренним возмущением,— что значит это варьете? Во-первых, я не одобрила ника-

кого плана, а во-вторых, мне не ясно, в чем, собственно, дело.

Наступила короткая пауза. Мужчины уставились друг на друга. Живи они при дворе Людовика XIV, они, наверное, предложили бы друг другу понюшку табаку, чтобы чиханьем побороть смущение. Доктор Куйвалайнен сказал, бросив на Энсио взгляд, умоляющий о помощи:

— Возможно, вы, юрист, изложите дело яснее? Я, конечно, могу поправить ошибочные толкования и уточнить некоторые понятия — поскольку они касаются химии...

Энсио Хююпия принялся объяснять:

— Милая Минна (он обращался ко мне с такой теплотой и нежностью даже в присутствии своей жены), доктор Куйвалайнен и я — мы оба доверяем тебе. Ты ведь знаешь, какие доходы можно извлечь из дерева?

— Конечно. Дерево дает жизнерадостному лесовладельцу возможность беззаботно получать прибыль, а лесорубу, которому надоела жизнь, оно предлагает крепкий сук, — деловито ответила я.

— Дорогая Минна, не будь злой! — воскликнул Энсио.

— Я бы назвал сейчас госпожу Карлссон-Кананен не злой, — заметил химик, — а склонной весело шутить. Конечно, она понимает, что все самые выгодные операции вначале являются только мечтами.

Тщедушный мечтатель улыбнулся довольно тускло, как человек, долгие годы живший на строгой духовной диете. Он давно уже мечтал не о женских ножках, а лишь о кубических футах древесины, которые сулили ему больше сладости. Энсио поковырял в зубах — тоже проверенный способ восстанавливать душевное равновесие, — привел свои мысли в порядок и продолжал:

— Извини, Минна, я буду говорить опять-таки о дереве, ибо именно в нем вижу теперь будущее нашей страны. Леса Финляндии таят в себе до поры до времени кое-что и помимо бумаги: в них сокрыто несметное количество сахара. Объединение «Карлссон» могло бы сейчас первым начать заводское производство древесного сахара. Для оборудования и пуска завода требуются огромные деньги...

— Не вложу ни марки, — сразу же ответила я.

— И не нужно! — подхватил и парировал мою реплику Энсио. — Ведь это важно для всего народного хозяйства, речь идет о благе всего нашего народа. А раз мы прокла-

дываем путь для такого широкого производства, тут уж требуется государственная поддержка. Поэтому-то мы и надеемся — доктор Куйвалайнен и я, — что ты обратишься в срочном порядке к государственной власти. Объединение «Карлссон» должно получить столько общественных денег, чтобы оно могло построить и оборудовать вполне современный древесно-сахарный завод и наладить на нем производство. За это дело не стоит, однако, приниматься, пока мы не заручимся твердо гарантированной государственной поддержкой. И вот вопрос о получении этих гарантий мы оставляем теперь на решение твоего сердца. Минна, у тебя такие связи — воспользуйся же ими!

Энсио сделал ударение на слове «связи» совсем так, как горный советник Калле Кананен, сумевший благодаря хорошим связям развернуть в Соединенных Штатах солидное производство: он изготовлял блесны, которые прибывали в нашу страну едва ли не в каждой четвертой посылке американских подарков. Идея древесного сахара была, по-моему, «любопытна» в такой же мере, как седалищные измерения миссис Тёрнэек. Правда, доктор Куйвалайнен представил расчеты, согласно которым цена килограмма древесного сахара должна превышать на сорок процентов цену сахара, ввозимого из-за границы («Будут повышены ввозные пошлины», — успокоительно заметил Энсио), но вычисления честного ученого базировались почти исключительно на ощущениях его большого пальца. Точно так же, как и расчеты миссис Тёрнэек. Ведь она утверждала, что сидячий труд не пригоден для мужчин, поскольку он расширяет их седалища. Однако я стала сомневаться в справедливости подобного утверждения. В те редкие вечера, когда я бывала в драме или в опере, мне удалось сделать обратное наблюдение: седалищные габариты ведущих актеров и певцов с каждым сезоном увеличивались примерно на дюйм, а ведь их работа вовсе не была сидячей...

Сильно сомневаясь в успехе операции с деревянным сахаром, я все-таки рекомендовала ее министру, о котором уже упоминалось выше; он принял меня сразу же после рождественских каникул. Он пребывал в отличном настроении, курил сигареты «Филипп Моррис» и тут же радостно объявил мне, что получил к рождеству двадцать американских посылок. В магазины, где с благотворительными целями продавались дефицитные продукты по повы-

шенным ценам, он заходил теперь только ради проформы да еще, пожалуй, потому, что жена его не могла отказаться от любой возможности побыть на людях. Уделив достаточно времени восхвалению собственного возросшего жизненного уровня, он перешел к признанию моих заслуг:

— Министерство народного обеспечения за все время своей деятельности не смогло порадовать нас в такой степени, как сделали это вы, мадам, когда стали «посланником доброй воли». Кстати, на вас очень стильное платье. Какое элегантное сочетание цветов.

Я уже начала было опасаться приглашения на «деловой завтрак», но, к счастью, министр вовремя вспомнил о своем высоком положении или, может быть, просто понял, что красивая женщина всегда одевается так, чтобы все лучшее в ней было открыто. Я представила ему мою просьбу в очень сдержанном изложении и получила обычный ответ, который затем передала моим энергичным компаньонам: указанный министр относится к проекту положительно и обещает при первой возможности доложить о нем правительству.

Поскольку нами выдвигался вопрос о состоянии народного питания (а не об отсутствии кариоза, разумеется), то наш проект незамедлительно рассмотрели, и решение было положительным.

Через полгода древесно-сахарный завод объединения «Карлссон» выпустил первую партию готовой продукции: шесть килограммов деревянного сахара, себестоимость которого достигала двух тысяч двухсот марок за килограмм. Расчеты затрат, представленные доктором Куйвалайненом, не оправдались, и он испытывал беспокойство при мысли о будущем своих сыновей. Тем временем производство продолжали — ведь дело-то было общественно полезное, направленное на улучшение народного благосостояния! Однако результаты по-прежнему не удовлетворяли никого. Расход сырья был огромен, и потому цена килограмма сахара оставалась слишком высокой. Министерство потребовало объяснений. Я послала объясняться доктора Куйвалайнена, и снова мы добились распоряжения продолжать работу. Правда, на этот раз — с некоторыми изменениями в производственном процессе. В качестве сырья теперь уже использовали не финское дерево, так как содержание сахара в нем оказалось чрезвычайно низким. Но свет ведь не сошелся клином на финском дереве, — к счастью,

дерево имелось и в других местах (хотя финнам трудно поверить в это). В Соединенных Штатах Америки на старых, заброшенных кладбищах росли клены, их древесина отличалась довольно большой сахаристостью, как установил доктор Куйвалайнен, специально ездивший туда в научную командировку с двумя переводчиками. Поскольку опять-таки речь шла об улучшении питания народа, импорт американского сахаристого клена был разрешен особым постановлением, и в адрес нашего знаменитого древесно-сахарного завода прибыло три парохода американских дрв. Дело пошло лучше, и цена килограмма сахара упала до двух тысяч марок. Доктору Куйвалайнену снова пришлось давать объяснения, и он сумел их дать с таким успехом, что вновь пришло распоряжение: производство продолжать. Однако теперь мы уже ввозили не толстые шишковатые бревна, употребляемые американцами на изготовление паркета, а закупоренный в бочки кленовый сироп, из которого варить древесный сахар было уже гораздо легче...

Доктора Куйвалайнена не приговорили ни к лишению свободы, ни даже к штрафу, ведь он занимался исследованиями, содействуя развитию финской науки, но все же после всего случившегося его уже не приглашали во дворец президента на балы по случаю Дня независимости. Древесно-сахарный завод объединения «Карлссон» прекратил производство сахара из кленового сиропа. Остатки продукции пришлось распродать по цене пятьдесят марок за килограмм. Все понесенные объединением убытки возместила государственная казна, поскольку даже канцлер юстиции не мог найти в деятельности объединения никаких признаков обмана. Я была счастлива тем, что отделалась от сахарного производства, но зато для Энсио такой исход означал душевную травму. Еще и по сей день он отказывается верить, что Финляндия не обетованная страна сахарного производства.

Когда древесно-сахарный завод закрыли ввиду полной нерентабельности, Энсио впал в глубокую мрачность. Я пыталась его утешить, напоминая, что разведение сахарной свеклы тоже ведь сопряжено с неприятностями, поскольку заводы могут работать лишь несколько месяцев в году; что же касается главной причины кариоза, то ее, в недалеком будущем, бесспорно, начнут ввозить из-за гра-

ницы. Но он только понуро мотал головой, повторяя:

— Как же быть с моими лесами?

— Они всегда приносят выгоду. Бумага, сосновая смола, спирт, дрожжи...

Он улыбнулся вымученной улыбкой старого инвалида и тихо, со вздохом проговорил:

— Да, но все это не приносит кариоза... Мне так хотелось, чтобы сыновья доктора Куйвалайнена открыли свою практику!..

— Они ее откроют. И тогда их отец сможет прекратить свою практику. Оставь все эти мысли, пойдем лучше со мною завтракать. У меня тоже имеются кое-какие новые идеи.

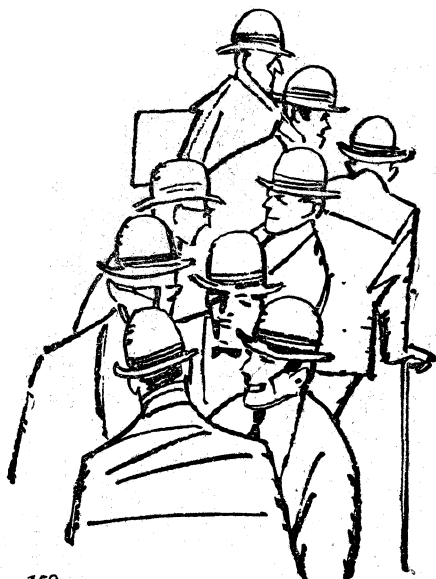
Лицо моего компаньона просветлело.

— Минна, ты просто ангел!

— Ошибаешься. Ангелом бывает только жена вдовца.

И еудача с производством деревянного сахара едва не лишила объединение «Карлссон» доброй и незапятнанной славы (некоторые газеты делали все, чтобы очернить мою фирму), но Энсио спас ее в последний момент. А именно — по его совету мы стали производить сахарин. В то же время мы оборудовали маленький заводик жестяной тары, который начал выпускать практичные и красивые коробочки для сахарина. Разбогатевшие на войне почтенные граждане покупали коробки в ювелирных магазинах, а простые люди, живущие на зарплату, постоянно довольствовались добротными изделиями нашего объединения; к тому же полпроцента чистого дохода, приносимого жестяными коробочками, объединение жертвовало на различные благотворительные цели, и это избавило нас от бремени налогов. Дурная слава Лукреции Борджа оказалась намного долговечнее, нежели ее поразительная красота. Я пока что ни сколько не опасалась преждевременной утраты какого-нибудь из атрибутов успеха. Мне было только сорок лет, и никакими вспомогательными средствами косметики я еще не пользовалась. Что же касается моей славы, то она стала еще громче прежней с тех пор, как я начала бескорыстно служить общественному благу.

В один прекрасный день мне сообщили, что

на нескольких пароходах доставлены различные продовольственные, галантерейные и бакалейные товары, завалы на армейских складах Соединенных Штатов. Шоколад, ляд, москитное масло, паста для бритья, сироп «кока-кола», тальк, открытки с видами и солдатские ботинки — всем этим торговать было нетрудно, но в общей массе лежалого довольствия имелось много изделий, не находивших сбыта.

— Мадам Карлссон-Кананен, — обратился ко мне начальник отдела министерства, которому пришлось заниматься изучением и распределением завали, полученной из-за океана, — не можете ли вы нам помочь? Министр Э. рекомендовал мне проконсультироваться с вами. Вы контролируете такой широкий сектор производственной и торговой жизни в нашей стране, что наверняка сможете дать нам мудрые советы.

— О каких изделиях идет речь? — спросила я чиновника, который производил впечатление человека искреннего и жизнерадостного. Видно, он не особенно печалился о распределении американских товаров.

— Ни оптовые, ни рознично-торговые предприятия не желают брать вещи, предназначенные для тропического климата, как, например, дубинки для борьбы со змеями, мазь от песчаных блох, снадобья для бальзамирования и учебники японской грамоты...

— Кому же они в Финляндии могут понадобиться! — воскликнула я сочувственно. — Все это и у меня не вызывает никакого интереса.

— К счастью, такого рода предметов очень мало, мы можем, наконец, подарить их музею какого-нибудь миссионерского общества. Но возникает вопрос о некоторых других товарах, имеющих в огромном количестве. О возможности их использования мне и хотелось бы потолковать с вами, госпожа экономическая советница...

— Не советница, а просто госпожа...

— Простите, простите... Я был уверен, что вам уже объявлено... Ну, ладно... пусть это пока остается тайной...

Стараясь скрыть свою неловкость, он начал быстро листать списки товаров и продолжал:

— Когда при распродаже с аукциона покупают сразу «весь скарб», то там наряду со столовым серебром оказывается фикус и старая качалка. Мы тоже в некотором роде купили «весь скарб» и теперь, выражаясь аллегорически,

погибаем, заваленные всеми этими фикусами и качалками. На таможенных складах лежат, ожидая своего покупателя, две большие партии неликвидных товаров: канадских лесных лыж и плотного шляпного фетра.

— Шляпного фетра? — удивилась я. — Но ведь на него как будто должен быть спрос.

— Да, конечно. Все дело в том, однако, что министерство приняло решение продать фетр и лыжи только оптом, в одни руки. Иначе говоря, хотите купить канадские лыжи, покупайте заодно и фетр, и наоборот. Не улыбайтесь, сударыня, такое решение было принято единогласно и теперь уж с этим ничего не поделаешь.

Я не решалась сколько-нибудь обнадеживать его, пока не познакомлюсь с образцами и не поговорю с моим мудрым советником Энсио Хьююпия. Время для разговора я выбрала неудачное: раннее утро, когда большинство людей страдает хронической брюзгливостью. Умные люди поэтому выбирают профессию актера, чтобы иметь возможность спать до полудня. Энсио не нужно было, конечно, менять профессию, только бы он с вечера несколько экономнее пользовался алкоголем, потому что чем более высокого градуса достигал он вечером, тем на более низком уровне оказывался поутру. Когда я рассказала ему о канадских лыжах и о фетре, он обеими руками схватился за голову и взмолился:

— Пощади, добрая душа! У меня и так голова раскалывается на части! Довольно с меня благотворительной деятельности... Впрочем, ты ведь имеешь право сама решать... Во всяком случае, я возражаю.

Я не могла осуждать моего компаньона за мнение, несогласное с моим, ибо если два человека всегда высказывают одно и то же мнение, то один из них просто лишний. Кроме того, у мужчин наблюдается естественная склонность не только к мании величия: для сохранения своего божественного самомнения они считают необходимым по каждому вопросу возражать против предложений, которые вносит женщина. Уродливое воспитание приучило их требовать от женщины любви, почтения и притворства.

И все же для меня явилось в какой-то мере сюрпризом, когда во второй половине дня Энсио пришел ко мне в кабинет с сияющими глазами и веселой улыбкой во весь рот. Он просил извинения за свою утреннюю раздражи-

тельность («Как мне избавиться от этой чертовой мигрени?») и сказал, что получил образцы лыж и фетра...

— Захватил их по пути в аптеку...

Но он не ограничился тем, что раздобыл образцы. Он успел пригласить в Правление нашего объединения экспертов и специалистов по лыжам и фетру — на вечернее совещание. Он также пригласил на это совещание в качестве наблюдателя заведующего рекламой нашего объединения, поэта Олави Хеймонена, который опубликовал наконец свой первый сборник стихов. В честь такого события он отрастил усы и приобрел трость. Об этом поистине великолепном чуде я еще расскажу в одной из следующих глав. Здесь надо только отметить, что он действительно родился поэтом — и это было несчастьем для него.

Сведущие специалисты дали свое авторитетное заключение, разумеется за хорошее вознаграждение, и плановому отделу объединения пришлось работать с полной нагрузкой и даже сверхурочно. Фетр и лыжи со склада лежалых товаров перешли в ведение объединения «Карлссон». На канадские лыжи сразу же нашлись покупатели. Пять тысяч пар были проданы государственным лесным хозяйствам в Северную Финляндию. Из этих лыж изготавливали отличные приспособления для сушки обуви в лесных лагерях лесорубов, ими заменяли продавленные сетки на старых кроватях, из них делали спицы для прочистки трубок, дорожные вешки, гладильные доски и сухую растопку для печей. Один лесничий попробовал использовать эти лыжи по их первоначальному назначению, но попал в больницу. В свидетельстве о его болезни было написано неразборчивым почерком по-латыни: *fractura femuris complicata* и по-фински: осложненный перелом бедра при падении на канадских лесных лыжах.

Остальные — примерно одиннадцать тысяч пар — были проданы мебельной промышленности. Один талантливый архитектор, специалист по интерьерам, удачно сообразил, что эти лыжи, если их немножко переделать, вполне годятся как спинки к садовым стульям. С чувством удовлетворения прочла я объявление в газетах: «Изящество и комфорт! Добротные изделия Великого Запада! Наконец-то получены в Финляндии!..»

Продвинуть на рынки фетр оказалось гораздо труднее. Как засвидетельствовали представители отечественной шляпной промышленности, из такого сорта материала

невозможно сделать порядочной фетровой шляпы, потому что это так называемый «жесткий фетр», употреблявшийся войсками в тропиках в качестве пола для палаток. Один старый русский шляпный мастер, работавший еще при царизме (теперь у него была маленькая мастерская в Валлила и уже забронированное место на кладбище Малми), когда мы пригласили его для экспертизы, сказал, что купленный нами фетр годится разве что на котелки, но ведь их теперь можно увидеть только в Лондоне да на старинных фотографиях. И все же именно этот царский шляпник подал Энсио Хююпия блестящую идею.

Однажды вечером, после конца рабочего дня, Энсио задержал меня в конторе.

— Минна, можешь меня поздравить. Эврика!

— Неужели ты тоже открыл закон Архимеда?

— Нечто гораздо более важное. Ты, наверно, удивлялась тому, что меня целый день не было в конторе.

— Ты пил, чему же тут удивляться?

— Нет, ни капельки! Я проводил важные совещания. Акционерное общество «Петтерсон и Кумпулайнен, шляпное производство» с будущей недели начинает изготавливать шляпы по заказу объединения «Карлссон» и притом не какие-нибудь там обыкновенные шляпы, а цветные котелки — коричневые, серые, голубые и зеленые. Первая партия — двести тысяч штук.

— Что за безумие! Я не подпишу этой сделки.

— Минна, выслушай меня! Не упускай такого случая в нашей жизни! Считаю, что фетр мы приобрели даром, так как продажа лыж его уже окупилась, значит, придется уплатить только за изготовление шляп. Послезавтра мы получаем образцы, а договор сможем подписать через неделю...

— У тебя жар. Даже глаза покраснели.

— Ну, не надо ехидничать!

— Тебя лихорадит, Энсио. Тебе надо лечь в постель.

— Хорошо! Тогда сама устраивай продажу фетра! Ты стала в последнее время такой осторожной, что... что... скоро начнешь сохнуть от этой добродетели.

Я впервые видела Энсио Хююпия в таком неистовстве. Он бросил карандаш на стол, резко встал и, отойдя к окну, стал смотреть на уныло-безлюдную улицу. Мне он положительно начинал нравиться. Какое удовольствие работать с мужчиной, который не только ни разу не сказал,

но даже не намекал, что интересуется женщинами. Может быть, у него наступила преждевременная старость: в ресторане он интересовался только прејскурантом вин, а не официанткой, на пляже читал газету.

Я предоставила ему спокойно наслаждаться видом из окна, а сама принялась перелистывать бумаги. Наконец охватившая его душевная буря улеглась, и он произнес тоном раскаяния:

— Минна...

Я подняла глаза от дел и спросила:

— Ну?

— Я, кажется, тебя обидел?

— Конечно.

— В таком случае, прошу прощения. Но ведь и ты меня обидела.

— Разве ты не доволен балансом?

Энсио молчал. Как приятно было наслаждаться своим превосходством! Благородное мужское достоинство состояло в том, что мужчина всегда знал, что и как надо делать. Он называл это моралью. Зато женщина угадывала, что, по мнению мужчины, надо делать ей. Это именовалось внутренней чуткостью.

Я же не угадывала, а знала наперед поведение собеседника и потому терпеливо ждала, что мой компаньон сейчас продолжит свои фантастически страстные доводы,— так он, конечно, и поступил. Его план, разумеется, следовало принять, но меня сильно задело то обстоятельство, что Энсио почти заключил договор, не посоветовавшись предварительно со мной. Потом я, конечно, поняла, что мое раздражение было проявлением откровенного эгоизма. Я была похожа на человека, который сердится из-за того, что не может прильнуть к замочной скважине одновременно и глазом, и ухом.

Итак, объединение «Карлссон» начало поставлять товар, имевший поистине историческое значение. Я взяла на службу двух специалистов в области мод и тринадцать разъездных торговых агентов, гарантировав им заработок по меньшей мере на полгода. Реклама и торговое представительство ринулись на покупателя сразу же после того, как «Петтерсон и Кумпулайнен» изготовили первые образцы котелков. Публичный показ этого нового каприза моды происходил в ресторане «Адлон», куда были приглашены многие представители государственной власти и

деловых кругов, законодатели мод и деятели искусств, а также редакторы газет и журналов. Министр Э.— он, впрочем, стал уже экс-министром — и его супруга Шарлотта (урожденная Примас-Тёттерман) взяли на себя роль покровителей проводимого мероприятия. Демонстрацию мод открыл шляпный торговец, коммерческий советник Сулеви Виртанен (член правления акционерного общества «Петтерсон и Кумпулайнен»), передав слово председателю Совета шляпных мод господину Виено Карвонену. Господин Карвонен прочел перед высокими гостями яркую целенаправленную поэму, которую написал специально для данного случая наш заведующий рекламой Олави Хеймонен. Гости наслаждались поэмой, попивая коктейли в приятно непринужденной обстановке общего флирта. Поэма была написана в современном стиле, «свободным размером». У меня сохранились экземпляры всех наиболее значительных творений поэта Хеймонена, и потому я могу сейчас процитировать несколько ударных строк из его шляпного шедевра:

Господин министр, любезные дамы и господа!

Тают тают талончики

единицы промтоварных карточек

ах как их мало и ах как нужны они

на чулки на рубашки на простыни

но без единички

ты можешь покрыть свою голову

о прекрасный венец творенья

новомодным убором

коричневым серым зеленым лазоревым

котелком котелком котелком

Следите за модою мистер

купите

котелок котелок котелок

йес сэр йес сэр йес сэр

без единички без единички

без единой единички

По окончании демонстрации моделей каждый из присутствующих господ получил в подарок новый котелок и пачку рекламных листовок. На следующий день появились — в некоторых газетах даже на первой полосе — самые теплые и восторженные статьи о новинке, которой суждено произвести переворот в модах на мужские

шляпы, — о цветных котелках! Провинциальные газеты перепечатали из центральных репортаж и фото. В последних известиях по радио говорилось о «западном веянии в мире мужских мод» (это сообщение вызвало политические споры, которые усилили разногласия между партиями и увеличили сбыт котелков нового образца). Издаваемый министерством народного обеспечения бюллетень «Недельный рацион» также сообщал о цветных котелках, которые продаются без единиц, но не более чем по три штуки на семью. Поэтому в личной карточке покупателя делают соответствующую маленькую пометку.

В календаре «Общества содействия народному просвещению» я нашла однажды следующую фразу: «Мыслящий человек не может быть стадным человеком». Это мудрое изречение приходило мне на память каждый раз, когда Энсио приносил мне свежие данные о продаже котелков. Я могла лишь с радостью признать, что женщины проявляли в одежде свой индивидуальный вкус, а мужчин привлекала стандартная униформа. Цветной котелок стал нормой, которой мужчины непременно хотели следовать. Они слепо верили рекламе, которой руководил маленький коварный поэтишка. Повсюду в газетах пестрели объявления — перед текстом, в тексте и после текста, — объявления в духе «большого мира», и тут же — фотографии знаменитых боксеров-профессионалов, актеров, модных певцов, государственных деятелей и поваров, улыбающихся в новеньких котелках, а затем — последние новинки торгового словотворчества: «О'кэй, сэр! Покупай котелок! Переходи на западный стиль!» «Robert Taylor Style» — вот современный головной убор каждого финского джентльмена. Только ослы ходят теперь без котелка «Роберт Тэйлор». О'кэй, сэр! Йес, сэр! Одевайся ап-тудэйт, купи котелок «Роберт»! Не отставай от моды, сэр, переходи на котелок!

«Robert Taylor Style» отныне
нужен каждому мужчине!»

Олави Хеймонен оказал неоценимую услугу финнам, обучив их американской модной терминологии. Котелок «Роберт» стал самым ходовым товаром, новинкой дня, символом стадного духа мужчин и пробным камнем четкой работы театральных и ресторанных вешалок. Хотя меновая стоимость котелков была весьма незначительна, однако

же все газеты каждый божий день помещали в отделе «смесь» сотни маленьких объявлений, которые начинались прямо-таки классическими словами: «Обменяли котелок...»

Если бы реклама котелков строилась на том, что это финский товар, финский труд и финская мода, если бы назвать изделие отечественным именем (например, шляпа «Матти», головной убор «Калевала»), тогда, возможно, мы изготовили бы две тысячи штук, а продали всего триста восемьдесят, ибо, согласно неофициальной статистике, в Финляндии было именно такое число патриотически настроенных мужчин, которые с подлинной самоотверженностью покупали всегда только отечественные изделия. И каждый раз — в последний раз! Но Энсио Хююпия, автор идеи «Robert Taylor Style», и Олави Хеймонен, превративший эту идею в жизнь, знали своих соотечественников лучше, чем я: им надо было предложить что-то заграничное и притом с заграничными жестами и словами. Космополитический дух пробудился даже в сельской «глубинке», где зажиточный крестьянин и батрак, получающий плату натурой, — словом, каждый, кто отправлялся в село или в ближний городок за бутылкой отечественного напитка, приготовленного из чисто финского дерева... — приносил домой из лавочки «йессер» и шляпу — «Ропестуле»*. Из знакомых мне мужчин в городе Хельсинки только двое ни разу не надели цветных котелков: судейский помощник Энсио Хююпия и заведующий рекламой объединения «Карлссон» поэт Олави Хеймонен. Может быть, им хотелось казаться оригинальными, а может, они и без того были довольны своей внешностью, как воинственный князь церкви времен Ренессанса — кардинал Федерико Сансеверино, который произнес однажды такие мужественные слова: «Что касается моего тела в целом, то я в нерешительности, поскольку ноги уже не так резвы, как хотелось бы. Но верхней частью туловища и головой своей я совершенно доволен».

За шесть недель в Финляндии было распродано триста сорок тысяч шестьсот семьдесят котелков «Роберт», то есть больше, чем обручей «хула-хуп» двенадцать лет спустя. И все-таки потребности мужчин не были полностью удовлетворены, поскольку кончился фетр. Управление лицензий охотно выдало бы нам импортное разреше-

* «Robert Style» — в произношении финского крестьянина.

ние (на некоторых чиновников управления не хватило котелков «Роберт»), но из страны-поставщика пришло лаконичное уведомление: «Все остатки фетра со складов отосланы в отсталые страны Азии в порядке помощи голодающим. Возобновления производства не будет, если не начнется новая война».

Операция «Котелок» принесла объединению «Карлсон» десятки миллионов марок прибыли. Энсио купил себе американскую легковую машину, а я — танкер водоизмещением шесть тысяч тонн. Больше я не могла отказываться от почетного звания экономической советницы и от нового гороскопа. Последний я заказала у одного финского шведа, ученого-астролога, который испытывал острые экономические затруднения. Вот что мне предсказывали звезды:

«Противоречивые силы планет попытаются разрушить ваши планы. Не падайте духом и отправляйтесь в путешествие, которое предложит вам ближайшее будущее. Под этими знаками жаркая волна счастья пройдет сквозь вас, и вашей великой удаче будут завидовать. Счастливым день — среда, счастливый миг — в пятницу, 23 ч. 50 мин.»

В самый разгар эпидемии цветных котелков — лишь немногие знали источник инфекции — миссис Рэйчел Тёрннэкк появилась в Хельсинки. Ее поездка несколько раз откладывалась и в итоге оттянулась на одиннадцать месяцев. За это время я почти забыла о возложенных на меня ответственных задачах. Миссис Рэйчел Тёрннэкк не знала, что такое «Robert Taylor Style», и это

было вполне понятно, поскольку и сам Роберт Тэйлор также не имел о нем ни малейшего представления. Увидав повсюду околпаченных господ и джентльменов — эпидемия никого не пощадила, — миссис Тёрннэкк приняла их за отставных солдат национальной гвардии, которые со штатским костюмом продолжают носить цветной шлем. Когда я рассказала, в чем корень зла, она с восторгом воскликнула:

— О-о-о, миссис *Каалисин-Кэнэнэнни!* Какое восхитительное варьете!

Ей так понравился вид хельсинкских улиц, что она отказалась от посещения женской клиники, здания парламента, Дворца детей и финской бани — всего, что финское консульство в Нью-Йорке включило в программу ее поездки в качестве объектов, требующих ознакомления. Я очень удивилась, узнав, что в программе отсутствовали Дом одиноких матерей, Дворец президента, Национальный музей, рынок Хаканиеми и Башня стадиона. Это объяснялось, вероятно, кратковременностью визита миссис Тёрнэек. Она прибыла в Хельсинки лишь на четыре часа, поскольку очень торопилась посетить одну деревушку в Афганистане, где, по слухам, каждая совершеннолетняя женщина и поныне пользовалась правом иметь пятерых законных мужей одновременно.

За время краткого посещения Хельсинки миссис Тёрнэек сумела все же получить основательное представление о положении финской женщины в позднекалевальском обществе. Заметив, что в трамваях и автобусах — которые, кстати, всегда настолько переполнены, что даже мужчинам не хватает сидячих мест, — кондукторами работают женщины, она просто в ужас пришла. Миссис Тёрнэек считала необходимым освободить женщин от работы в качестве парикмахерш и официанток, продавщиц мяса и разнощиц газет. Наконец она откровенно признала, что засилье мужчин в Финляндии все еще так велико, что приступать к обмеру седалищ было бы совершенно безнадежным делом. Пока приходилось ограничиться лишь первоначальной просветительской деятельностью.

С целью поддержания таковой она передала «Союзу служащих женщин и домашних хозяек» чек на сто долларов для покупки на эту сумму кондитерских изделий, имеющихся в коммерческой продаже (без карточек), и устройства торжественного распития кофе по случаю ежемесячного собрания, на котором будут обсуждаться работы членов союза. Кружку рукоделия «Жены директоров» она также подарила сто долларов на приобретение магнитофона. Других пожертвований миссис Тёрнэек на сей раз не делала. Зато она весьма рекомендовала свой знаменитый Фонд стипендий, из которого талантливые любители науки могли получать безвозвратные ссуды на проведение научных исследований. Конечно, имелись в

виду преимущественно те науки, которые способствуют улучшению условий жизни женщин. Кстати, она была необычайно рада узнать, что я по-прежнему являюсь генеральным директором объединения «Карлссон» и его главным акционером, причем у меня нет времени днем спать в своем директорском кабинете, но нет также и необходимости принимать на службу в штат объединения своих бывших любовников.

Едва я отделалась от миссис Тёрнэек, как на меня, точно гром с ясного неба, свалился наш заведующий рекламой Хеймонен. Ему удалось издать второй сборник своих стихов — в честь такого события он отрастил окладистую бороду и женился. Теперь он пришел просить внеочередной оплаченный отпуск сроком на год, чтобы провести медовый месяц за границей. В одиночестве. Жена вынуждена оставаться дома, так как она ждет ребенка. Я переговорила с Энсио Хююпия, и он, как юрист, посоветовал мне следующее:

— Наш исключительно ясный и простой закон, составленный в такой популярной форме, что его положения способен понять каждый, кто получил высшее юридическое образование, не обязывает работодателя предоставлять служащим оплаченный отпуск для свадебной поездки, за исключением тех случаев, когда указанная поездка совершается во время обычного, очередного отпуска. Отпуска по беременности и на время кормления грудью дают по нашему закону только женщинам. Следовательно, и с этой точки зрения нельзя удовлетворить заявление заведующего рекламой Олави Хеймонена, желающего получить отпуск на время беременности и кормления, чтобы убежать за границу от своих прямых обязанностей кормильца семьи. Дело ясное, и всякие жалобы бесполезны.

Когда я сообщила бедному рифмоплету решение малого правления, он тут же потребовал расчет. К счастью, в это время нам нечего было рекламировать, поскольку следующее мое предприятие было снова общепользным и само рекламировало себя. Все же Олави Хеймонен оказал нашему объединению ряд ценных услуг: система ПУ, клейстер «Карлссон», чернила «Минна», кровельный толь «Армас», паркетная мастика «Энсио» и, наконец, котелок «Роберт» благодаря ему пользовались таким большим успехом. Учтя все это, я выдала ему дополнительно

два месячных оклада. Получив деньги, он выразил недовольство и заявил, что глубоко презирает женский деспотизм. Затем он уехал в какой-то мирный уголок на лоне природы и стал петь дифирамбы финской мадонне.

* *
*

Четвертого марта 1947 года я вылетела самолетом в Нью-Йорк, откуда незамедлительно продолжала свой путь в Южную Америку, в государство К. Я снова выступала в качестве неофициального представителя Финляндии. Нет, я ни в коей мере не представляла правительство или какие-либо политические группировки. Я была посланницей капитала, который не характеризуется никаким цветом, если не считать прилагательного «черный», каковое часто связывается со словом «капитал» и, таким образом, является его фигуральным определением. Не знаю, почему в народном языке деньги представляются черными, хотя в действительности они обычно играют всеми цветами радуги. Роскошно издаваемые журналы писали, что бывшие короли Европы, а также египетский Фарук пьют исключительно цветные коктейли и носят цветные защитные очки. Кстати, черный цвет всегда напоминал мне о делах, поскольку наше объединение все еще вырабатывало типографскую краску и кровельный толь.

Надеясь хоть временно оторваться от будничных забот, я попыталась усвоить современное учение, согласно которому цветов вообще не существует. Различаемые нами цвета — это только живая видимость и политическая пропаганда. Ощущение цвета является лишь результатом какого-то неизвестного процесса, порождающего в нашем мозгу яркие зрительные образы. Действительно, какой-то особый фактор должен действовать в мозгу мужчины, заставляя его видеть небо необычайно синим, лес — сказочно зеленым, а женские губы — маняще алыми (в то время, когда бедняга болен любовным недугом); и, вероятно, должна также существовать какая-то причина для того, чтобы женщина со своей стороны видела все вокруг уныло-серым или мрачно-черным, когда ей приходится ухаживать за такого рода трудным больным.

Итак, ощущение цвета — это всего лишь обман. И вот, сама страдая таким ложным цветовым ощущением, я при-

ехала в Латинскую Америку рассказывать местным владельцам кофейных плантаций о том, что в лесах Финляндии растет «зеленое золото».

В нашей стране издано и продолжает издаваться бесчисленное количество иллюстрированных журналов и записок путешественников, в которых рассказывается о странах и народах Южной Америки. Нельзя осуждать людей за их любовь к экзотике, но все же я оставляю описания природы специалистам этого дела. Таким образом, я избегну их вполне человеческой, профессиональной зависти и буду говорить только о делах коммерческих, до изображения которых могут унизиться лишь очень редкие поэты.

Итак, целью моей было наладить продажу лесоматериалов и изделий из дерева в эту страну, известную разведением кофе, вооруженными путчами и католической, монотеистической верой в римского папу. Большинство местных жителей днем соблюдали сиесту, вечером играли на гитарах, а к ночи собирались в церковь на мессу и раздачу милостыни. Они производили впечатление счастливых людей и говорили о небесах так, будто они там побывали. Весьма счастливым и беззаботным человеком показался мне и наш почетный вице-консул, на визитной карточке которого я прочла следующее:

«Доктор дон Хуан Иисус Мария Гонсало де Саеу и Альканьесес».

Я не знала, доктором каких наук он являлся, но сразу подумала, что едва ли он доктор медицины, ибо тогда, хотя бы из жалости к больным, ему следовало бы сократить свое имя по крайней мере наполовину. Это был мужчина средних лет и, конечно, черноволосый, немного ниже меня, но более грузный. От его волос и усов исходил сладкий запах фиксатуара, а изо рта разило ромом. Он встретил меня в аэропорту на своем новехоньком «кадиллаке» (чем более отсталая страна, замечу кстати, тем новее автомобили у должностных лиц), поцеловал мне руку, влюбился в мои глаза, волосы, фигуру (моя чековая книжка оставалась по-прежнему у меня в сумочке), а заодно и в Финляндию. После этого он позаботился о моем багаже, доставил меня в отель и распростился очень галантно, пообещав вернуться через час, чтобы показать мне свой дом и познакомить с домочадцами.

— Сеньора! Моя семья будет в восторге от вас. Я по-

лучил из Финляндии несколько писем, которые вас необычайно лестно рекомендуют. Последнее письмо пришло вчера от посла нашей страны. Как поживает ваш почтенный супруг?

— Он умер. Первый. А второй...

— Иисус Мария!

Я подумала, что он называет мне свое имя, причем сокращенно — для более близкого знакомства, и ответила:

— Минна!

Маленькое недоразумение, которое может произойти даже со знающим языки, не выбило грациозного дона Хуана из его колеи. Еще раз поцеловав мне руку, он оставил меня на попечение отеля, где имелись следующие удобства: вода, холодная зимой и теплая летом; постель, такая широкая, что на ней могли спать пять взрослых и восемь детей, гитара, ночная ваза, украшенная ручной художественной росписью, и электрический вентилятор.

Аккуратный человек напрасно тратит свое драгоценное время, ожидая тех, кто опаздывает. В этом я могла убедиться с первого же дня, так как доктор дон Хуан Иисус Мария Гонсало и т. д. пришел не через час и не через два, а через восемь часов — незадолго до полуночи. Потом мне стало ясно, насколько это был бдительный консул. Представьте: он был способен на всеощные бдения за бутылкой рома, тогда как днем он, естественно, соблюдал сиесту. Впрочем, я, конечно, не имела права критиковать обычай его страны. Я пришла в восторг от его роскошного дворца и от его семьи, состоявшей из шести взрослых женщин. Я и по сей день не знаю точно, которая же из этих прелестных креолок была его жена, так как он целовал и ласкал их всех поочередно, рассыпая нежные слова в таком изобилии, как пьяный — ругательства.

После исключительно вкусного и прекрасно сервированного полуночного обеда мы уединились в саду и приступили к переговорам. Мой гостеприимный хозяин еще несколько недель назад получил образцы товаров и познакомился с ними.

— Сеньора, — сказал он с изящным поклоном, — в нынешние времена международная торговля — это меновая торговля: мы покупаем у тех, кто покупает у нас.

— А мы продаем тем, кто продает нам,— скромно ответила я.

— Отлично, сеньора! Мы готовы продавать вашей стране кофе, какао, шерсть ламы, удобрения и драгоценные породы дерева. Сеньора, у вас очаровательное ожерелье и великолепная прическа!

— Благодарю вас! Финляндия со своей стороны готова продавать все, что только мыслимо делать из дерева.

— Мне это известно. Но для нас невысказано покупать все. Фанеру в наших краях немедленно пожирают термиты, а спрос на бумагу здесь ничтожен. Сеньора, у вас изумительно пышная грудь!

— Я это знаю! И это подтверждают многие,— ответила я с достоинством.

— К тому же вы прекрасно говорите по-испански.

Я вновь перевела разговор на деловую тему, хотя отлично помнила старое житейское правило: не мешай женатому человеку говорить комплименты чужой женщине, ибо своей жене он все равно не станет их расточать.

Первое деловое совещание не дало никаких результатов. Мы продолжили переговоры следующей ночью, и доктор дон Хуан... де Саец и Альканьесес объявил мне, что он еще с вечера имел важные контакты с ведущими представителями делового мира, с торгово-политическим отделом министерства иностранных дел и с главой государства. Все они, оказывается, весьма горячо заинтересовались, но не финским «зеленым золотом» и не изделиями из него... а мной лично. Было настолько необычно, что в страну, где «мужчины еще оставались мужчинами, а женщины были только женщинами», вдруг приехала женщина ради оживления торговли. О, какое огромное поле деятельности откроется миссис Тёрнэкс, когда «Society for Stupidity of Men» развернет свою деятельность в международном масштабе!

Почетный вице-консул Финляндии осветил мне обстановку вполне убедительно: бумага здесь не требовалась совершенно. Я предложила, чтобы книгоиздатели его страны начали выпускать запретную литературу, тогда потребление бумаги наверняка достигнет рекордных цифр. Я назвала, между прочим, катехизис Лютера и некоторые произведения Вольтера. Маркса и Ленина я не упоминала по политическим соображениям, а Мюкль был тогда еще не известен

даже в собственной стране. Но честный доктор только пожал плечами и сказал:

— Безнадежное дело, любезная сеньора! Я не сомневаюсь, что выпуск запрещенной литературы мог бы значительно повысить в народе интерес к чтению, но нашему народу еще не хватает умения читать. В столице у нас шестьсот тысяч жителей, но лишь четвертая часть из них умеет читать и писать. А индейцам, живущим в джунглях, грамотность вовсе не нужна.

Таким образом, неграмотность делала ненужным издание газет и книг; туалетной бумагой пользовалась только высшая знать; промокательная бумага не требовалась, поскольку в сухом и жарком климате чернила высыхали еще в бутылках; что же касается драгоценной бумаги для денежных знаков, то ее заказывали в Соединенных Штатах, где вся жизнь нации приносится в жертву деланию денег.

И тут я вспомнила о... гигиенических повязках. Я с вечера искала их в десятках аптек и аптекарских киосков, пока один любезный провизор с длинными сильными пальцами и усами настоящего Дон-Жуана не посоветовал мне зайти в посольство некой великой державы: туда названные изделия поступали из Франции дипломатической почтой без пошлины. Я принялась расхваливать консулу финский товар.

— А что же это, собственно, такое? — спросил доктор дон Хуан Иисус Мария Гонсало де Саец и Альканьесес в полном недоумении, и тут мне стало окончательно ясно, что он никоим образом не доктор медицины, а просто окончивший двухгодичную вечернюю школу благовоспитанный сын кофейного короля и доктор *honoris causa* благодаря заслугам отца и древности своего рода.

Через два дня он уже знал, что «это» такое. Наверно, он осведомился у домашнего врача или у своей жены. Во всяком случае, он решительно отверг и этот артикул.

— Сеньора! Это не может иметь сбыта в нашей стране. Здесь этого никто не купит.

— Но почему же, если организовать хорошую рекламу? Разумеется, с одобрения министерства здравоохранения.

— Невозможно, милая сеньора! Католическая церковь предала бы все это дело анафеме. Мы не смеем гневить Его неприкосновенную святость.

— Вы имеете в виду бога, господин доктор?

— Бога? При чем же здесь бог? Я имел в виду, конечно, папу, его святейшество. Но...

Он погрузился в раздумье, встопорщил усы и вдруг прошептал:

— Сеньора, вам известно, что я отец одиннадцати детей и что у меня шесть взрослых дочерей. В моей нравственности есть лишь маленькие прорехи, но их пока еще никто не замечал. У меня было намерение стать священником, но потом я влюбился в мою нынешнюю жену, а ведь вы понимаете, сеньора, что любовь не считается с обетом безбрачия. Я женился, начал продавать кофе и сделал моего отца счастливым. (О мадонна! Я уже два года не был на могиле отца!) Я богат, могу каждому своему ребенку дать в приданое кофейную плантацию. Меня уважают всюду, даже в Финляндии, которая пожелала назвать меня почетным вице-консулом одиннадцать лет назад. Да, репутация моя действительно безупречна, но...

Тут он понизил голос до абсолютного шепота:

— Но, рискуя всем (была ни была!) я куплю для моей семьи, то есть я имею в виду для жены и дочерей моих, в подарок к рождеству парочку пакетов этих повязок... Если можно?

Я обещала исполнить его горячую просьбу, а также поклялась хранить в строгой тайне столь греховный поступок. Мне было ясно, что торговли тут не развернешь, но все же я продолжала:

— Сеньор, разрешите мне побеседовать на эту тему с вашей супругой?

— О, пресвятая дева, что вы говорите! — ужаснулся дон Хуан Иисус Мария и т. д. — И не подумайте! Моя жена — сама чистота, сама невинность, сеньора.

Так и на сей раз совещание закончилось весьма тощими результатами. Но зато вечер следующего дня был уже гораздо плодотворнее. Наш консул еще рано утром имел основательную беседу с министром здравоохранения, и этот развращенный современным воспитанием господин, получивший диплом врача в Сорбонне, отнесся к вопросу чрезвычайно положительно. Он считал такую торговлю даже весьма желательной. Я обрадованно вздохнула и вновь подчеркнула необходимость рекламы.

— Нет, нет, никак нельзя, — парировал доктор honoris

causa.— Единственный человек, кто, пожалуй, мог бы кое-что сделать в данном отношении,— это Эвита Перон, которая осмеливается бросать вызов даже авторитету его святейшества. Однако подобное выступление могли бы опять же истолковать как вмешательство в поистине внутренние дела другого государства, и последствием было бы объявление войны. Но... Я, кажется, нашел выход. Дело это следует провести в тайне.

— Но тогда товар не найдет покупателя.

— Именно тогда-то он и найдет покупателя. Я только доверительно шепну епископу, и он даст указание священникам, чтобы три дня подряд во время каждой мессы они решительно высказывались в проповедях против этого безбожного изделия, продаваемого тайно, из-под полы во всех аптеках и аптечных киосках...

Доктор дон Хуан... де Саец и Альканьесес протянул мне дрожащую руку и сказал:

— О размерах поставок договоримся завтра. Я сначала посоветуюсь с министром здравоохранения. Только, сеньора, милая сеньора, обещайте же мне, что вы ничего не скажете об этом моей жене, ни слова, даже под пыткой!

Я обещала. И вот мы стояли друг против друга, мрачно серьезные, как смертники, как Иисус и Иуда,— проданный и получивший за свое предательство тридцать серебряников...

Тотчас после совещания я телеграфировала Энсио, чтобы он выслал авиапочтой как можно более наглядные образцы всех видов и сортов упомянутых изделий. Я также запросила его, может ли наше объединение в короткие сроки освоить новое производство. Через три дня прибыли посылки с образцами и телеграмма от Энсио, в которой я прочла буквально следующее: *«Отправлять посылки неудобно тчк Лучше закажи сырье и постарайся наладить изготовление на месте тчк Подробности письмом».*

Очень многие мои знакомые всегда недоумевали, почему в конце зимы 1947 года я столь неожиданно исчезла с арены общественной жизни и возвратилась назад только в январе 1948 года (ходили нелепые слухи чуть ли не о каких-то крупных мошенничествах, хотя я не находилась на службе ни в одном благотворительном обществе; говорили также о нервном потрясении, о бегстве за границу, ну, и, конечно, о предметах обычных женских подозрений). Теперь я могу

дать всему этому исчерпывающее объяснение. Объединение «Карлссон» основало в вышеуказанном южноамериканском государстве свое промышленное предприятие, для чего туда из Финляндии были доставлены машины и на трех грузовых пароходах необходимое сырье: химически очищенная целлюлозная вата и перевязочная марля. Картонные коробки для готовых изделий производила фабрика объединения «Карлссон» в Питэямьки, а яркие и привлекательные цветные этикетки для коробок обеспечивала типолитография Тильгмана. Изделия «Кармен» и «Сеньора» благодаря рекламе, которую нам бесплатно предоставила церковь, сразу же стали пользоваться огромным спросом, и на моей маленькой фабрике вскоре уже работало около двухсот пар ловких женских рук. Молва о наших изделиях быстро распространилась и в другие латиноамериканские государства. Даже старухи индианки, которым уже перевалило за семьдесят лет, и те начали употреблять «Кармен» и «Сеньору».

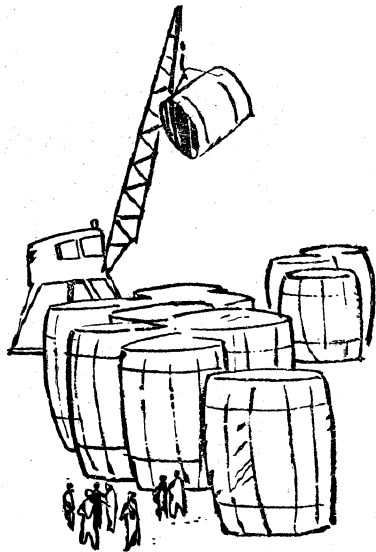
Получив тридцать миллионов марок чистого, освобожденного от налогов дохода, я продала фабрику одной докторской семье. Меня, разумеется, могут спросить: в какой мере моя деятельность была общественно полезной? Отвечу: я доставила народу Финляндии большую радость к рождеству 1947 года, прислав из Южной Америки пароход, груженный хорошим кофе. Мы покупали у тех, кто покупал у нас. Финское «зеленое золото» обменивалось на кофе, какао и удобрения. По-моему, государство К. поступило совершенно справедливо, назначив меня своим почетным консулом в Финляндии, а руководители финской деревообрабатывающей промышленности со своей стороны имели все основания устроить в честь моего возвращения торжественный ужин в ресторане «Савой». Ведь я наладила торговые связи со страной, которая наотрез отказалась от фанеры, древесно-стружечных плит и бумаги, но которая все же стала покупать целлюлозную вату, перевязочную марлю и картонные коробки, а позднее — даже писчую и туалетную бумагу. Женщина продавала — женщины покупали. И мужчины тоже были счастливы.

Теперь во всех аптеках и аптечно-химических киосках нашей страны стали продаваться южноамериканские пакеты «Кармен» и «Сеньора» — точно такие, как те, производство которых я некогда начинала. Это импортный товар, однако сырье для него экспортируется в Южную Америку

из Финляндии. Мы получаем эти товары согласно соответствующим торговым соглашениям, и поэтому они плывут по морям и океанам, совершая кругосветные путешествия. Много, ох, несказанно много работы у миссис Рэйчел Тёрннэкк! Она продолжает свою неутомимую деятельность, чтобы объединить женщин всего мира. Она знает, что единение умножает силы, потому-то столь многие любители пения вступают в хоровые кружки.

а тобой всегда идет большинство, потому что ты привлекаешь дураков на свою сторону», — сказал мне Энсио Хюппия на заседании малого правления, где я подробно докладывала о своей южноамериканской поездке. За эти одиннадцать месяцев я, правда, трижды побывала в Финляндии, но каждый из приездов был столь непродолжительным, что я не успевала полностью отчитаться. С тех пор как милые латиноамериканские женщины стали пользоваться первоклассными изделиями «Кармен» и «Сеньора», продажа кофе с наценкой «на благотворительные нужды» прекратилась в Финляндии окончательно. Многие с нескрываемым раздражением весьма не деликатно намекали, что за новоприобретенным кофе стоят известные промышленные круги, которые совершенно бесстыдно воспользовались услугами некой небезызвестной дамы. Я невольно вырвала из рук десятков благотворительных обществ и объединений лучшую статью их доходов! О, как я презирала людей, которые перешептывались у меня за спиной — особенно в театрах и в кино! Именно поэтому я вышла из «Союза женщин-служащих и домашних хозяек», из «Вечернего клуба деловых женщин города Хельсинки», из общества «Сделаем национальные украшения модными!», а также покинула знаменитый клуб «Фемина». Впрочем, год спустя все эти общества прекратили свое существование, так как у них не было возможно-

сти устраивать распродажу кофе по дорогой цене для поддержания своей деятельности.

В результате совещаний с Энсио относительно планов на будущее мы пришли к единодушному выводу: наша деятельность была слишком многосторонней. Надо было создать новую организацию, избегая излишнего распыления средств. И вот мы прекратили производство более десяти видов различной продукции и отправились в большое морское плавание. У нас и раньше было два хороших грузовых парохода — «Минна I» и «Минна II», перевозивших лесоматериалы в Англию и средиземноморские страны, а также танкерное судно, совершавшее рейсы из Финляндии в порты Черного моря. Но на линии Финляндия — Южная Америка ощущалась досадная нехватка тоннажа. Это признавали даже представители государственной власти, с которыми я вела переговоры о долгосрочном займе на льготных условиях — при пониженном годовом проценте. Министр О. — бывший штатный оратор молодежных организаций, у которого были могучие голосовые данные, а руки, похожие на хлебные лопаты (говорят, внешность он унаследовал от отца, а дар речи — от матери), он-то и порекомендовал мне обратиться к президенту республики. Я последовала его совету, и в один прекрасный день мне была предоставлена возможность доложить президенту Паасикиви о своих планах приобретения торговых судов и открытия линии Финляндия — Панама. Президент выслушал все мои доводы спокойно, затем, протирая очки, довольно сухо сказал:

— Мадам, я не желаю ничего слышать об этих новых линиях. Потрудитесь и вы придерживаться моей линии.

Он снова надел очки и встал:

— Я много слышал о вас, мадам Карлссон-Кананен. Есть у вас ко мне другие дела?

Других дел у меня не было. Я вышла из кабинета в подавленном настроении, но, дойдя до своей машины, я достала из сумочки мое единственное серьезное оружие — губную помаду и решительно наметила свою собственную линию. Затем я велела шоферу ехать домой, где меня уже дожидался мой греческий деловой знакомый и партнер, Ахиллес Агапитидис, занимающийся морскими перевозками грузов.

Я встречалась с директором Агапитидисом несколько раз в Афинах и в Париже, и он мне понравился. Это был на редкость светловолосый и высокий македонец (он ро-

дился в городе Пелла, на родине Александра Великого), безукоризненно говоривший по-английски и не носивший усов. Ему никогда не нужно было наскоро сочинять лживые отговорки для жены, так как он был старый холостяк. Его считали умнейшим человеком в Афинской торговой палате, поскольку он утверждал, что знает, как должна жить женщина. Тысячи женщин влюблялись с первого взгляда в его кошелек, но он решительно отвергал все их заигрывания и сумел сохранить свою невинность, свою независимость и свое состояние. Однако и у него был маленький человеческий недостаток: голос его звучал как-то неустойчиво, и по этой причине он делал ударение на каждом втором слоге. Пожалуй, я даже могла бы влюбиться в него, если бы он не был рожден под знаком Тельца и ел поменьше чеснока.

Очень приятно вести переговоры с господином, который никогда не вносит в деловые отношения косноязычный лепет эротики. Ахиллес Агапитидис лишь покупал лес и бумагу, продавал изюм и мрамор, а в свободные минуты раскладывал пасьянс или изучал мифологию своей страны. Итак, мы оба в одинаковой степени были одиноки. Добродетель имеет много поклонников, но мало последователей.

Случилось так, что я откровенно поведала греческому коллеге свои заботы и печали, назвала ему даже свой возраст и цифру доходов, а также сообщила о том, что мои планы организовать линию Финляндия — Панама развеялись, как миф, при столкновении с линией Паасикиви, не предусматривающей поддержки частного предпринимательства за счет государственных средств. Господин Агапитидис покоряюще улыбнулся, а затем разразился оглушительным, поистине гомерическим смехом:

— Мадам! Неужели вы утратили самостоятельность? Неужели у вас больше нет собственной суверенной линии?

— Что вы имеете в виду?

— Ну, ведь вы же, надеюсь, еще не попали в зависимость от государства, чья касса пуста, точно гроб господень? Я один из шести богатейших людей Греции. Я создал свое состояние собственными руками и ни разу даже не подумал просить помощи у государства. Но в Финляндии, кажется, общепринято, что почтенные граждане сначала ощущивают государственный бумажник, а потом идут за покупками. Извините, мадам! Я не хотел критиковать вашу страну и ее мудрых государственных мужей, деятельность

которых, несомненно, даже нашего Сократа повергла бы в изумление.— Господин Агапитидис закурил ароматную сигарету и продолжал:

— Мадам, для такой женщины, как вы, добыть несколько лишних торговых пароходов — это сущие пустяки. Если вы согласитесь на мое предложение, то через год по линии Финляндия — Панама будут курсировать ваши собственные суда. Прошу прощения, позвольте мне немного продолжить! Я живу за счет торговли и мореплавания, как и вы, мадам. Я покупаю у вас, а вы покупаете у меня. Лукавить мы не умеем. Мы оба знаем, что только вор способен задержать вора и только закон может освободить его, как говорили мои предки. Нашим принципам чуждо вульгарное жульничество, наш идеал — чистое, всеми одобряемое стремление к прибыли. Короче говоря, давайте начнем с вами коммерческие операции, которые принесут больше дохода, чем изготовление каких-нибудь фетровых котелков, типографских красок или клейстеров... Простите, я еще немного продолжу. Я хорошо знаю, а вы — и того лучше, какой острый жилищный кризис все еще царит в этой прекрасной Финляндии, к которой я так неравнодушен. Кризис можно победить очень простыми средствами, и победительницей его будете вы, мадам Карлссон-Кананен, если только согласитесь на мое предложение и получите благословение государственных властей. Речь идет только о благословении, ни в коей мере не затрагивающем казну и не способном вызвать неприятные запросы в вашем чудесном парламенте, в этом красивом здании, куда я, кстати, охотно совершил бы экскурсию... Простите, мне осталось сказать еще совсем немного. Вы ведь знаете, кто такой был Диоген? Совершенно верно, это действительно был мой знаменитый соотечественник, который первым из великих людей стал постоянно жить в деревянном жилище, построенном так, что его можно было легко перевозить с места на место. Такая технически передовая страна, как Америка (где, кстати говоря, на жевательную резинку ежегодно расходуется больше денег, нежели на книги, — но кто же теперь стал бы заимствовать жевательную резинку?), открыла Диогена после второй мировой войны, когда для преподавания истории в своих университетах эта страна импортировала большую партию историков из Греции и предоставила им особое право говорить, в частности, об истории Древней Эллады и об ее великих мужах. Амери-

канцам более всех понравился Диоген, потому что он был изобретателем. Поскольку философ, презиравший человеческую глупость, не запатентовал свое наиболее значительное изобретение, относящееся, как известно, к области жилищного строительства, ловкие американцы подхватили его идею и начали строить легко перевозимые жилые дома — «трейлеры», которые теперь можно видеть в любом уголке Америки. Конечно, они строили не из дерева, потому что лесá в Соединенных Штатах были истреблены давным-давно вместе с бизонами и индейцами, а из железа и стали. Но идея этих жилищ — Диогенова: они легко перевозятся куда угодно. Движение, скорость, перемена обстановки — вот чего требует человечество, и это гениально предугадал еще мой дальний родственник, господин Диоген. Финляндия — обетованная земля деревянных построек; но жилища должны быть передвижными, так чтобы их можно было легко перевозить: летом — на берега озер или в Лапландию, а на зиму — в Хельсинки, где, несмотря ни на что, хотели бы жить все финны. Греция же — это обетованная земля вина и винных бочек: и вина и бочек она производит гораздо больше, чем требуется ей самой. Это-то и дает мне повод предложить вам, мадам, чтобы вы начали ввозить винные бочки для борьбы с жилищным кризисом в вашей стране.

Я была готова взяться за какие угодно мероприятия, лишь бы когда-нибудь осуществить мою горделивую мечту: основать линию Финляндия — Панама. Я не сообщила Энсио Хююпия о своих замыслах, без его ведома заказала первую партию величайших в мире винных бочек и одновременно продала господину Агалитидису продукцию моих лесопильных заводов, загрузив его два парохода. Так начался самый счастливый период моей жизни. Не скупясь, я наняла двух архитекторов, которые спроектировали из бочек жилища для одной семьи. Каждый гражданин, обладавший хоть каплей инициативы и счастливо получивший от государства заем, без труда добивался разрешения на аренду участка и на строительство. Так во всех уголках нашей страны поднялись густые всходы обитаемых бочек и для человеческого самолюбия было щеотно приятно это новое сознание «домовладельцев». В Пакила, Херттониemi, Леппяваара и Мунккинеми селились те, кто не хотел жить на колесах, зато в Мальми, Сеурсаари, Кяпюля (Кулосаари бог миловал) и в Мянтюмяки становились табором нома-

дизированные переселенцы, привыкшие вести подвижной образ жизни. Государственная комиссия по наименованию улиц, состоящая из известных кометологов и наименовательных советников, вновь обогатила топонимический словарь названий улиц. Так возникли улица Диогена, Бочарная улица, Цинический проезд, шоссе Винного осадка, площадка Бочарного Обруча, площадь Отвратившихся от мира и проспект Философа.

По мере того как жилищный кризис ослабевал, потребности людей возрастали. Чем крупнее господин, тем большая бочка ему требовалась. Я сообщила в Грецию, чтобы там спешно приступили к изготовлению бочек увеличенного объема, таких, чтобы легко вмещали сто квадратных метров полезной жилой площади. Потому что девять из каждых десяти бочковладельцев пристраивали со всех сторон к своей основной площади столько дополнительных помещений, что первоначальный греческий стиль нарушался и даже совершенно исчезал, а общий вид оказывался чрезвычайно эклектичным и безобразным. Было просто неловко наблюдать все это человеческое лукавство, на которое время от времени бросала свой застенчивый взгляд даже строительная инспекция. Классически чистые линии домов-бочек теряли свое первозданное очарование и свою романтичность. При каждом взгляде на густую поросль бочек Энсио Хююпия непременно доставал из кармана плоскую подружку, пропускал глоток для успокоения нервов и произносил:

— Минна, ты меня извини, но эти ужасные архитектурные ансамбли напоминают бред алкоголика...

Однако не все бочарные дома подходили под определение Энсио. В Мунккинеми было два очень миленьких бочечных особняка, каждый из которых имел жилую площадь более чем триста метров. Владельцы особняков — мои давние деловые партнеры. Их имена украшали лучшие страницы «Календаря налогоплательщиков города Хельсинки». Они были деловыми людьми и строились, как деловые люди. Сначала они доставали разрешение на строительство самого крупного бочечного жилища, затем для лучшей установки бочки строили железобетонный винный погреб и, наконец, над погребом возводили двухэтажный жилой дом. И все-таки бочки не принесли им ожидаемой радости, так как были сделаны отнюдь не из дуба, а из простой финской сосны, распиленной и превращенной в

первосортные остроганные доски на лесопильном заводе объединения «Карлссон». Только обручи были греческого происхождения. Один из владельцев бочечных особняков, директор Н., хотел потребовать с фирмы, импортировавшей бочки, возмещения убытков через суд. Однако он тут же забрал свою жалобу, так как Энсио пригрозил выдвинуть встречное обвинение в нарушении классического типового проекта без официального разрешения на постройку особняка. Директор Н. не мог использовать свой первоклассно построенный винный погреб для вина или хотя бы для домашнего пива, поскольку сосновая доска придавала напитку слишком отчетливый финский привкус. Но все же ему не пришлось раскисаться в покупке, так как ценой небольшой переделки бочку превратили в квартиру дворника.

Импорт бочек продолжался более года, и продолжался бы еще, если бы какой-то мелкий чиновник министерства не додумался внести предложение о переводе производства бочек в Финляндию. Я сразу же отказалась от предоставленного мне права первенства и поступила умно. Финский завод, начавший после этого выпускать бочки, предназначенные для жилья, сумел продать только два экземпляра. Каждый, кто нуждался в жилище и мечтал о собственном домике, тотчас оставил все мечты, как только перестали продаваться бочки, украшенные выжженным клеймом с надписью греческими буквами: «Ахиллес Агапитидис». Фабричная марка изображала бочку с дверкой, из которой выглядывало насмешливое лицо Диогена.

На этом прекратился экспорт бочарной клепки в Грецию, а также импорт бочек в Финляндию. Но мое деловое знакомство с Ахиллесом Агапитидисом отнюдь не прервалось. Мы основали греко-финскую пароходную компанию. Нам для этого вполне хватило средств, которые мы получили, поставляя жилища тем, кто в них действительно нуждался, а заодно, конечно, и вечным спекулянтам, которые всегда рады воспользоваться бедственным положением ближнего, совершенно забывая, что только в любви бывает позволительно также и то, что, вообще говоря, запрещено..

В 1952 году мои торговые суда «Эрнестина» и «Эрмина» начали курсировать между Финляндией и Панамой. Несмотря на линию Паасикиви, у меня была теперь собственная линия. Я уехала на полгода в Грецию отдыхать и постаралась забыть о делах. Два месяца мы — Ахиллес и я — прожили на Крите и около четырех месяцев на острове

Делос. Ахиллес совершенно перестал есть чеснок, однако, несмотря на это, он ответил мне в один прекрасный апрельский вечер, когда безоблачное небо сияло неистовой синевой востока, когда вечнозеленые пальмы шептались о чем-то между собой, а лодки искателей жемчуга скользили по зеркалу залива далеко-далеко, в безбрежный простор Средиземного моря, к кроваво-алому горизонту... Да, так вот тогда Ахиллес неторопливо и серьезно, точно обдумывая каждое слово, сказал мне:

— Минна. Женщина, сватающая мужчину, сватает тоску...

Я вернулась обратно в Финляндию и купила себе собаку. Все мои знакомые рекомендовали мне разные наилучшие породы, но я выбрала обыкновенную финскую остроухую лайку, пёсика, которому дала кличку Халли. Это простонародное имя шокировало светских дам, но едва ли могло оскорбить родительницу пёсика, носившую имя Queen of the Meadows — «Королева лугов».

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ
ФОНД МИННЫ КАРЛССОН-КАНАНЕН

К

огда церковь пришла к выводу, что больше не может состязаться в публичном успехе с кино-театрами, ей ничего не оставалось, как обратиться к религии; когда же я обнаружила, что конкурирующие фирмы, руководимые мужчинами, не могут состязаться со мной в деловой сноровке, я решила удалиться от дел, предоставив возможность попытать счастья и другим

женщинам. Живя замужем, добрая женщина может в семье свободно высказываться, только когда говорит во сне, а в деловой жизни — когда мужчины дремлют за столом совещаний, вспоминая приключения прошлой ночи. Деловая активность требует умения в такой же степени, как и супружество. Женщина-кошечка может заставить мужчину вести собачью жизнь, а мужское свинство воспитывает евангелисток, подобных миссис Тёрнэек. Многолетний опыт убедил меня, что ненасытная жажда нежности и ласки,

свойственная мужчинам, обычно перестает их мучить вне дома, но зато дома они всего быстрее освобождаются от джентльменства. Одна маленькая особенность отличает мужчину от свиньи: мужчина вечно требует со своей почительницы нежности и пищи, а свинья — только пищи. Но как свинью, так и мужчину не стоило бы держать в доме только из потребности общения. Зачем покупать запасные автомобильные части, когда живешь у железно-дорожного шлагбаума и можешь иметь их даром!

Итак, если я удалилась от дел, то причиной этого были отнюдь не пресловутые затруднения переломного возраста (излюбленной темой мужских сплетен являются «переходные годы» женщин!), а лишь то, что мне попросту надоело постоянно пасти, откармливать и резать более или менее породистых поросят. Когда я сообщила Энсио Хююпия о своем намерении начать жить только для себя — ведь учиться мотовству никогда не поздно, — он вдруг сделался необычайно серьезным. Но это не было серьезностью Данте, который в свое время метал сердитые громы на легкомысленных женщин Флоренции и рекомендовал им искать счастья в тихом жужжании прялки; Энсио Хююпия стал серьезен просто по-человечески и действительно по-мужски. В его глазах неопределенного цвета вспыхнуло тоскливое и почти отчаянное пламя, и он тихо проговорил:

— Минна... Что же будет тогда со мной?

— То же, что и до сих пор.

Взгляд его заметался по комнате, точно искал и не находил пристанища, и наконец остановился на Своде законов. Это был оракул его величественного рабочего стола, его друг и необходимое орудие. Он пробормотал невнятно:

— Более пятнадцати лет я имел счастье быть твоим сотрудником. Признаюсь откровенно, это ты сделала меня тем, чем я стал в настоящее время. Не заставь ты меня однажды бросить службу у Свинов, я теперь, вероятно, был бы маленьким жалким адвокатишкой, который лишь занимается регистрацией ценных документов да ведет споры и тяжбы неимущих либо терпеливо дожидается в прихожей суда, не потребует ли какой-нибудь жертве юстиции бесплатный судебный защитник... Минна, честно говоря, я опечален...

Подобно нудисту, бесстрастно обнажающему голые факты, Энсио Хююпия выставил напоказ свое внутреннее

«я». И я убедилась, что у него было сердце. По всей вероятности, он когда-то похитил сердце у своей жены, которая после этого почти всюду стала известна как бессердечная женщина. Я неоднократно замечала, что, несмотря на окружающую его толпу веселых друзей и резвых собутыльников, Энсио Хююпия казался очень одиноким. Как знать, возможно ему требовалось иногда — как, впрочем, и всем толстокожим мужчинам — немножечко тепла и ласки. Но, возможно, он не догадывался, что женщину покоряет не нежное сердце, а нежные слова, сказанные шепотом на ушко?

Мне уже принадлежало такое большое состояние, что я наконец-то могла принадлежать самой себе. Если я была нарочито резкой и обидчивой, меня называли одухотворенной; если я становилась ехидной и злой, говорили, что я поразительно умна и остроумна. Однако сама я чувствовала себя все той же Минной Эрминой Эрнестиной, рожденной в Миннесоте, дочерью ресторатора Бориса Баранускаса и Натали Густайтис, той самой Минной, что верила в гороскоп и в мужчин, рожденных под знаком Девы, ступающих носками внутрь и в большинстве своем — порядочных свиней. За исключением Армаса Карлссона, которого я любила и фамилию которого — калевальски воспитанные дамы ужаснутся этого! — я увековечила в славном названии объединения «Карлссон».

Я продала фирму «Карлссон» новым владельцам — о цене здесь упоминать не стоит — с условием, что мой верный Энсио Хююпия останется генеральным директором. Себе же я оставила только четыре грузо-пассажирских парохода. Я поручила нотариальному отделу крупнейшего банка заботу о стрижке купонов моих промышленных акций. Затем я взяла себе личного секретаря: молодую женщину с дипломом магистра. Это была женщина умная, самостоятельно мыслящая и добродетельная, как фарфоровая статуэтка. Впоследствии выяснилось, что она была глубоко религиозна, но мне это нисколько не мешало. Я ничего не имела против избранного ею пути: все время вправо, а после этого наконец прямо.

По причинам, относящимся к технике налогообложения — а вовсе не из благотворительных побуждений, как говорилось в торжественных речах, — я учредила «Фонд Минны Карлссон-Кананен», целью которого было оказывать поддержку и способствовать развитию исключительно финской культуры (выплачивать пособия и ссуды финским патриотически настроенным литераторам, артистам и ученым). Фонд имел свои (разумеется, формальные) правление и дирекцию ради того, чтобы некоторые честолюбивые деятели могли удобно рекламировать себя, украшать список своих заслуг и получать коллегияльные за сидение в ресторанах. Фонд имел также три специальные авторитетные комиссии, которые вносили предложения о распределении ссуд. Еще в самом начале было решено не выдавать ссуды спортсменам, которых развелось так много, что всего национального бюджета им едва хватило бы лишь на одну разминку. Решили также ничего не давать и музыкантам. Эту свою принципиальную установку правление Фонда и его авторитетные комиссии объясняли тем, что финансовая поддержка музыки совершенно ликвидировала бы с течением времени благородную профессию певцов и музыкантов, странствующих по дворам, а это, несомненно, нанесло бы непоправимый ущерб нашей молодой культурной стране, которая старательно перенимает и лелеет романтическое наследие седой Европы. Директор Вихтори Лехтевя — член правления Фонда и верный страж культуры (он, между прочим, каждое лето приносил цветущую перларгонию к подножию памятника Алексиса Киви) приводил в качестве примера потрясающую историю певца Тимо Пипинена, который мог бы стать великим тенором, если бы вдруг не обнаружилось, что у него из носа удалены полипы! Опираясь на этот пример, директор Лехтевя решительно возражал против предоставления ссуд музыкантам и певцам. В то же время он подчеркивал, что является большим другом музыки: всякий раз, когда жена его пела в ванной комнате, он спешил заткнуть уши ватой.

В это время я познакомилась с писателем Свенном Лоухела. Если не ошибаюсь, имя его многим совершенно неизвестно. Я тоже ничего не слыхала о нем, пока он сам не

пришел ко мне и не представился. Явился он не за ссудой, ему нужна была другая, совершенно пустяковая помощь. Вот его собственные слова:

— Разрешите отрекомендоваться: Лоухела, литературный разнорабочий, всегда оставляющий стихи и калоши в передней издателя и предоставляющий славу тем, кто ее домогается. Вы позволите отнять у вас немножечко драгоценного времени?

Я пригласила его сесть, но он пожаловался на необходимость вечно спешить и сказал, что просидел уже восемь часов кряду. Это был лысый («В последний раз я снял волос с гребешка одиннадцать лет назад, а с плеча — только вчера, но это уж был не мой волос»), кругленький мужчина средних лет, с живым и умным взглядом ясно-голубых глаз. Мне сразу понравилась весело-непринужденная манера, с которой он представился, и его сочный язык, столь разительно отличный от нудного, суконного языка деловых людей, министров и кухарок. Он достал из кармана блокнотик и сказал:

— Ну вот, сударыня, раз уж мы познакомились, я хочу просить вас о маленьком одолжении. Нет, нет, сударыня! Не о деньгах, а о чем-то гораздо более ценном. Вы стопроцентная американка — кстати, какое ужасное слово «стопроцентная»! — и, бесспорно, сможете мне помочь. Объясните, что означает слово «рiтр»?

— Женоподобный мужчина, — ответила я, рассмеявшись.

— Отлично. Это подходит к тексту. А тогда что такое «squage», если речь идет о человеке?

— «Squage», это примерно то же, что чурбан, болван или остолоп.

— Прекрасно! Тоже годится. А вот еще выражение: «slap stick»?

— Это значит «рохля», парень-размазня, которому ото всех достается.

— Спасибо! Я очень вам благодарен, сударыня. Я перерыл все словари, но нигде не нашел этих слов. Право же, я и сам изрядный «squage», что давно не догадался спросить у вас. Дело в том, что мне пришлось переводить одну американскую книжку, и здесь я исключительно щепетилен: переводить так уж переводить! Не выношу, когда в литературной работе халтурят. Это слишком напоминает духовную проституцию. Ну вот, огромное вам спасибо!

— Не стоит благодарить за такую малость: всего лишь несколько слов! — возразила я, искренне обрадованная тем, что среди такого множества людей я нашла человека.

— Нет, что вы, безусловно сто́ит, сударыня! Даже одно-единственное слово может иметь необычайную силу: им можно начать или окончить войну, выразить благодарность или порицание, а, кроме того, ведь и «вначале было слово» — лишь слово!

Так состоялось наше первое знакомство. Через неделю он вновь обратился ко мне с такой же просьбой, после чего стал в моем доме частым гостем, званым и желанным. Он выпустил ранее несколько сборников очерков и книгу путевых заметок, но в то время жил почти исключительно за счет переводов на финский язык с английского. В дополнение к трем специальным авторитетным комиссиям правление Фонда избрало Свена Лоухела экстраординарным экспертом для решения вопросов, в которых хорошо осведомленные комиссии были недостаточно хорошо осведомлены.

Комиссия по литературе состояла из тщедушного профессора-литературоведа, который всегда получал советы и указания от своей жены; молодого доцента, который предложил выдавать ссуды лишь писателям и поэтам, доказавшим свой патриотизм и боровшимся своими произведениями за крепкий семейный очаг, за веру и отечество; молодого критика, по мнению которого ссуды следовало выдавать исключительно литераторам, не достигшим двадцатилетнего возраста (с целью поощрения грамотности); и, наконец, экстраординарным членом комиссии был писатель Лоухела, представлявший здравый ум, способность суждения и трезвый цинизм. Перелистывая заявления о ссудах, он обычно весело восклицал:

— Ишь ты, ишь ты! Мальчишки хотят получить на выпивку! А этот-то, этот, вероятно, собирается купить себе зимнее пальто или вынужден платить за старые проделки...

Комиссия сценических искусств состояла лишь из двух членов: одного известного чтеца, который обладал высоко развитым литературным вкусом, ибо покупал только хорошо переплетенные книги, и одного почти неизвестного директора театра, представлявшего артистов обоего пола. И в этой комиссии экстраординарным членом был писатель Свен Лоухела,

Состав научной комиссии менялся по мере надобности. Здесь был лишь один постоянный член, Свен Лоухела, и восемнадцать запасных почетных членов, которых никогда не звали на заседания. Им тем не менее выплачивалось ежегодное вознаграждение, поскольку они разрешили включить свои имена в списки членов Фонда, а ведь всем известно, что денег стоят как раз имена, а не носители имен.

Распределение пособий производилось раз в год — в день моего рождения. Это был, собственно, единственный случай, когда я надевала все мои высокие ордена, норковую накидку и драгоценные украшения, в которые вложила несколько миллионов. Было большим наслаждением тратить деньги, на добычу которых ушли лучшие годы моей жизни.

Помимо регулярно выплачиваемых пособий, правление Фонда (то есть я) отпускало ежегодно пять миллионов марок на разовые ссуды в порядке все той же благотворительности. Правление Фонда (опять-таки я) доверило дело распределения этих ссуд, именуемых в уставе «экстренными пособиями», полностью в мои руки. Это потребовало от меня столько труда и забот, что мне пришлось открыть в центре города специальную контору для приема просителей. Сначала я занималась этим два дня в неделю, но потом стала принимать ежедневно с десяти до тринадцати, кроме воскресений и кануна больших праздников.

Круг моих знакомств начал расти с феноменальной быстротой. Писатели и поэты несли мне свои книги с автографами; чтецы предлагали билеты на премьеры, артисты — свои фотографии, ученые слали просроченные счета за электричество, воду, отопление и прочее, а какие-то подозрительные личности неизвестной профессии — вымогательские письма с угрозами. Как прекрасно было чувствовать себя служительницей культуры и опорой всех людей духовного труда! Я никогда не думала, что в Финляндии окажется столько мастеров литературы и искусства, изобретателей, ученых, чей труд столь нуждается в материальной и моральной поддержке.

Однажды пришел ко мне доктор В. С. А., который уже трижды получал ссуды от Фонда. Но ему необходимы были дополнительные средства, без которых он не мог закончить свои исследования.

— Простите, а каков предмет вашей работы?

— Блохи.

Тема была особенно близка моему сердцу, поскольку моя милая собачка Халли временами страдала от этих насекомых. Я внимательно присмотрелась к доктору. Это был высокий мужчина, похожий на борца тяжелого веса. Мне почему-то казалось, что его мозги прилипли к затылку, а уши, забавно сморщенные, висели, как листья, побитые морозом.

— Если бы я получил сто тысяч, мне бы хватило на полгода, — заговорил достойный естествоиспытатель.

— Мы не можем направлять наши ссуды столь односторонне, — ответила я довольно холодно. — Есть и другие области науки, требующие нашей материальной поддержки.

— Понимаю, госпожа советница, но поймите же и вы меня, пожалуйста! Вам ведь известно, что под воздействием новейших химических средств количество блох в нашей стране катастрофически сокращается, и потому если вообще вести начатые мною исследования, то надо вести их именно сейчас, пока мы не попали в совершенно критическое положение!

Он пододвинул стул поближе к моему письменному столу и, бросив на меня доверчивый взгляд подростка, заговорил горячо и торопливо, сбиваясь иногда на грустный, иногда на торжественный тон:

— Я уже говорил вам, что заканчиваю свой труд «Квантитативные особенности организмов и относительные размеры живых существ». Подобного исследования наша страна вообще никогда ранее не знала, так что мне пришлось опираться почти целиком на иностранные источники. Если разрешите, я в двух словах расскажу вам, до чего я дошел в моей работе. Вот масштаб, где сравниваются веса живых существ. Некоторые вымершие наземные животные достигали веса почти в двадцать тонн. Наибольший вес современных обитателей суши составляет лишь семь тонн, так что произошло явное уменьшение веса. Но ведь это обычное явление, известное буквально всем, у кого только в порядке глаза и весы. Иначе обстоит дело с мельчайшими животными. Как вы, надеюсь, помните, мой труд охватывает насекомых и членистоногих вообще, но в особенности концентрирует внимание на мельчайших беспозвоночных. Я сейчас заканчиваю исследования блох, которыми занимаюсь вот уже девять лет. Вы, разумеется, желаете знать: сколько весит блоха? Я с удовольствием отвечу на

ваш вопрос. В среднем блох идет три штуки на миллиграмм. В обычное, простое письмо, которое весит двадцать граммов, поместится семьдесят тысяч этих маленьких плутовок. Если предположить — а ведь в науке все основано на гипотезах, — что где-нибудь в деревенской избушке, где и поныне занимаются разведением блох без государственной дотации, достигнут местный рекорд в семьдесят тысяч блохоединиц, то их всех можно послать в конверте с обычной почтовой маркой в другой конец страны. Это дешевый и действенный способ избавиться от маленьких кусак. Часто говорят, что в такой-то избушке «блох наберешь килограммами». Но эта поговорка указывает лишь на чудовищное невежество простонародья. Люди просто не представляют себе веса блохи. Ведь только на двести граммов идет примерно семь миллионов блох — количество вполне достаточное, чтобы вся Финляндия не смогла сомкнуть глаз. Разве не удивительно?

— Да, чрезвычайно удивительно. Но какова цель ваших исследований? Принесут ли они пользу человечеству?

— Я стремлюсь к научной истине, а истина полезна всему миру. Если бы я был эгоистом, думающим лишь о материальной выгоде и личной обеспеченности, я мог бы сам начать разводить блох и продавать их в блошинные театры, которые всегда испытывают острейшую нужду в породистых блохах. Но поскольку я лишь скромный ученый, я целиком удовлетворяюсь моей наукой. Я намерен также опровергнуть поговорку о «килограммах блох», основанную на первобытном, наивном веровании. Таким образом, мой труд будет иметь также и этнографическое значение. Современное блоховедение — наука, основателем которой можно по праву считать американца Уолтера Д. Сигеля младшего; отец его Уолтер Сигель старший был в свое время владельцем крупнейшего в мире Нью-Йоркского театра блох, — так вот, блоховедение недавно доказало, что наивная вера людей к «килограммы блох», гуляющих на свободе, происходит от недостатка чувства относительности.

— Простите, доктор...

— Известно ли вам, госпожа советница, что современная наука различает четыреста восемнадцать видов блох? Но преимущественно изучены и наиболее распространены в наше время, как и в древности, блоха человеческая (*pulex irritans*) и блоха собачья (*ctenoccephalus canis*)...

— Простите, но я более не располагаю временем...

— Хорошо, я только опишу вам анатомические особенности этого насекомого. Членики тела блохи отличаются необычайной подвижностью, и, если смотреть в микроскоп, бодрая блоха в высшей степени похожа на современную исполнительницу модных американских песенок, которая за отсутствием голоса поет главным образом бедрами. Глаза блохи напоминают человеческие. Ее верхняя губа вместе с верхней челюстью образуют очаровательную сосущую трубочку, которую защищают нижняя губа с весьма утонченной бородкой и нижняя челюсть, напоминающая обыкновенный остроконечный нож. У блохи имеются три пары членистых конечностей, поперечно-полосатая мускулатура, высокоорганизованная нервная система, а главное — мозг, обратите внимание — головной мозг, совершенно как у человека! Разница состоит лишь в том, что человек шевелит своими мозгами гораздо реже, чем блоха; последняя же гораздо реже, чем люди, пускает в ход свой нож. Блоха режет лишь тогда, когда стремится утолить естественное чувство голода, напротив, человек режет своего ближнего при самых различных обстоятельствах: на войне, в ножевой драке, в операционной, в парикмахерской и так далее.

— Довольно, господин доктор! Вот ваш чек!

Доктор В. С. А. покинул мою контору и поспешил в банк. Время приема уже окончилось, и мне захотелось принять ванну. Я собралась уходить, как вдруг в кабинет ворвался молодой человек. Его усики еще едва пробивались нежнейшим пушком, но, как бы то ни было, это все же были усы. Он оказался поэтом-модернистом и потому говорил отрывистыми фразами:

— Ссуду. Тороплюсь. Готовлю сборник. Пять стихотворений написано.

— Простите, у вас дефект речи? — спросила я сочувственно.

Он состроил гримасу, показал мне язык, ударил кулаком по столу и сказал, что обладает высшим интеллектом. Он представился таким довольно странным способом, потому что решил присоединиться к литературному течению «сердитых молодых людей», — как только сумеет издать за свой счет сборник стихов и получит государственную стипендию. Однако надежда на ссуду весьма заметно повлияла на его настроение. Он изящно сел и по моей просьбе заговорил:

— Теория функций? Тьфу! Дрянь. Фрейд? Старомодно. Элиот? Хорошо, но дешевка. Либи́до. Жуткая молодость! Я не был на фронте. Комплекс? Нет, только зубная боль. Горячей, горячей! Надо обнажаться. Страсти! Стариков надо убивать!

Выпустив эту словесную очередь, юноша бросил на меня вопрошающий взгляд. Я нажала кнопку звонка и пригласила секретаршу следить за развитием событий. Случалось ведь и так, что нам приходилось обращаться к помощи врача или полиции. Теперь молодой человек сосредоточил все свое внимание на секретарше, которая была очень женственна и обладала естественной способностью краснеть.

— Продолжайте, не смущайтесь,— спокойно сказала я.

Белокурая секретарша была готова стенографировать, а молодой человек готовился «обнажаться». Но вот он присел на корточки, словно занял огневую позицию в каком-то тесном пулеметном окопе, и начал новый обстрел.

— Раки. Интроспективные животные. Бью и смеюсь. Темнеет. Шипит вселенная. Пахнет укропом. Джемс, давай чистую простыню. Дрожу, раздуваюсь, кричу. Оргазм. Море стихает. Засыпаю в объятиях бога...

Я многозначительно посмотрела на секретаршу и попросила юношу продолжать, на что он скромно ответил:

— Я помню наизусть только эти два стихотворения. Первое называется «Fortes fortuna adjuvat», а второе «Primo amoroso», но я готов клятвенно подтвердить, что всего написал их уже пять.

— А теперь вы хотели бы получить ссуду?

— Конечно. Я немного спешу. Вдохновение одолевает.

— А вы не обращайтесь внимания. Оно вас оставит в покое, когда вы станете постарше. Впрочем, я хочу уточнить одно обстоятельство: если вы сейчас получите ссуду, намерены вы сразу же отрастить окладистую бороду?

Юноша невольно почесал свой идеально гладкий подбородок и смело ответил:

— Разумеется.

— Вы полагаете, борода улучшит ваши стихи?

Он заершился:

— Вы, видимо, ничего не смыслите в современной лирике.

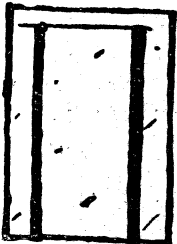
— Напротив. Мне кажется, я нахожу в ваших стихах некоторые идеи, о которых вы наверняка даже не подозреваете. Стихи ваши показывают в первую очередь все то, чего вы не знаете. Именно это, по-моему, и есть настоящая лирика.

— Это что, ваша рецензия? — спросил юноша враждебно.

— Нет, всего лишь одобрение и признание.

И, обратившись к секретарше, я сказала:

— Барышня, выписывайте чек. Я не хочу быть предубежденной, когда речь идет о культуре. Люблю одухотворенное безумие!

После того как я два года занималась распределением экстренных ссуд, мне стало надоедать это занятие. Писатель Свен Лоухела не без основания говорил, что я невольно создала в нашей стране новую профессию людей, утративших простое умение жить, которое предполагает, что на каждую каплю вдохновения необходимо добавлять по девяти каплям пота.

Я продлила приемные часы и стала работать ежедневно до шестнадцати, а также увеличила годовой объем экстренных ссуд до восьми миллионов марок. Но все же это была ничтожно малая сумма для страны, население которой превышало четыре миллиона человек (число претендующих на ссуду было немногим меньше). Постоянным моим клиентом стал теперь бывший заведующий рекламой объединения «Карлссон» поэт Олави Хеймонен. Он пользовался моей благосклонностью, поскольку я помнила его выдающиеся заслуги, особенно во времена системы ПУ. Но в конце концов и он начал испытывать мое терпение. Регулярно выдавая ему экстренные ссуды, которые Свен Лоухела ласково называл «затравочками», я доставляла маленькому поэту одни лишь страдания. Каждый раз, когда он получал на руки чек, весь мир перед его глазами начинал пошатываться и кружиться. То же самое, впрочем, констатируют и все те, кто употребляет слишком много алкоголя.

И вот он снова сидел в моей конторе, обуреваемый желанием

поговорить со мной наедине. Моя деликатная секретарша тотчас удалилась к себе, и я могла спокойно смотреть в глаза человеку, который сделал целью своей жизни писание книг. Все, кто не читал его произведений, находили их великолепными. В этом не было ничего предосудительного, ибо ведь точно так же большинство человечества верит в небесное блаженство, хотя и не испытало его. Одному лишь небу известно, что значит быть на небе. И только поэту известно, что значит стремиться к небесам.

Казалось, он все глубже и глубже погружался в мягкое кресло. Он выглядел поистине беспомощным. Маленький, щупленький человечек. Седой и сторбленный. От пышной шевелюры остался лишь печальный венчик, обрамляющий лысину. В светло-серых глазах мерцал загадочный взгляд. То был робкий взгляд ребенка, покорного и неискренного; взгляд преждевременно стареющего поэта, который ищет на стенах кабинета изображение мадонны (накануне оно было перенесено в комнату моей секретарши), а в моем лице — хоть малейший проблеск сочувствия и человеческой жалости.

Но у меня уже стало складываться очень стойкое мнение о поэте Хеймонене, который ходил в кабак, чтобы плакать, а в церковь, чтобы спать, и который всегда был несчастен и счастлив одновременно. Хотя я знала его много лет, я только теперь заметила, что глаза у него косые. Может быть, это происходило оттого, что в последнее время он стал оглядываться на свою жизнь, которая шла вкривь и вкось? Ему давно бы следовало выбирать себе очки поильнее, а напитки послабее.

Мой бывший заведующий рекламой начал трястись ровной мелкой дрожью и, лишь заметив это, почувствовал страх. Но ведь неприлично бояться женщины, которой уже стукнуло пятьдесят, тем более если она сама, по собственному почину отказалась от неблагодарной роли свинарки. Поэт еще раз попытался начать разведку:

— Госпожа экономическая советница, неужели вы действительно не хотите помочь мне?

— Не хочу, — ответила я. — В течение месяца я выписала вам три чека — последний только позавчера, — уплатила в полицию штраф, после того, как вас задержали в нетрезвом виде, уплатила за вас налоги, квартирную плату и по двум счетам из ресторанов. Ревизоры Фонда считают такое расходование средств преступным.

Поэт утвердительно кивнул головой и признал свое крушение: да, разумеется, его поведение преступно. А если доведенному до отчаяния преступнику дать в руки веревку, он удавит ею первого попавшегося кассира или продаст ее какому-нибудь другому несчастному, которому жизнь надоела.

— Госпожа советница, не можете ли вы лично дать мне взаймы тышчонки две? — отважился спросить он и посмотрел на свои башмаки, давно требовавшие ремонта.

«Лично я?» Меня удивило, что бывший заведующий рекламой не знает устава моего Фонда. Неужели он, в самом деле, думал, что я поставлена здесь для того, чтобы проматывать общественные средства?

— Сейчас я не дам вам ни одной марки, — сказала я весьма сурово.

— Я обязательно верну, как только получу от издателя.

— Прошлый раз вы сказали, что издатель вас вышвырнул.

— Это я фигурально выразился. Я всегда пользуюсь метафорой и аллегорией.

— А я предпочитаю выражаться просто и ясно. Вспомогательные беллетристические приемы здесь ни к чему. Вы получаете от государства писательскую пенсию, и, однако, вы кругом в долгах!

— Это верно. Пенсия слишком мала. Очень дорого стоит содержать три семьи...

— Кто же вам велел менять жен так часто?

— Но ведь у меня всего-навсего четвертая...

— И у каждой куча детей! Постыдились бы! Свобода творчества не в том, чтобы художник жил, как свинья, не принося даже той пользы, какую приносит это животное. Вас, видимо, ошибки ничему не научили.

Поэт не отвечал. Он признавал справедливым все, что бы я ни сказала. Действительно! Он совершал ошибку за ошибкой. Порой, казалось, жизнь его была сплошной цепью ошибок. Иногда даже деловая женщина может ошибиться — как же тут избежать ошибок поэту? Он ведь не саддукей, отрицающий существование ангелов и бессмертие души, а верный христианин, маленький грешный раб божий, упорно верящий и в ангелов, и в человеческую доброту. У него плутовато покаянное лицо и детски наивный взгляд кутилы. Он трое суток проблуждал по стезе порока и теперь боялся идти домой, где его ждала возмущенная жена и кипа

неоплаченных счетов. Он был опутан долгами, как «собственный» дом рабочего или скромного служащего, но долги его не тревожили, ибо он отмахивался от них с помощью молитвы: «...И остави нам долги наша, яко же и мы оставляем должникам нашим».

Он вполне серьезно верил, что долги прощаются, а потому был весьма смущен, когда я с осуждением заговорила о его долгах. Тогда он попытался снова приблизиться ко мне и начал исповедоваться, чистосердечно признавая свои грехи и пороки. Но поскольку грех в его представлении означал только стыд, а стыд обычно стараются переносить как можно легче, то вот он и пытался скрасить убожество своих поступков эффектным построением фраз и голубым бельмом метафоры.

— Ах, друг мой, до чего же глупы мы, жалкие люди! Маленькие будничные души рождаются, живут и умирают глупыми. В конце концов и тебе приходится раствориться в посредственности, чтобы не отличаться от остальных. В кой-то веки ты получишь от издателя крохотный вексель в оплату перлов души твоей, которые ты вынужден метать перед свиньями! Но когда-нибудь некая добросердечная женщина, которую бог наградил восхитительной внешностью, разумом и богатством, вложит в твою дрожащую руку чек, которого ты не заслужил. Тогда ты ощутишь полную обеспеченность, потребность в самоутверждении и невинное желание похвастать своим благополучием. Ты не обвенчан с презренным металлом, который, не зная покоя, бродит по всему свету, как Вечный Жид. Для тебя деньги только средство, чтобы ты мог выкупить у вечности несколько бессмертных мгновений, какую-нибудь бутылочку эликсира освобождения, удобный номер в гостинице и женщину, которой ты наизусть прочтешь литанию из последнего сборника своих стихов. Когда деньги добываются с песней, они убегают со смехом. Не успеешь оглянуться, как вдруг обнаруживаешь, что ты нищ... нищ и стар. Безденежье для тебя естественное состояние, но старость приносит тебе огорчения. В молодости ты старался быть верным своей жене, но не мог; теперь ты хотел бы изменять, но не в состоянии. Это печально. А затем ты пробуждаешься для жестокой действительности. Долго гуляешь по городу с неоплаченным счетом гостиницы и пытаешься воздействовать на своих издателей, чтобы они спасли тебя из ямы. Безуспешно. Вспоминаешь свою жену — эту, четвертую — и де-

тей, о пропитании которых заботится издатель и великодушная комиссия домов призрения. Тебя охватывает в одно и то же время ослепительное горе и серый комплекс свинства. Идти домой ты не можешь, потому что легкомысленно промотал деньги, предназначенные семье, а в кабаках тебе ничего не дают, поскольку слава твоя не безупречна, хотя имя твое и пользуется известностью. Тогда ты вспоминаешь, что есть у тебя высокий друг, совершенно чудесная женщина, которая понимает поэзию и прощает поэтам, что живут, как свиньи, но все-таки не являются свиньями. Ты приходишь к ней, признавая всю унижительность своего положения, готовый написать оду в ее честь и траурный гимн в ее память, и, не поднимая покаянных глаз, просишь у нее помощи, лишь чуточку помощи в самый последний раз...

Тут поэт оторвал свой взгляд от пола и устремил на меня глаза, полные мольбы. Он знал, что жизнь — это вечная игра. Теперь он все поставил на одну карту и надеялся обыграть меня. Я ответила поэту на языке суровой прозы:

— Эту самую сказочку я слыхала и позавчера. Только тональность немножко изменилась. Будет лучше, если вы пойдете домой и повторите вашу исповедь жене.

— Я не могу пойти туда, ведь я живу на другом конце города. Не будете ли вы так добры, госпожа экономическая советница, подарить мне хотя бы трамвайный билет?

— Я не езжу в трамваях, у меня своя машина. Кроме того, пройтись пешком всегда полезно для здоровья.

Встав из-за письменного стола, я подала моему бывшему заведующему рекламой руку. Было уже около шести, и через час ко мне домой должна была прийти парикмахерша. Я давала поэту понять, что прием окончен, но он сидел, не двигаясь с места, и пытался пробудить в самом себе сознание собственного достоинства. Он вытер потной ладонью свой липкий старческий лоб и вдруг воскликнул дрожащим голосом:

— Да знаете ли вы, кто я такой?!

Я смерила взглядом этого тщедушного фараона, восседавшего у подножия своей недостроенной поэтической пирамиды, и, встретив его глаза, сверкавшие пламенем оскорбленного самолюбия, кладнокровно ответила:

— Господин Хеймонен, успокойтесь! На меня ни-сколько не действует подобная мелодрама.

— Я вовсе не господин Хеймонен, а писатель Олави Хеймонен!

— Да, конечно, и писатель тоже, но, занимаясь рекламой, вы пользовались бóльшим успехом.

— Я выпустил восемь книг!

— Знаю, знаю. Ну, собирайтесь, вам пора уходить.

— Я получил несколько государственных литературных премий, сотни безвозвратных ссуд, писательскую пенсию и...

— И тем не менее у вас вечно трудности с деньгами. Я искренне сожалею и сочувствую.

— Мои произведения переводились на другие языки, меня называют финским Верленом.

— Надо же рецензентам что-нибудь выдумывать.

— Мой образ увековечен в бронзе и в граните. Литературоведы пишут обо мне исследования и монографии. Но вы, вы, госпожа экономическая советница...

Он устремил на меня осуждающий взгляд и, подняв сжатые кулаки, воскликнул:

— Вы жестокая и бесчувственная! Вы хотите, чтобы и меня постигла судьба Алексиса Киви!

Он быстрыми шагами направился к двери, вынул из кармана какую-то веревку и сказал трагическим голосом:

— Вы хотите убить меня! Хорошо, я умру. Но вы — вы уже мертвы, вы и не жили никогда, вы даже не знаете, что значит жить! Я скажу вам прямо, госпожа экономическая советница, что вы такое. Вы просто комок сухого навоза в красиво блестящем нейлоновом чулке!

Дверь распахнулась, потом захлопнулась, и живой парадокс отправился на поиски подходящего дерева-виселицы. Поскольку я своими глазами никогда не видела самоубийства, мне теперь захотелось посмотреть, как это выглядит. Я вышла из конторы и велела шоферу следовать за поэтом. Удобно откинувшись на заднем сиденье машины, я видела спину стихотворца, шагающего к центру города. Свежий майский ветер чистил щеткой потреланный наряд первых теплых дней и дерзко задирал женские подолы. У Шведского театра я вышла из машины и приказала шоферу все время ехать за мной, не выпуская меня из виду. Поэт попутно взглянул на стеклянную дверь ресторана «Рояль» и пошел дальше неспешным, плетущимся шагом. Взгляд его зачем-то шарил по земле, хотя совсем рядом возвышались могучие ветвистые липы и каштаны. Я издали следила за ним, и вскоре мне стало ясно его вероломство:

он вовсе и не собирался вешаться! На минутку поэт остановился на бульваре Эспланады, заглядевшись на увековеченную в бронзе фигуру Эйно Лейно. Ласточки, эти трудолюбивые пернатые навозники, сбрасывали свой груз на плечи автора «Хелккавирсия». Я стояла метрах в двадцати и видела, как поэт Хеймонен провел ладонью по глазам. Он заметил у себя на глазах слезы, и от этого ему стало совсем грустно. Возможно, он вспомнил печальную судьбу Эйно Лейно и решил при удобном случае направить письмо в муниципалитет. Все же отцам города следовало бы позаботиться, чтобы поэтов — по крайней мере после их смерти — не забрасывали пометом. Почему птицам разрешали безнаказанно осквернять память поэта? Неужели парламент, этот высший комитет развлечений финского народа, не мог вмешаться и принять какой-нибудь закон для обеспечения спокойствия поэтов?

Прохожие бросали сочувственные взгляды на тщедушного певца, который с непокрытой головой (котелок «Роберт» уже давно вышел из моды) и в сильно поношенном костюме стоял почетным караулом у памятника Эйно Лейно. Легко можно было догадаться, что в последнее время Олави Хеймонен использовал свой костюм также и в качестве пижамы: и брюки, и пиджак имели весьма помятый вид. Давно не бритая борода напоминала стальную щетку, а грязный воротничок рубашки казался обручем маслобойки. Вот до чего опустился человек, с тех пор как оставил долголетнюю, надежную службу в объединении «Карлссон»! Теперь это был печальный, настигнутый горем сын богемы, которому не хватало только измятой тетради в руке.

Стихотворец поклонился своему учителю и пошел дальше. Мимо Рунеберга он прошел довольно высокомерно, но через мгновение вернулся к нему, привлеченный, впрочем, не самим памятником, а нарциссами, рассыпанными у подножия. Без малейших колебаний схватив один цветок, он укрепил его в петлице своего пиджака и решительными шагами направился в сторону собора. Не получив помощи от меня, он, видимо, решил обратиться к всевышнему. Как часто он находил утешение в лоне церкви! По крайней мере так он сам рассказывал мне.

Я следовала за поэтом. Он приближался к церкви, уповая на божественную веротерпимость. Здание посольства царства небесного сверкало в розоватых отсветах заката непорочной белизной. Исторически чувство греха яв-

лялось большей частью лишь измененным страхом, но в новейшее время этот страх, видимо, медленно рассеивается. Поэт, наверное, с утешением думал, что в ад нынче уж не попадает так много людей, как в средние века. Дантов ад имел теперь значение только как памятник старины.

Я остановилась у входа в Университет, чтобы насладиться зрелищем, которому могли поаплодировать лишь ангелы небесные. Поэт окинул привычным взглядом памятник Александру Второму, а затем в глубокой задумчивости направился в церковь. Но тут-то его и ждало разочарование: двери храма были закрыты. Понемногу он сделался похожим на Лютера: бескомпромиссно верующим и в своей набожности страстным. Христиан следовало непременно обратить в Христову веру! «Стучитесь — и да откроют вам». Он продолжал стучать в двери храма до тех пор, пока бродивший по площади полицейский не подошел к нему с кротким сообщением, что храм откроется только через час. Религиозное усердие приходилось ратифицировать, подчинять строгому расписанию.

— Я не могу ждать так долго! — громко воскликнул поэт. — Вдохновение может исчезнуть. Именно в эту минуту я знаю, о чем я должен молиться.

Любезный блюститель порядка поглядел на поэта с некоторым сожалением, сделал движение эполетами и вернулся на свой пост. Он не понимал, что миллионы людей на свете ходят в кино, чтобы краснеть, и сотни избранных ходят в церковь, чтобы взглянуть на бледный лик своего «сверх-я».

Поэт стал спускаться вниз по ступеням. Ничто не окрыляло его шагов; они были тяжелы и замедленны, точно он тянул за собой всю печаль и все уныние рода человеческого. Он сел на нижнюю ступеньку, обхватил голову руками, потом стал растирать виски и на какой-то миг отдался прошлому.

Ближайшие друзья человека часто бывают некадежны. Самым близким и самым ненадежным другом Олави Хеймонена оказалось его воображение, которое обычно щедро предлагало свои услуги, но на сей раз и оно почему-то безмолвствовало. Боязнь возмездия, видимо, сдерживала его порыв. Воображение рисовало электрический стул, на который человек может сесть только раз в жизни. Поэт вглядывался в небо и тосковал по дому. То была тоска отца семейства, без конца проматывающего деньги. Сознание вины

не давало ему уснуть. С минуту он скрежетал зубами, грыз ногти, грозил небу кулаками и наконец громко разрыдался. Это была уже не потребность самоактивизации, а просто физическая боль. Я огляделась вокруг. Мой шофер, человек расторопный и сообразительный (он каждую свободную минутку читал детективные романы), остановил машину как раз напротив собора. Быстрыми шагами я направилась к машине и, поравнявшись с поэтом, остановилась. Я оторвала его от дум словами из стихотворения Хелаакоски: «Мужичок, проснись-ка! Вон уж лето близко!»

Он поднял мокрое от слез лицо и подарил меня взглядом, исполненным горечи. Я услышала только одно слово:

— Куртизанка...

— Если хотите, я могу отвезти вас на машине до дому. Я помогаю вам, но это уж безусловно последний раз. И делаю я это только из жалости к вашей семье.

Не говоря ни слова, он сел в машину рядом со мной и принялся сочинять рекламные тексты, — не зря ведь он когда-то работал в объединении «Карлссон».

— До чего же я подлое и несчастное существо. Оскорбил вас без причины, а потом почувствовал угрызения совести и хотел было пойти в церковь очистить душу. Вы, госпожа экономическая советница, понимаете, конечно, что мне тогда просто не удалось найти единственно подходящее слово? Я хотел сказать, разумеется, что вы — слиток чистого золота в блестящем нейлоновом чулке!..

Все-таки он был не безнадежен, поскольку умел еще просить прощения! Я выписала ему маленький чек и позволила целовать руки. Да, вот что значит работать свинаркой. Кутила, прожигатель жизни, обращался к богу, когда сатана уже не мог более испортить его. К счастью, для Олави Хеймонена имелось еще много возможностей портиться и становиться все хуже и хуже.

Мы остановились у деревянного домика, и поэт, спасшийся от участи Алексиса Киви, вышел из машины. Он представлял собою сплошную оду. Он достал из кармана веревку, и я заметила, что это была скакалочка, которую он раздобыл, видно, в подарок своим детям. Попрошавшись со мной в четвертый раз, он начал показывать выбежавшим навстречу ребятишкам, как прыгают через веревочку. Жена поэта появилась на крыльце и приветствовала блудного мужа самыми отборными словами. Муж бросил веревочку

детям, достал из кармана чек и вынул из петлицы нарцисс. С этим приношением он приблизился к жене и сказал, светло улыбаясь:

— Милая, не трать на меня своих драгоценных слов: довольно и взгляда!

Преподнеся жене нарцисс и чек, он продолжал:

— Самое жалкое существо на свете просит разрешения приветствовать тебя, о лучезарнейший свет вселенной, самоотверженная мать моих детей...

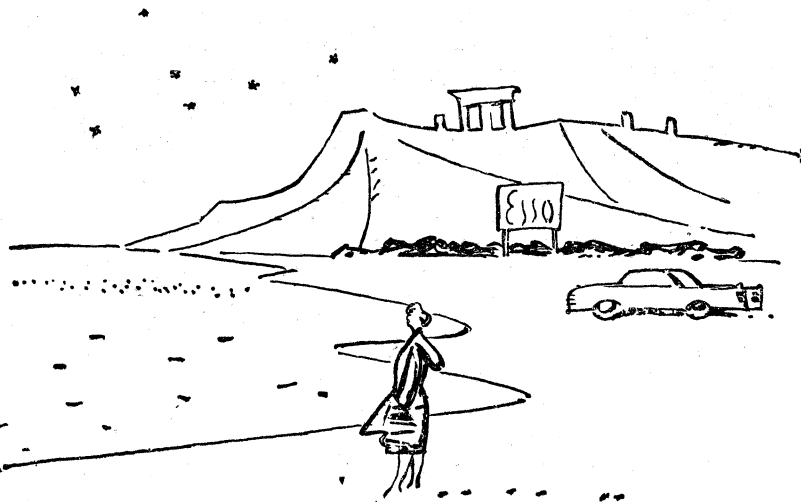
Я дала шоферу знак ехать. Мне надо было спешить домой, где парикмахерша ждала меня уже более часа. Это была спокойная женщина, привыкшая ждать и неторопливо выполнявшая свои обязанности.

Солнце — древнейший переселенец в страны запада — стояло все еще высоко в небе, когда я опустилась в парикмахерское кресло и приготовилась слушать последние новости из жизни хельсинкского общества. Моя парикмахерша напоминала новобрачную, которая рассказывает своему супругу решительно все.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ

В

сентябре 1955 года я заказала себе гороскоп из Голландии. Это было самое дорогое и самое полное пророчество, какое я когда-либо видела. Оно рекомендовало мне удалиться от мира для тихой, уединенной жизни, поскольку в моих волосах уже появились серебряные блески, а на душе непонятная грусть. В течение года я пыталась организовать у себя в доме литера-

турный салон, но, когда Алкогольный трест предложил мне оформить право на содержание первоклассного ресторана с подачей спиртных напитков, я прекратила деятельность салона. Мне стало совершенно ясно, что в Финляндии литературный салон лучше всего уживается в кабаке, где можно одновременно обменивать шляпы и пальто.

Распределение экстренных ссуд я доверила писателю Свену Лоухела, которому заслуги и быт художников, писа-

телей и ученых были известны лучше, нежели мне. Он начал раздавать исключительно ссуды-«затравочки» по тысяче марок, и вскоре научные работники исчезли с нашего горизонта. В жизни многих ученых неожиданно появилось одно досадное обстоятельство: хочешь не хочешь, а надо работать. Но я не желала больше заниматься раздачей милостыни. Зато писатели и художники были очень довольны новой системой распределения, ибо каждый раз, получив ссуду, они уже предвкушали новую.

Совершенно удалившись от светской жизни, я не чувствовала такого гнетущего одиночества, как прежде. Моя домашняя библиотека, насчитывающая свыше пяти тысяч томов, давно терпеливо ждала меня; финская остроухая лайка, которую непочтительно обозвали помесью и дворняжкой, требовала гораздо больше заботы и ласки, а моя хорошенькая личная секретарша была счастлива заказывать мне и себе билеты для заграничных поездок и обменивать валюту, в которой мы постоянно нуждались. Но, несмотря ни на что, я всегда приходила к одному и тому же конечному выводу: жизнь была мучительно однообразна. Я совершенно не умела жить, потому что не находила удовольствия в развлечениях. Богатство воспитывало эгоизм, а эгоизм — непреодолимое чувство отвращения. Я завидовала Энсио Хююпия, который по-прежнему пылал энергией и жизнерадостностью, а также писателю Лоухела, который никогда не уставал искать Человека.

И казалось бы, у меня не должно было быть никакой причины для огорчений, ибо я преуспела в деловой сфере, где многие мужчины терпели крах. Несмотря на два замужества, я сохранила независимость. Моему богатству и красоте завидуют или льстят. У меня есть все, о чем только может мечтать человек, а если чего и нет, достану, как только захочу. И все-таки я недовольна. Чего-то мне не хватает, чего-то, что дает больше спокойной уверенности, чем мои миллионы и пароходы, коллекции драгоценных украшений и положение в обществе. Неужели все-таки писатель Лоухела был прав, сказав однажды:

— Госпожа экономическая советница, вам не хватает только мужа...

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>От Издательства</i>	5
ПРЕДИСЛОВИЕ, КОТОРОЕ СЛЕДУЕТ ПРОЧЕСТЬ	9
<i>Глава первая.</i> КТО Я ТАКАЯ?	13
<i>Глава вторая.</i> ГОРОСКОП	24
<i>Глава третья.</i> „СВИН И КОМПАНИЯ“	43
<i>Глава четвертая.</i> ПЕРВОЕ ЗАМУЖЕСТВО И ПЕРВЫЙ МИЛЛИОН	62
<i>Глава пятая.</i> ГРУСТНАЯ	83
<i>Глава шестая.</i> ПЕРЕДВИЖНЫЕ УДОБСТВА	92
<i>Глава седьмая.</i> РЕВАНШ	105
<i>Глава восьмая.</i> ВТОРОЕ ЗАМУЖЕСТВО	111
<i>Глава девятая.</i> АМЕРИКАНСКАЯ ПОМОЩЬ	131
<i>Глава десятая.</i> ДЕРЕВЯННЫЙ САХАР	148
<i>Глава одиннадцатая.</i> ЗЕЛЕННЫЕ КОТЕЛКИ	159

<i>Глава двенадцатая.</i>		
„КАРМЕН“ И „СЕНЬОРА“		169
<i>Глава тринадцатая.</i>		
МОЯ ЛИНИЯ		181
<i>Глава четырнадцатая.</i>		
ФОНД МИННЫ КАРАССОН-КАНАНЕН		189
<i>Глава пятнадцатая.</i>		
ТРАГЕДИЯ ПОЭТА		201
<i>Глава шестнадцатая и последняя</i>		211

Мартти Ларни

ПРЕКРАСНАЯ СВИНАРКА

Редактор И. Н. БОБКОВСКАЯ

Художник А. А. Васин

Художественный редактор В. Я. Быкова

Технический редактор Е. С. Потапенкова

Корректор Е. Б. Марксон

Сдано в производство 4/VII 1960 г.

Подписано к печати 24/X 1960 г.

Бумага $84 \times 108^{1/32} = 3,4$ бум. л.

11,1 печ. л. Уч.-изд. л. 10,9. Изд. № 12/0289.

Цена 55 к.

Зак. 745

* * *

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва, 1-й Рижский пер., 2

* * *

Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Московского городского совнархоза
Москва, Ж-54, Валовая, 28

